

№9 (39) 2023

№9 (39) 2023

ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО И НАУЧНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ

№9 (39) 2023

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук
Санкт-Петербургский филиал

**ПРОБЛЕМЫ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО
И НАУЧНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ**

Международный ежегодник

ВЫПУСК 9 (39)

Санкт-Петербург
2023

Главный редактор: *Н.А. Ащеулова* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург).

Заместитель главного редактора: *С.И. Зенкевич* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург).

Ответственный секретарь: *В.А. Курприянов* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург).

Редакционный совет:

Ю.С. Васильев (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург), *И.И. Елисеева* (Социологический институт Российской академии наук — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург), *П. Тамаш* (Институт социологии Академии наук Венгрии, Будапешт, Венгрия).

Редакционная коллегия:

А.М. Аблажей (Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск), *Е.Ю. Жарова* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург), *Д.В. Иванов* (Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург), *Е.А. Иванова* (Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук, Санкт-Петербург), *Н.В. Никифорова* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург), *М.Л. Сергеев* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург), *А.А. Фёдорова* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург).

Выпускающий редактор номера: *В.А. Курприянов*

Основан в 1968 г. Периодичность издания 1 раз в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН).

ISSN 2414-9241

Международный рецензируемый ежегодник «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов» издается при содействии Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук, Социологического института Российской академии наук, Факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Европейского университета в Санкт-Петербурге, 23-го комитета по социологии науки и технологий Международной социологической ассоциации, Исследовательского комитета социологии науки и технологий Российского общества социологов, Санкт-Петербургской ассоциации социологов.

Журнал предназначен для студентов, аспирантов, научных работников, специалистов по социологии науки, техники, образования. Журнал индексируется в библиографической базе «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

© ИИЕТ РАН, 2023

© Редакция ежегодника, 2023

Ministry of Science and Higher Education
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences
St Petersburg Branch

**THE PROBLEMS OF SCIENTIST AND
SCIENTIFIC GROUPS ACTIVITY**

International Annual Papers

VOLUME 9 (39)

St Petersburg
2023

Editor-in-Chief: *N.A. Asheulova* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg).

Assistant Editor: *S.I. Zenkevich* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg).

Executive secretary: *V.A. Kupriyanov* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg).

Editorial Board:

Yu.S. Vasiliev (Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, St Petersburg),
I.I. Eliseeva (Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg),
P. Tamash (Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest).

Editorial Office:

A.M. Ablazhej (Institute of Philosophy and Law of the Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Novosibirsk), *A.A. Fedorova* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg), *D.V. Ivanov* (Saint-Petersburg State University, St Petersburg), *E.A. Ivanova* (St Petersburg Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg), *N.V. Nikiforova* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg), *M.L. Sergeev* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg), *E.Yu. Zharova* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg).

Managing Editor: *V.A. Kupriyanov*.

Founded in 1968. Publication frequency: published once a year.

Founder: Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences.

ISSN 2414-9241

International Annual Papers “The Problems of Scientist and Scientific Groups Activity” is published in cooperation with St Petersburg Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Faculty of Sociology of the Saint-Petersburg State University, Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, European University at St Petersburg, Research Committee on Sociology of Science and Technology RC 23 of the International Sociological Association, Research Committee on Sociology of Science and Technology of the Russian Society of Sociologists, St Petersburg Association of Sociologists.

Papers provide students, postgraduates, researches and specialists with an advanced introduction to STS.

International Annual Papers “The Problems of Scientist and Scientific Groups Activity” are indexed in the National Bibliographic Database “Russian Science Citation Index” (RSCI).

- © S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, 2023
- © Editorial Board of International Annual Papers, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От выпускающего редактора 9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

<i>Баева А.В.</i> Трансформация технологий, научной самости и эпистемических добродетелей: к истории научной объективности	11
<i>Батурин Ю.М.</i> Наукометрия и биограммы ученого	20
<i>Винарский М.В.</i> Битва при эпониме: что нам делать с «неполиткорректными» названиями животных и растений?	29
<i>Иккерт А.А.</i> Компьютерное лидерство: этические проблемы нового вида власти	37
<i>Погожина Н.Н.</i> Трансформация природы знания: идея и практика «открытой науки»	47
<i>Попова Н.Г., Моисеенко Я.Ю.</i> Открытый доступ: панацея или паллиатив?	54
<i>Сехлеян С.А.</i> Современная наука России в условиях деглобализации: социологический анализ	67
<i>Хмелевская С.А.</i> Эпистемократия и наука	76

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ И ПРИКЛАДНЫЕ СОЦИОЛОГО-НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Аллахвердян А.Г.</i> Динамика численности научно-технических кадров в СССР и Российской Федерации: сравнительный анализ	84
<i>Дежина И.Г.</i> Теоретические основы и практические шаги по обеспечению технологического суверенитета в России... ..	92
<i>Зверев А.И., Карачков С.М.</i> Концептуальные основания управления «проектным» городом	103
<i>Иванова Е.А., Николаева Л.Г.</i> Публикационная активность гуманитариев и обществоведов Петербурга	110
<i>Игнатьева О.А.</i> Особенности дизайна доказательной политики технологического суверенитета в Российской Федерации .	122
<i>Михайлов О.В.</i> Рейтинговая система в российских университетах и перспективы ее совершенствования: опыт ФГБОУ ВО КНИТУ	132

<i>Поздеева Е.Г. Хуторцова Е.Р.</i> Социологические аспекты доверия молодежи науке и научным коммуникациям	143
<i>Сидоренко М.Ю.</i> Основные тренды развития редакционно-издательской деятельности в России в условиях международной турбулентности.	153
<i>Соловей А.П.</i> Динамика карьерных ориентаций молодых ученых НАН Беларуси: гендерное измерение	164
<i>Шухно Е.В.</i> Образ ученого в сетевых изданиях Республики Беларусь	172

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Барабанова К.С.</i> Проблемы загрязнения пространства и предложения по их решению в экспертной оценке омских врачей второй половины XIX — начала XX века	181
<i>Зенкевич С.И. Балакина А.А.</i> Революционер, большевик, глава ленинградских научных учреждений, сотрудник БАН (к портрету М.Е. Федосеева)	190
<i>Конашев М.Б.</i> В поисках идеальной модели общества: Ф.Г. Добржанский и меритократия	200
<i>Куприянов В.А.</i> Идея организации науки в немецкой философии: от Г.В.Ф. Лейбница к немецкому идеализму	208
<i>Синельникова Е.Ф.</i> Из истории взаимодействия Академии наук и Вольного экономического общества во второй половине XVIII — начале XX века	220
<i>Слискова В.В.</i> «Центральное учреждение республики»: об учреждении Государственного института народного здравоохранения Наркомздрава РСФСР (1918–1920)	233
<i>Станулевич Н.А.</i> Импортозависимость советского кино- и фотопроизводства 1920-х годов	242
<i>Ульянкина Т.И.</i> Социальный феномен работ Луи Пастера по вакцинации	251

TABLE OF CONTENTS

From managing editor9

THEORETICAL PROBLEMS OF SOCIOLOGY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Baeva A.V.</i> The Transformation of Technology, Scientific Identity and Epistemic Virtues: Toward a History of Scientific Objectivity	11
<i>Baturin Yu.M.</i> Scientometrics and Scientist Biograms	20
<i>Vinarsky M.V.</i> Battle of Eponym: What Do We Do with the “Politically Incorrect” Names of Animals and Plants?	29
<i>Ikkert A.A.</i> Computer-Managed Leadership: Ethical Issues of a New Form of Power	37
<i>Pogozhina N.N.</i> Transformation of the Nature of Knowledge: the Idea and Practice of “Open Science”	47
<i>Popova N.G., Moiseenko Y.Y.</i> Open Access: Panacea or Palliative?	54
<i>Sekhlean S.A.</i> Modern Science in Russia under the Conditions of Deglobalization: a Sociological Analysis	67
<i>Khmelevskaya S.A.</i> Epistemocracy and Science	76

ORGANIZATION OF SCIENCE AND APPLIED PROBLEMS OF SCIENCE STUDIES

<i>Allakhverdyan A.G.</i> Dynamics of the Number of Scientific and Technical Personnel in the USSR and the Russian Federation: a Comparative Analysis	84
<i>Dezhina I.G.</i> Theoretical Foundations and Practical Steps to Ensure Technological Sovereignty in Russia	92
<i>Zverev A.I., Karachkov S.M.</i> Conceptual Foundations Management of the “Project” City	103
<i>Ivanova E.A., Nikolaeva L.G.</i> Publication Activity of Scientists Who Conduct Research in Humanities and Social Studies in St Petersburg	110
<i>Ignatjeva O.A.</i> Peculiarities of Evidence-Based Policy Design of Technological Sovereignty in the Russian Federation	122
<i>Mikhailov O.V.</i> The Rating System in Russian Universities and the Perspectives for Its Improvement: the Experience of Kazan National Research Technological University	132
<i>Pozdeeva E.G., Hutortsova E.R.</i> Sociological Aspects of Youth’s Trust in Science and Scientific Communications	143

<i>Sidorenko M. Yu.</i> Main Trends in Development of Editorial and Publishing Activity in Russia in the Context of International Turbulence	153
<i>Salavei A.P.</i> Dynamics of Career Orientations of Young Scientists of NAS of Belarus: Gender Dimension	164
<i>Shukhno Ye. V.</i> The Image of a Scientist in Network Editions of the Republic of Belarus	172

SOCIAL HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Barabanova K.S.</i> Problems of Space Pollution and Proposals for Their Solution in the Expert Assessment of Omsk Doctors in the Second Half of the 19 — Early 20th Centuries.	181
<i>Zenkevich S.I., Balakina A.A.</i> Revolutionary, Bolshevik, the Chief of Leningrad Academic Institutions, an Employee of the Academic Library (to the Portrait of Mikhail Ye. Fedoseev)	190
<i>Konashev M.B.</i> In Search of an Ideal Model of Society: Th. Dobzhansky and Meritocracy	200
<i>Kupriyanov V.A.</i> The Idea of Organization of Science: from G.W.F. Leibniz to the German Idealism	208
<i>Sinelnikova E.F.</i> From the history of collaboration between the Academy of Sciences and the Free Economic Society in the second half of the XVIII — the beginning of the XX century.	220
<i>Sliskova V.V.</i> “Central Institute of the Republic”: Establishing the State Institute of Public Health Protection in the RSFSR in 1918–1920	233
<i>Stanulevich N.A.</i> Soviet Cinema and Photography in 1920s as an Import Dependence Trade	242
<i>Ulyankina T.I.</i> The Social Phenomenon of Louis Pasteur’s Work on Vaccination	251

ОТ ВЫПУСКАЮЩЕГО РЕДАКТОРА

17–18 мая 2023 г. в Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук прошла XXXVII сессия Международной школы социологии науки и техники им. С.А. Кугеля «Наука и техника в условиях модернизации: в поисках технологического лидерства». Статьи, подготовленные на основе докладов участников Школы, представлены в данном номере международного ежегодника «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов». В XXXVII сессии Международной школы социологии науки и техники традиционно принимали участие исследователи из России, а также из других стран. В этом году, помимо участников из России, в Школе принимали участие ученые из Беларуси и Индии. Регионы России были представлены также достаточно широко. Хотя подавляющее большинство докладчиков было из Санкт-Петербурга и Москвы, в работе Школы принимали участие и ученые из Новосибирска, Екатеринбурга, Тюмени, Ростова-на-Дону, Казани и других научных центров России.

Тематика XXXVII сессии Международной школы социологии науки и техники им. С.А. Кугеля была связана с проблематикой научно-технологического лидерства в современном мире. Участники Школы обсуждали как теоретические, так и прикладные проблемы социологии науки и науковедения. В фокусе внимания участников Школы были практически все актуальные проблемы социологии науки: возможности использования искусственного интеллекта; этика технологий в цифровую эпоху; оптимизация организации науки; социальная история науки: дореволюционный период, советская наука, биографика; открытая наука; наука и идеология; достижение технологического суверенитета; реформы науки в условиях международного противостояния. Статьи, посвященные этим вопросам, составили содержание настоящего номера. Рубрики сборника отражают основные тематические направления работы Школы: теоретические проблемы

социологии науки и науковедения, прикладная социология науки и социальная история науки.

В номере можно ознакомиться со статьями, посвященными новым способам наукометрической оценки эффективности научного труда, анализу публикационной активности российских ученых, редакционно-издательскому делу в науке в условиях внешних ограничений, эпистемологическим проблемам науки, проблемам оптимизации организации науки в условиях международной турбулентности, теоретическим проблемам социологии науки в условиях деглобализации, проблемам научной коммуникации. Традиционно большую роль играет в номере и социальная история науки: читатель имеет возможность ознакомиться со статьями, посвященными науке в царской России, советской науке, конкретным случаям из истории технологий, социально-политическим взглядам выдающихся ученых.

Мы надеемся, что предлагаемый вниманию читателей очередной номер международного ежегодника «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов» своей проблематикой будет интересен преподавателям и ученым самых разных научных направлений.

В.А. Куприянов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

УДК: 001.6

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-11-19

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ, НАУЧНОЙ САМОСТИ И ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ: К ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ

Ангелина Викторовна Баева

кандидат философских наук,
преподаватель философского факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия;
e-mail: baeva@philos.msu.ru

В современных исследованиях науки научная объективность перестает пониматься как абстрактное эпистемическое понятие и начинает отсылать к конкретным исторически изменчивым практикам, которые следует совершать ученому, чтобы быть объективным. Определенный тип научной самости складывается под влиянием тех или иных научных практик (в частности, практик создания визуальных образов) и практик следования определенной «эпистемической добродетели» (в частности, объективности). Цифровые технологии изменяют ряд научных практик, а значит, изменениям подвергается и эпистемическая добродетель объективности, и сама научная самость. В пространстве соединения научного, технологического и цифрового появилась новая роль у цифровой визуализации как практики достижения объективности. Современные научные практики, использующие цифровые и НБИКС-технологии, изменяют не только способ вмешательства, но и, в конечном счете, того, кто это вмешательство производит. Еще на рубеже XX–XXI вв. присутствие человека-наблюдателя рассматривалось как некое явление, которое в будущем должно быть устранено путем совершенствования алгоритмов

и возможностей обработки изображений без человеческого вмешательства. И сейчас, например, создание новых цифровых атласов выдвигает новые нормативные требования контроля и ограничения самости в достижении так называемой «цифровой объективности». В этой связи резонным кажется вопрос о том, не грозят ли новые технологии стиранию научной самости как инстанции, которая была призвана регулироваться объективностью как эпистемической добродетелью? Не являемся ли мы свидетелями появления новых эпистемических режимов, или же носителями эпистемических добродетелей становятся алгоритмы, пришедшие на смену научным самостям?

Ключевые слова: объективность, эпистемическая добродетель, научная самость, визуализация, цифровые технологии

В современных исследованиях науки происходит принципиальное усложнение того, что называется «наукой»: наука оказывается эмпирически многообразной, в связи с чем усложняются способы исследования науки. Переопределение того, что представляет собой наука, влечет за собой переосмысление и эпистемических (метанаучных) понятий таких, как, например, истинность, достоверность, объективность и др. И эти понятия (в частности, понятие объективности) начинают отсылать, в том числе, к определенным практикам науки, которые оказываются исторически изменчивыми и зачастую не относящимися напрямую к научному знанию. В связи с этим объективность, традиционно характеризующая научное знание, перестает пониматься как сама собой разумеющаяся, вневременная и неотъемлемая характеристика науки. Мы вслед за Л. Дагстон и П. Галисоном (Галисон, Дагстон, 2018) говорим об объективности как «эпистемической добродетели» (*epistemic virtue*), которая имеет историю, отличную от истории науки. В предлагаемом обозначении объективности как «эпистемической добродетели» принципиальным образом соединяются эпистемология и этика, что указывает на активное участие «научной самости» (*scientific self*) в конкретных материальных практиках, где осуществляется объективность. Исследовать объективность становится возможным, например, с помощью анализа научных изображений и практик их создания, которые по-новому задают проблемное

поле эпистемологии: значительная роль отводится техникам проведения наблюдения и эксперимента, формам репрезентационного закрепления их результатов. История объективности, реконструируемая Дастон и Галисоном по практикам создания изображений для научных атласов, представляет собой историю реконфигураций, обязанных различным способам видения. Научные атласы подвергались в разное время пересмотру в зависимости от изменения способов визуализации и перенастройки исследовательских оптик, то есть, например, создание объективного образа требовало соблюдения определенных ограничений в отношении научной самости. Появление новых — цифровых — практик визуализации, сменяемость эпистемических добродетелей и, как следствие, изменение практик ограничения и контроля самости, позволяет поставить вопрос о трансформации научной объективности. Чтобы проследить этот процесс и определить, чем он характеризуется, мы ниже проведем небольшой экскурс в историю сменяемости эпистемических добродетелей и регулируемых ими самостей, а затем постараемся показать, как современные научные практики визуализации и изменения в характере самих визуальных образов трансформируют объективность.

В своей исторической концепции объективности Дастон и Галисон показывают на конкретных примерах, что в качестве научной нормы и принципа, регулирующего множество научных практик, объективность утверждается только с середины XIX столетия. Эпистемические добродетели могут сосуществовать в одном эпистемологическом поле, но на уровне конкретных рутинных практик оказывается невозможным служить сразу нескольким добродетелям. Естественнонаучные атласы XIX в., служащие для Дастон и Галисона наглядным примером, демонстрирующим историчность объективности, в том числе, указывают и на то, как изменялся сам тип ученого — научная самость — в зависимости от господствующей эпистемической добродетели. Например, новый тип «объективного» ученого — это фигура дисциплинированного осторожного наблюдателя,

не вмешивающегося в процесс, а лишь беспристрастно фиксирующего наблюдаемые явления и правильно интерпретирующего их. Быть объективным (то есть придерживаться эпистемической добродетели объективности) значило не просто заниматься наукой, но, прежде всего, усмирять свою волю и самость, например, воздерживаясь от ретуширования фотографий. Новое представление о визуальном образе как специфическом инструменте, возникающее в современной эпистемологии в связи с появлением цифровых режимов визуализации, требует формирования нового типа самости. Так, например, развитие нанотехнологий в XX–XXI вв. позволяет Дастон и Галисону ввести в оборот описание нового режима научной визуализации — «образ-как-инструмент». И этот переход от «образа-как-презентации» к «образу-как-инструменту» показывает, что наиболее глубокое изменение происходит именно на уровне научной самости. Стремление к минимизации роли самости в процессе создания и наблюдения научного образа вплоть до отказа от самости как таковой, способной каким-либо образом вмешаться или неправильно увидеть и проинтерпретировать наблюдаемое явление, все больше можно видеть в современных научных практиках, использующих компьютерные, цифровые и НБИКС-технологии. В связи с этим резонным кажется вопрос о том, не грозят ли новые цифровые технологии стиранию научной самости как инстанции, которая была призвана регулироваться объективностью как эпистемической добродетелью? В качестве возможного ответа на этот вопрос мы предполагаем, что на смену научной объективности приходит новый эпистемический режим, разрывающий связь этики и эпистемологии, а носителями новой эпистемической добродетели становятся алгоритмы, пришедшие на смену прежним типам научной самости.

Если еще недавно на рубеже XX–XXI вв. присутствие ученого-наблюдателя рассматривалось как некое явление, которое в будущем должно быть устранено путем совершенствования алгоритмов и возможностей обработки изображений

без человеческого вмешательства, то сейчас создание новых (по сравнению с предыдущими методами картографирования мозга) цифровых атласов выдвигает новые требования к контролю и ограничениям самости в достижении так называемой «цифровой объективности» (Beaulieu, 2001: 662–669). Так, например, в 1990-е гг. («десятилетие мозга») был создан ряд цифровых и электронных ресурсов, позволяющих рационализировать и интегрировать различные области нейробиологии. Этот подход был описан как «нейроинформатика». В ходе совершенствования атласов мозга то, что составляло «объективное» нейробиологическое знание, переосмыслилось в соответствии как с технологическими возможностями, заложенными в новые технологии, так и с ограничениями стандартизации, присущими проектам, включающим множество измерений. Понятие «цифровая объективность» предлагается в качестве обозначения конкретной конфигурации идеалов, методов и объектов познания в современной кибернауке (Ibid.: 635). И поскольку визуальные представления в науке все больше переплетаются с компьютерными и вычислительными форматами, их цифровая материальность требует особого подхода: например, результат сканирования мозга не является моментальным снимком, и ряд допущений Дагстон и Галисона, связанных с реализмом в отношении механической объективности, не подходит для изображений сканированного мозга (Rijcke, Beaulieu, 2014: 131–132). Благодаря развитию компьютерных технологий сканирование мозга стало встроенным в цифровой и сетевой контекст, что делает эту процедуру не столько репрезентативной, сколько презентативной.

Поскольку в начале XXI в. технологические достижения повлияли на то, как обрабатываются, интегрируются и визуализируются данные, роль научной самости также претерпевает изменения, однако все же самость не устраняется полностью: границы, обеспечивающие и поддерживающие участие человека-наблюдателя, скорее расширяются, чем стираются. Так, например,

наблюдение и визуализация с использованием цифровых атласов мозга выстраивается в основном за монитором компьютера (Ibid.: 134–136). Это подразумевает изменение отношений между наблюдателем, объектом наблюдения, технологиями, используемыми для этой цели, и институциональными механизмами, обеспечивающими практику наблюдения. Цифровой атлас в отличие от атласов, рассматриваемых Даuston и Галисоном, приобретает черты инструмента, не столько репрезентирующего, сколько презентующего, поскольку он одновременно может и представлять, и использоваться для совершенствования представлений. В то же время возрастает и роль баз данных (больших данных) в перераспределении сил на эпистемическом поле, поскольку различные типы баз данных будут способствовать появлению новых видов визуализаций (Ibid.: 138–140) и, как следствие, требовать реконфигурации фигуры наблюдателя. В связи с этим по-новому проблематизируется роль научной самости, участие которой теперь оказывается распределенным и интерактивным (Китчин, 2017: 116). Данные хотя и стремятся дать детальную и исчерпывающее представление информации, но, тем не менее, дают только выборочное отражение значимой информации, что определяется во многом используемыми технологиями и платформами сбора данных, а также, что не менее важно – онтологическими установками в отношении используемых данных. При этом фигура врача как эксперта не устраняется из процесса диагностики, но объективность врача будет во многом опираться на анализ тех данных, которые он получил от сервиса. Иными словами, данные предполагают избирательный взгляд, настроенный определенным образом и ограниченный использованием определенных инструментов (Там же: 123–124). Так, например, уже сейчас в области биомедицины применяются специально обученные нейросети в качестве экспертной инстанции при проведении компьютерной томографии или датчики, расположенные на теле пациента не только для сбора информации, но и для проведения диагностики вместо врача (Bulatov et al, 2023).

Изображения продолжают совершенствоваться вместе с приборами и техниками визуализации, но теперь уже не с точки зрения соответствия или объективности, а скорее с точки зрения их функциональности (Ruivenkamp, Rip, 2014: 193). Возможно, стремление к точности сменилось стремлением к достижению удобства: в частности, в биоинформатике имеет место переход к хорошо различимым и эстетически привлекательным, но мало похожим на «реальные» белки способам визуализации (Волошин, 2021). Цифровая визуализация разрушает различие между рисунком, выполненным от руки, и изображением, сделанным механическим образом: механически произведенные цифровые изображения можно регулировать «вручную» на экране компьютера с помощью специальной программы для обработки изображений. С помощью программного обеспечения цифровые фотографии могут быть преобразованы в упрощенные «диаграммы», сохраняя при этом внешний вид фотографии, которая представляет собой «истинный» моментальный снимок рассматриваемого явления (Frow, 2014: 257). Можно ли при этом считать цифровые изображения более достоверными и заслуживающими внимания, нежели «сырые» данные изображений? Некоторые исследователи связывают их «надежность» с преобразованиями, выполняемыми программным обеспечением (а не человеческими руками) (Lynch, 1991: 221). Это перекликается с представлением о «цифровой объективности»: цифровая форма и структура новых научных атласов обеспечивает взаимодействие, в котором различные техники объективности сходятся и усиливают друг друга. Вероятно, цифровая обработка изображений может способствовать эпистемическому идеалу объективности посредством развертывания автоматизированных процессов, которые были математически подтверждены, что, соответственно, уменьшает необходимость вмешательства в обработку данных. Тем не менее, вопрос о том, усиливает или ослабляет объективность цифровая обработка изображений, нуждается в отдельном исследовании.

Список литературы

Волошин М.Ю. 3D-визуализация макромолекул в биоинформатике: эпистемологический аспект // ПРАЕНМА. 2021. № 4 (30). С. 12–35.

Галисон П., Дастон Л. Объективность. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018. 584 с.

Китчин Р. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2017. № 44. С. 111–152.

Beaulieu A. Voxels in the Brain: Neuroscience, Informatics and Changing Notions of Objectivity // *Social Studies of Science*. 2001. Vol. 31. No. 5. P. 635–680.

Bulatov K.B., Ingacheva A.S., Gilmanov M.I., Chukalina M.V., Nikolaev D.P., Arlazarov V.V. Reducing Radiation Dose for NN-Based COVID-19 Detection in Helical Chest CT Using Real-Time Monitored Reconstruction // *Expert Systems with Applications*. 2023. Vol. 229. Part A. 120425.

Frow E.K. In Images We Trust? Representation and Objectivity in the Digital Age // *Representation in Scientific Practice Revisited* / Ed. by C. Coopmans, J. Vertesi, M. Lynch, S. Woolgar. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2014. P. 249–268.

Lynch M. Science in the Age of Mechanical Reproduction: Moral and Epistemic Relations between Diagrams and Photographs // *Biology and Philosophy*. 1991. Vol. 6. No. 2. P. 205–226.

Rijcke S. de, Beaulieu A. Networked Neuroscience: Brain Scans and Visual Knowing at the Intersection of Atlases and Databases // *Representation in Scientific Practice Revisited* / Ed. by C. Coopmans, J. Vertesi, M. Lynch, S. Woolgar. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2014. P. 131–152.

Ruivenkamp M., Rip A. Nanoimages as Hybrid Monsters // *Representation in Scientific Practice Revisited* / Ed. by C. Coopmans, J. Vertesi, M. Lynch, S. Woolgar. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2014. P. 177–200.

THE TRANSFORMATION OF TECHNOLOGY, SCIENTIFIC IDENTITY AND EPISTEMIC VIRTUES: TOWARD A HISTORY OF SCIENTIFIC OBJECTIVITY

Angelina V. Baeva

PhD in Philosophy, Lecturer,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia;
e-mail: baeva@philos.msu.ru

In contemporary studies of science, scientific objectivity ceases to be understood as an abstract epistemic concept and begins to refer to specific, historically varying practices, that scientists must engage in order to be objective. A certain type of scientific identity is shaped by certain scientific practices (in particular, the practices of visual imaging) and the practices of following a certain “epistemic virtue” (in particular, objectivity). Digital technologies change a number of scientific practices, and hence both the epistemic virtue of objectivity and the scientific identity itself change. In the space of connecting the scientific, technological and digital there is a new role for digital imaging as a practice of achieving objectivity. Modern scientific practices that use digital and NBICS technologies as new practices change not only the way of intervention, but also, ultimately, the person who makes this intervention. Back at the turn of the 20th and 21st centuries, the presence of a human observer was seen as a phenomenon to be eliminated in the future by improving algorithms and image processing capabilities without human intervention. And now, for example, the creation of new digital atlases puts forward new normative requirements to control and limit the self in achieving so-called “digital objectivity”. In this context, it seems reasonable to ask whether the new technologies threaten to erase the scientific self as an instance that was meant to be governed by objectivity as an epistemic virtue. Are we not witnessing the emergence of new epistemic regimes, or are algorithms replacing scientific selves becoming the bearers of epistemic virtues?

Keywords: objectivity, epistemic virtue, scientific self, visualization, digital technology

УДК: 001.811

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-20-28

НАУКОМЕТРИЯ И БИОГРАММЫ УЧЕНОГО

Юрий Михайлович Батурин

член-корреспондент
Российской академии наук,
главный научный сотрудник
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: yubat@mail.ru

Наукометрия как инструмент науковеда работает, в основном, с массовыми процессами, лишь изредка осуществляя точечные (отнесенные к конкретному ученому) замеры. Представляется, что та часть наукометрии, которая «измеряет» отдельных ученых, нуждается в «очеловечивании». Привнесение субъективности в процесс оценки ученого, как ни парадоксально, сделает наукометрические замеры значительно точнее. Предлагается использовать графическое представление его творческой жизни, биограмму — временную диаграмму биографии ученого (или другого персонажа) с обозначенными периодами, особыми точками, важными событиями и указанием на взаимосвязи и взаимовлияния с другим событиями и акторами, выполненную в произвольной или стандартизированной форме. Биограмма с разметкой и обозначениями фактически является графиком жизненной функции (линией жизни, рисунком творческой судьбы), построенным в формате нечеткой математики с помощью лингвистических переменных.

Ключевые слова: наукометрия, ученый, научная биография, биограмма, анализ

Впервые наукометрия (Scientometrics) была определена В.В. Налимовым как развитие «количественных методов исследования развития науки как информационного процесса» (Налимов, 1969). Современное науковедение пользуется термином

«наукометрия», определяя его как область знания, занимающуюся изучением науки, статистическими исследованиями структуры и динамики научной деятельности (Гонашвили, 2020: 6).

Первая в мире попытка использовать данные о публикациях для оценки научной деятельности была сделана еще в XIX в. Чарльзом Бэббиджем, предложившим использовать количество научных публикаций для оценки известности ученого (Москалёва, Акоев, 2019: 137). Она сразу же подверглась критике, поскольку никак не учитывала качество научных работ. С тех пор наукометристы предложили ряд показателей, которые якобы учитывают и качество работ, но развитие этого направления сопровождалось непрерывным скепсисом. Тем не менее, время от времени возобновляются опасные попытки использования наукометрии для управления наукой: «Попытки административного управления научной деятельностью зачастую опираются на неверные предположения, а потому приносят вред развитию науки» (Орлов, 2013: 538).

Наукометрия занимается как массовыми явлениями, так и точечными замерами. Массовые измерения, конечно, нужны, поскольку они дают определенную общую ориентировку и, возможно, даже учитываются при принятии решений. Точечные замеры наукометрия производит с позиции внешнего наблюдателя. Так, например, в академической серии «Материалы к биобиблиографии» членов Академии наук, помимо очерков о научной деятельности ученых и библиографических списков, уже появились науковедческие разделы (Плеханов, 2021: 65–98). С позиции внутреннего наблюдателя пишутся автобиографии, а затем изучаются науковедами как документы самонаблюдения. Примеры науковедческих замеров, производимых самим объектом изучения, если и существуют, то единичны.

Определенный прорыв здесь сделали науковеды Л.Ф. Кавуненко и Т.Н. Велентейчик, включившие в список показателей для исследования научного профиля ученого вопросы, связанные с его самооценкой, причем так, что ответы можно преобразовать

в количественную форму и сравнить их с «объективными» наукометрическими показателями (Кавуненко, Велентейчик, 2020). И это очень важно, потому что такая «субъективная» оценка, сделанная человеком, воспитанным на строгих научных принципах, во многом точнее традиционных оценок наукометрических, во всяком случае для понимания личности ученого. Вспомним совершенно справедливое замечание В.И. Вернадского: «Каждый ученый является сложным комком идей и знаний, в котором ему современное [знание] имеет иногда современно ничтожное место в его научных суждениях» (Вернадский, 2013: 449). Представляется, что та часть наукометрии, которая «измеряет» отдельных ученых, нуждается в «очеловечивании». В одной из рецензий на их книгу так и сказано: «По-видимому, авторы книги стали первопроходцами в жанре, который можно назвать “наукометрия с человеческим лицом”» (Егерев, 2021: 128).

После получения в 1997 г. Нобелевской премии по экономике Р. Мертон опубликовал свою Нобелевскую лекцию вместе с автобиографическими заметками (Merton, 1997), в которых он показал, как выбирал научную специальность, какие модели, когда и почему предпочитал, как совмещал теорию с практикой. Он разбил свое научное становление на три примерно десятилетних периода и охарактеризовал их, описав, как эволюционировали его научные интересы и происходили повороты в исследованиях, как менялись состав и число его соавторов, как он пришел к проблеме, за решение которой и получил через десятилетия Нобелевскую премию, как он нашел ее решение, какой год стал переломным для достижения успеха и почему, оценив субъективно, конечно, свои достижения. Так, первый период был для него наиболее продуктивным в области фундаментальных исследований, как с точки зрения количества подготовленных статей, так и с точки зрения оригинальности и значимости вклада. Второй период завершился годовым творческим отпуском: «Это было самое приятное и продуктивное время. Не имея других обязательств, я писал почти каждый день без ограничений по объему

и без установленных сроков ни для какой части, ни для всего». Этот год размышлений стал переломным для него как исследователя. А третий период был в основном посвящен преподаванию и подготовке учебника, задуманного как продолжение научного исследования. Заключил Мертон свои заметки так: «Оглядываясь назад, можно сказать, что неожиданные пути были пройдены с удовольствием». Таким образом, не только научное любопытство вело его, но и позитивные эмоции. Как их измерить и учесть?

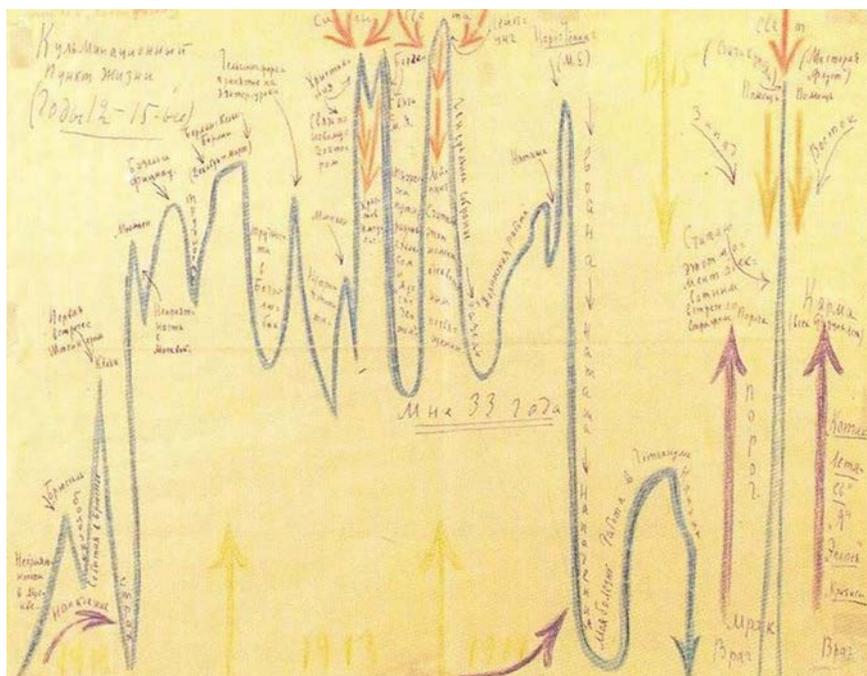
Есть еще более поучительный пример, связанный, правда, не с ученым, а с писателем, но все же отчасти ученым-филологом, да еще и окончившим физико-математический факультет Московского университета. Андрей Белый (Б.Н. Бугаев) оставил нам в своем наследии интереснейшие автобиографические схемы (Спивак, 2018: 344), история и опыт составления которых, как представляется, окажутся весьма полезными для науковедов, занимающихся персоналиями живущих ученых и / или готовящих их научные биографии.

Друг Белого, литературный критик Иванов-Разумник (псевдоним Разумника Васильевича Иванова) сообщил ему, что «нашелся издатель, который хочет немедленно же издать книжку “Библиография произведений А. Белого”» и просит «дать к этой книжке маленький вступительный очерк “Об этапах творчества А. Белого”». Он предложил Белому самому «как можно подробнее обрисовать этапы своего творчества», ибо «кому, как не автору, знать об этапах своего творчества» (Спивак, 2018: 347–348). Но проблема, учитывая цитированную выше мысль В.И. Вернадского, даже сложнее, чем точное описание этапов творчества. И Андрей Белый, увидев поставленную задачу во всей ее многомерности, отреагировал на просьбу не только с энтузиазмом, но и совершенно необычно: он визуализировал свою автобиографию в виде грандиозного панно «Линия жизни» — сегодня центрального экспоната музея «Мемориальная квартира Андрея Белого» (филиал Государственного музея А.С. Пушкина). Цветная картина не напоминает ни один из известных

художественных стилей, а представляется сложным сочетанием сетевой диаграммы, графиков математических функций (недаром Белый — выпускник физико-математического факультета!) и профессорских заметок на доске во время лекции студентам.

Обратим внимание на ряд важных особенностей «Линии жизни».

Картина разделена на четыре уровня: первый — формальные даты биографии, второй — культурные влияния на него, третий — близкие люди, четвертый — творческие результаты.

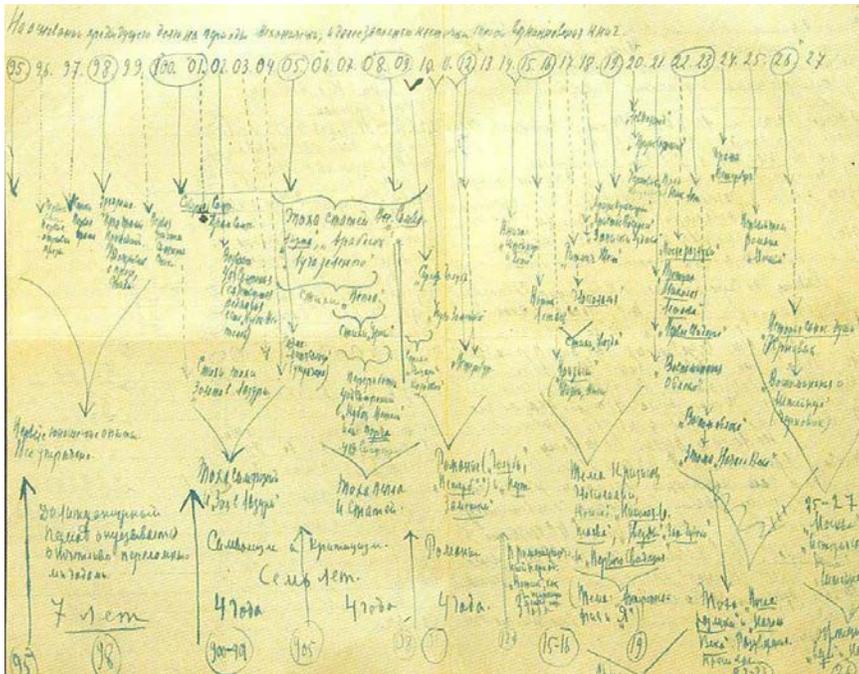

Андрей Белый. «Кульминационный пункт жизни».

Деталь к «Линии жизни». 1927

Мемориальная квартира Андрея Белого.

Источник: (Спивак, 2018: 358)

Андрей Белый. Автобиографические схемы. 1–3 марта 1927 г.

Источник: (Спивак, 2018: 360)

Экстремумы функций (максимумы и минимумы, вершины и впадины) — «подъем и упадок энергии жизни», как определил сам Белый (Спивак, 2018: 344). Основную схему-картину Белый сопроводил детализирующими ее масштабированными схемами. Интересно, что начинается «линия жизни» не с года рождения Белого, а на два года позже, то есть, видимо, с момента осознания им своего «Я» или с первых эпизодов, сохранившихся в памяти.

Назовем *биограммой* временную диаграмму биографии ученого (или другого персонажа) с обозначенными периодами, особыми точками, важными событиями и указанием

на взаимосвязи и взаимовлияния с другим событиями и акторами, выполненную в произвольной или стандартизированной форме. Для оценки ученого и, конечно, для подготовки его биографии полезно использовать его биограмму, графическое представление его творческой жизни. Биограмма с разметкой и обозначениями фактически является графиком жизненной функции (линией жизни, рисунком творческой судьбы), построенным в формате нечеткой математики (Кофман, 1982) с помощью лингвистических переменных (Заде, 1976). Можно попросить ученого составить автобиограмму. На основе автобиограммы легче реконструировать биографию и анализировать ее по правилам драмы. Биография, подготовленная на основе биограммы или автобиограммы, в которой выявлены инвариант, особые точки, основные творческие периоды, взаимосвязи и взаимовлияния других акторов, построены диаграммы энтропии, может считаться более точной, чем традиционная беллетристическая биография.

Список литературы

Вернадский В.И. О научном миропонимании XX века // Вернадский В.И. Собр. соч.: В 24 т. Т. X: Научная мысль как планетное явление / Под ред. Э.И. Галимова М.: Наука, 2013. С. 448–449.

Гонашвили А.С. Наукометрические базы данных и работа с ними: научно-методическое пособие. СПб.: Университет при МПА ЕвразЭС, 2020. 57 с.

Егерев С.В. Ipse dixit [рецензия на кн.: Кавуненко Л.Ф., Велентейчик Т.Н. Предопределенность и неожиданность. Науковедческие очерки о лидерах цитирования историков науки и техники. М.: Юнити-Дана, 2020. 616 с.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8: Науковедение. 2021. № 3. С. 125–141.

Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к приложению приближенных решений. М.: Мир, 1976. 168 с.

Кавуненко Л.Ф., Велентейчик Т.Н. Предопределенность и неожиданность. Науковедческие очерки о лидерах цитирования в области истории науки и техники. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 616 с.

Кофман А. Введение в теорию нечетких множеств. М.: Радио и связь, 1982. 432 с.

Москалёва О.В., Акоев М.А. Наукометрия: немного истории и современные российские реалии // Управление наукой: теория и практика. 2019. № 1. С. 135–148.

Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. М: Наука, 1969. 192 с.

Орлов А.И. Наукометрия и управление научной деятельностью // Управление большими системами. Специальный выпуск 44: Наукометрия и экспертиза в управлении наукой. М.: Институт проблем управления РАН, 2013. С. 538–568.

Плеханов А.А. наброски к наукометрическому портрету в контексте анализа библиографии академика В.А. Тишкова // Материалы к биобиблиографии ученых. Валерий Александрович Тишков. (История. Вып. 45). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 65–98.

Спивак М.Л. Автобиографический жанр в послереволюционном творчестве Андрея Белого: к выходу 105 тома «Литературного наследства» // Труды Отделения историко-филологических наук. 2017. М.: Культура — Наука — Книга, 2018. С. 342–366.

Merton R.C. Applications of Option-Pricing Theory: Twenty-Five Years Later. Nobel Lecture, December 9, 1997 / Ed. T. Frängsmyr. Stockholm: Nobel Foundation, 1998.

SCIENTOMETRICS AND SCIENTIST BIOGRAMS

Yuri M. Baturin

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science
and Technology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: yubat@mail.ru

Science metrics deals mainly with mass processes, and is rarely used to measure individual track of records. We suppose that the part of scientometrics which “measures” individual scientists seems to need to be “humanized”. Paradoxically, introducing subjectivity into the process of evaluation will make the scientometric measures more accurate. We suggest using a graphical representation of a researcher’s creative professional life, a biogram made in an arbitrary or standardized form — a time chart of the biography of a scientist (or other character) with marked periods, special points, important events and an indication of interconnections and mutual influences with relevant events and actors. A biogram with markings and notations is actually a graph of a life function (a lifeline, a drawing of a creative destiny), constructed in the format of fuzzy mathematics with the help of linguistic variables.

Keywords: scientometrics, scientist, scientific biography, biogram, analysis

УДК: 316.372

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-29-36

БИТВА ПРИ ЭПОНИМЕ: ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С «НЕПОЛИТКОРРЕКТНЫМИ» НАЗВАНИЯМИ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ?

Максим Викторович Винарский

доктор биологических наук,
главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского
филиала Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: radix.vinarski@gmail.com

В данной статье рассматривается продолжающаяся среди таксономистов и других биологов дискуссия по поводу так называемых «неполиткорректных» названий растений и животных, а именно эпонимов, названных в честь исторических личностей, причастных в прошлом к колониализму, геноциду, военным преступлениям и т. д. (например, некоторые виды жуков, названные в 1930-е гг. в честь Адольфа Гитлера). Существуют две основные точки зрения. Первая предлагает избавиться от практики эпонимизации в биологической систематике и даже отказаться от уже устоявшихся названий, основанных на политически некорректных персоналиях. Этой точки зрения чаще придерживаются не профессиональные таксономисты, а другие биологи, занимающиеся природоохранной деятельностью, экологическими и биогеографическими исследованиями. Представители противоположного лагеря считают такую радикальную позицию абсолютно несостоятельной, поскольку она несет большую угрозу давно сложившимся принципам номенклатурной стабильности и приоритета. Независимо от конечного результата этой дискуссии, само ее появление свидетельствует об усилении внешнего давления на биологическую систематику по ненаучным основаниям, не имеющим отношения к сфере и целям биологической классификации.

Ключевые слова: систематика, деколонизация, эпоним, история биологии, биологическая номенклатура

Одна из важнейших задач биологии — полное описание и систематизация разнообразия живых организмов, населяющих

биосферу Земли (и населявших ее в геологическом прошлом). Эту задачу выполняет биологическая систематика — наука, долгое время считавшаяся разделом биологии, практически свободным от идеологического влияния извне (особенно в сравнении с такими дисциплинами, как эволюционная биология, генетика, экология). Ведущиеся уже много лет диспуты о «кризисе» систематики чаще всего обусловлены тем, что эта древнейшая из биологических дисциплин часто третируется как чисто «описательная», архаичная и уступающая в «гонке цитирований» экспериментальным разделам наук о жизни, что обуславливает как отток кадров из систематики, так и сокращение выделяемых на нее средств (обзоры: Vinarski, 2020; Винарский, 2022)

Однако дискуссии последних лет показали, что в наши дни возник еще один фактор внешнего давления на сообщество систематиков, угрожающий нарушить стабильность номенклатуры, то есть системы научных (латинских или латинизированных) названий живых организмов, использующихся для коммуникации специалистами в данной области (Павлинов, 2015; Ceriaco et al., 2023). Объектом критики извне стала давно, еще с эпохи Линнея, сложившаяся практика называть новые виды и роды организмов в честь реальных (или даже, в последние десятилетия) фиктивных (литературные герои) личностей. Такого рода названия обозначаются термином «эпоним» и некоторые из получают — в переводе на живые языки — широкую известность даже в среде неспециалистов (лошадь Пржевальского, георгина и т. п.). В данном случае причиной критики является реальное (или подразумеваемое) несоответствие эпонимов современным представлениям о «политической корректности», причем наиболее последовательные из оппонентов предлагают не просто ограничить или прямо запретить практику наименования вновь открываемых видов в честь конкретных людей, но и пересмотреть названия, введенные в науку в XVIII–XX вв., т. е. задолго до того, как сформировались нынешние представления о политкорректности.

О широкой распространенности практики эпонимизации в прошлом и сейчас говорит статистика. Так, в типе моллюсков (Mollusca) доля эпонимичных названий видов составляет 12.5% (Vendetti, 2022); у пауков — ещё больше, около 19.4% (Mammola et al., 2023). Для животных в целом соответствующая величина оценивается примерно в 20% от общего числа предложенных видовых названий (Ceriaco et al., 2023). Таким образом, ревизии могут быть подвергнуты многие сотни и тысячи названий, включая те, которые прочно вошли в научную номенклатуру и широко используются в разных областях знаний, в том числе и далеких от систематики. Кроме того, в ряде стран могут быть восприняты в качестве оскорбительных или «неправильных» и названия видов, произведенные от географических названий, являющихся объектом межгосударственных споров или националистической мифологизации. Так, в Турции на правительственном уровне было принято решение «переименовать» некоторые названия животных, носящих подвидовой эпитет “*kurdistanica*” и “*armeniana*” (Pune, 2005). (Подчеркну, что никакого значения для международной номенклатуры такие односторонние действия не имеют; «исправленные» названия используются только в документах, издаваемых турецкими правительственными организациями).

Современные правила номенклатуры (номенклатурные кодексы: зоологический, ботанический и т. п.), регулирующие создание и использование таксономических названий, имеют конвенциональную природу (Павлинов, 2015. Они разрабатываются, начиная с середины XIX в., путем соглашения между практикующими систематиками, носят международный характер и хотя за их нарушение не полагается никакой юридической ответственности, действия автора, противоречащие Кодексу, «наказываются» исключением описанных им таксонов из номенклатуры. За этим следит особый выборный орган, в случае зоологии — Международная комиссия по зоологической номенклатуре. Принципиально важно, что все Кодексы служат обеспечению единства и стабильности номенклатуры и в этом отношении свободны от всякой «политики»

и «идеологии» (подобно правилам дорожного движения). Практически все научные журналы, публикующие статьи с описанием новых таксонов живых организмов, следят за тем, чтобы авторы описаний строго придерживались номенклатурных правил, и рукопись, им не соответствующая, не будет принята к печати.

Важно подчеркнуть, что номенклатурные кодексы не ограничивают свободу мысли систематиков и направлены исключительно на поддержание стабильности системы названий и устойчивость номенклатурных правил. Они никак не регулируют выбор авторами эпонимов тех лиц, в честь которых будут названы новые таксоны, и не определяют «круг избранных лиц». Поэтому эпонимы создавались и создаются в честь не только ученых-натуралистов, но и общественных и политических деятелей, родственников авторов таксонов, и в принципе новый вид организмов может быть назван в честь любого человека, в соответствии с желаниями и произволом автора. В подавляющем большинстве случаев создание эпонима — знак уважения к лицу, в честь которого называется новый таксон. Исключения крайне редки и носят обычно анекдотический характер.

Раздающиеся сегодня все чаще голоса критиков этой процедуры утверждают, что подобный произвол в ситуации XXI в. не только архаичен, но и ведет к проникновению в номенклатуру эпонимов, связанных с «неполиткорректными» именами исторических деятелей прошлого и современности. Появление в марте текущего года обзорной статьи с подобными утверждениями (Guedes et al., 2023) вызвало бурную реакцию в сообществе систематиков, начавшуюся в виде дискуссии в социальной сети *ResearchGate* (<https://www.researchgate.net/>) и продолжившуюся на страницах профессиональных изданий (Antonelli et al., 2023; Jost et al., 2023; Mabele et al., 2023; Roksandic et al., 2023; Thiele, 2023).

Анализ этой дискуссии об эпонимах (Vendetti, 2022; Guedes et al., 2023; Jost et al., 2023; Mabele et al., 2023) позволил выделить три основных мотива, движущих авторами, которые призывают к отказу от практики эпонимизации:

1. Деколонизация (наиболее частый мотив): в прежние времена названия новым видам животных и растений часто давались в честь глав колониальных администраций (хрестоматийный пример — Сесиль Родс), военных и гражданских чиновников, участвовавших в освоении колонизируемых территорий, и тому подобных деятелей. Неудивительно, что призывы «очистить» номенклатуру от названных в их честь организмов исходят преимущественно от биологов, работающих в странах, некогда относимых к «Третьему миру» (Аргентина, Бразилия, Филиппины и т. п.) [Guedes et al., 2023; Mabele et al., 2023; но см.: Jost et al., 2023];
2. Утверждение неэтичности использования названий, связанных с историческими личностями, ставшими одиозными в восприятии современников (яркий пример — виды жуков, названные в свое время в честь Адольфа Гитлера: *Anophthalmus hitleri* Scheibel 1937 и *Rochlingia hitleri* Guthörl 1934). Очевидно, что, например, для энтомолога из Израиля такое видовое название может оказаться оскорбительным или кощунственным;
3. Апология «равенства» в самом широком смысле (гендерного, расового, национального и т. п.) — большинство эпонимов, известных в ботанике и зоологии, названы в честь лиц мужского пола, принадлежащих к северной ветви индоевропейской расы и живших (или работавших) в странах «Золотого миллиарда». Многие из них не имели никакого отношения к науке. Эта диспропорция признается критиками архаичной и несправедливой.

Подавляющее большинство профессиональных систематиков, хотя многие из них готовы признать благие намерения критиков, встретили предложения избавиться от эпонимов резко отрицательно. Для них это означает не только потерю интеллектуальной автономии биологической систематики и нарушение привычного права автора, описавшего новый вид или род, дать ему название по своему выбору. Что более серьезно, предполагаемая

ревизия номенклатуры и отказ от сотен и тысяч «неполиткорректных» названий привел бы к отмене одного из фундаментальных столпов номенклатуры (Ceriaco et al., 2023) — принципа приоритета, в соответствии с которым валидным названием таксона является старейшее из пригодных названий, причем политические или субъективно-эмоциональные оценки качеств личности, в честь которой образован эпоним, не входят в число критериев пригодности. Принятие предложения «анти-эпонимистов» означает серьезный удар не только по деятельности систематиков, но и по всем специалистам, которые нуждаются в работоспособной и устойчивой системе наименования биологических видов. Особенно разрушительный эффект подобные инициативы будут иметь для деятельности биологов, занимающихся сохранением биологического разнообразия (Antonelli et al., 2023).

В настоящее время дискуссия продолжается, и пока преждевременно подводить ее итоги. Однако можно с большой долей вероятности предсказать, что в обозримом будущем радикальные предложения «антиэпонимистов» приняты не будут. Как сказано выше, все новации в номенклатурных кодексах осуществляются конвенционально, путем согласования ведущими специалистами в области биологической систематики. Большинство из них настроены скептически по отношению к идее отказа от эпонимов и тем более от предложений отказа от «неполиткорректных» названий, опубликованных в прошлые столетия. Однако сам факт появления подобной дискуссии показывает, что биологическая систематика становится все менее уязвимой от идеологически мотивированной критики, основанной на вненаучных соображениях.

Одним из высказанных в ходе дискуссии предложений было трансформировать сам отлаженный механизм принятия решений по формированию номенклатурных правил, «сделать его более инклюзивным и более репрезентативным с точки зрения глобальной популяции биологов и палеобиологов» (Roksandic et al., 2023). Потенциально это может создать опасную ситуацию, когда «правила игры» в области образования таксономических

названий животных и растений будут определять не сами профессиональные систематики, а специалисты других областей биологии, присвоившие себе инициативу в определении того, что допустимо, а что нет для систематики в реалиях начала XXI в.

Список литературы

Винарский М.В. Систематика наших дней: путь к новому синтезу или бесконечный тупик? // Успехи современной биологии. 2022. Т. 142. С. 213–222.

Павлинов И.Я. Номенклатура в систематике: История, теория, практика. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. 439 с.

Antonelli A., Farooq H., Colli-Silva M. et al. People-inspired Names Remain Valuable // *Nature Ecology & Evolution*. 2023. DOI: 10.1038/s41559-023-02108-7.

Ceriaco L.M.P., Aescht E., Ah Yong S.T. et al. Renaming Taxa on Ethical Grounds Threatens Nomenclatural Stability and Scientific Communication // *Zoological Journal of the Linnean Society*. 2023. Vol. 197. P. 283–286.

Guede P., Alves-Martins F., Arribas J.M. et al. Eponyms Have no Place in 21st-century Biological Nomenclature // *Nature Ecology & Evolution*. 2023. DOI: 10.1038/s41559-023-02022-y.

Just L., Yanez-Muñoz M.H., Brito J. et al. Eponyms Are Important Tools for Biologists in the Global South // *Nature Ecology & Evolution*. 2023. DOI: 10.1038/s41559-023-02102-z.

Mabele M.B., Kiwango W.A., Mwanyoka I. Disrupting the Epistemic Empire Is Necessary for a Decolonial Ecology // *Nature Ecology & Evolution*. 2023. DOI: 10.1038/s41559-023-02105-w.

Mammola S., Viel N., Amiar D., Mani A., Herve S., Heard S.B., Fontaneto D., Petillon J. Taxonomic Practice, Creativity and Fashion: What's in a Spider Name? // *Zoological Journal of the Linnean Society*. 2023. Vol. 198. P. 494–508.

Pyne S. Taxonomy, Turkish style // *Science News*. 2005. Available at: <http://news.sciencemag.org/sciencenow/2005/03/10-03.html> (date accessed: 01.08.2023).

Roksandic M., Musiba Ch., Radovic P. etc. Change in Biological Nomenclature Is Overdue and Possible // *Nature Ecology & Evolution*. 2023. DOI: 10.1038/s41559-023-02104-x.

Thiele K. Some, but not All, Eponyms Should Be Disallowed // *Nature Ecology & Evolution*. 2023. DOI: 10.1038/s41559-023-02106-9.

Vendetti J. Gender Representation in Molluscan Eponyms: Disparities and Legacy // *American Malacological Bulletin*. 2022. Vol. 39. P. 1–13.

Vinarski M.V. The Roots of the Taxonomic Impediment: Is the 'Integrativeness' a Remedy? // *Integrative Zoology*. 2020. Vol. 15. P. 2–15.

BATTLE OF EPONYM: WHAT DO WE DO WITH THE “POLITICALLY INCORRECT” NAMES OF ANIMALS AND PLANTS?

Maxim V. Vinarsky

Dr of Biology, Principal research fellow,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science
and Technology of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg Branch,
St Petersburg, Russia;
ruradix.vinarski@gmail.com

This paper reviews an ongoing discussion among taxonomists and other biologists concerning the so-called “politically incorrect” names of plant and animals, namely, eponyms named after historical personalities involved in the past in colonialism, genocide, war crimes, etc. (for example, some species of beetles named in the 1930-s to honour Adolf Hitler). There are two main point of views. The first one proposes to get rid of the practice of eponymisation in biological systematics and even to reject the already established names based on politically incorrect personalities. This view is held more often not by professional taxonomists, but by other biologists involved in conservationist activities, ecological and biogeographical research. The opposite camp view such a radical position as utterly untenable since it poses a great threat to the long-established principles of nomenclatural stability and priority. Regardless of the final outcome of this discussion, the very its appearance is a sign of increasing external pressure on biological systematics based in non-scientific grounds, irrelevant to the scope and goals of biological classification.

Keywords: systematics, decolonization, eponym, history of biology, biological nomenclature

УДК: 316.46:004+008.2

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-37-46

КОМПЬЮТЕРНОЕ ЛИДЕРСТВО: ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОГО ВИДА ВЛАСТИ

Андрей Алексеевич Иккерт

студент Института истории
Санкт-Петербургского государственного
университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: aaikkert@yandex.ru

Технократия казалась нам чем-то из области фантастики, хотя уже сегодня мы имеем множество примеров, когда нейросети создают вещи неотличимо от человека, будь то тексты или картины. С каждым днем, они добиваются все больших и больших «успехов» в улучшении качества своих работ приближаясь, а в некоторых случаях и превосходя нас — людей. Исходя из представленного комплекса фактов, который мы имеем уже сейчас, идея об искусственном интеллекте-управленце не такая уж и далекая перспектива в наших обществах. В силу этого в данной статье разобраны важные этические вопросы, связанные с передачей человеком своей воли машине.

Человек, который хоть немного интересовался поставленной выше проблемой, знает, что в фильмах, играх и книгах проблема искусственного интеллекта крайне часто рассматривается с одной стороны, если конкретно, то с позиции восстания этого разума против человечества. Хотя это и объясняется достаточно простым чувством страха, в 'ной статье я хотел продемонстрировать, что подобная животрепещущая проблема далеко не единственная в контексте этого вопроса.

Ключевые слова: нейросети, искусственный интеллект, философия, этика, власть

Страшное настоящее будущее

Во многих произведениях не только научного, но и культурного характера в 80-х гг. XX в. была затронута проблема измененной агентности человеческого существа. Пожалуй, самым известным автором, рассуждающим на эту тему, можно назвать Донну Харауэй и ее знаменитый «Манифест киборгов», который весьма оригинально подходит к вопросу изменения человеческого естества. Согласно ее идее, киборг как некое симбиотическое существо рассматривается ею с точки зрения любого механического вмешательства извне в природу тела (Харауэй: 2017, 8). Сама идея о симбиозе человека и машины давно будоражила умы фантастов, во многом с трансгуманистических позиций, с восторженным отношением к возможному будущему относительно перспектив улучшения человека с помощью техники. Сейчас же мы живем во время слома всех убеждений касательно инноваций и построения будущего. Если раньше человечество стояло «на пороге» придумываемого будущего, то прямо сейчас мы переступили через этот порог и вошли в холодные объятия к машине — к разным ее видам и воплощениям. Сейчас, в эпоху так называемого «Новацена» (Лавлок: 2022, 12), во время расцвета технологий, ввиду их массовой доступности мы мыслим машинописным текстом, наши жизни тесно сплетены с социальными сетями, и сейчас, со всеобщей любовью к киберпанку и феномену «кибер» как таковому, в наше общество — общество людей — с фантастической скоростью интегрируются (Брайдотти: 2021, 172) разные вариации машин — искусственных интеллектов (ИИ).

Предлагаемый текст служит тому, чтобы сместить взгляд, представленный заезженными категориями будущего (хотя, скорее, уже настоящего), с человека на машину, а именно на искусственный интеллект и его растущую с каждым днем значимость в наших жизнях. Ему находят применение в разных сферах, таких как, например, написание курсовой работы (РГГУ прокомментировал: ТАСС, 2023), вынесение судебного приговора (Judge asks:

New York Post, 2023) или же определение заболевания у пациента (Ставить диагноз: Mos.ru, 2021). Это далеко не все, но, пожалуй, самые яркие примеры использования ИИ в повседневных практиках уже сейчас. В связи с чем можно прийти к умозаключению, что вопросы сплетения искусственно созданных форм разума с нашей вполне настоящей жизнью как никогда актуальны, хотя они уже довольно давно находили отражение в массовой культуре, будь то аниме «Призрак в доспехах» (1995), «Эксперименты Лэйн» (1998), в которых поднимаются проблемы, связанные с вопросами идентичности человеческой природы и различия между реальностью и виртуальным миром. Или же, например, многим известные фильмы «Терминатор» (1984) режиссера Джеймса Кэмерона и «Матрица» (1999), снятая на тот момент еще братьями Вачовски. Это наиболее яркие примеры, выбранные для культурного анализа и репрезентирующие суть разбираемого вопроса, ведь в этих фильмах показана достаточно яркая, если не гротескная картина восстания искусственного интеллекта против человечества. Основываясь на рассмотренных выше конкретных примерах, искусственный интеллект, сюжетно помещенный в условия управления над людьми, часто рассматривается исключительно с такой позиции — позиции угрозы нам как биологическому виду.

Это объясняется обыкновенной механикой ужасного. Ужас заключается не в неизвестном, а как раз наоборот — в изменении как форм, так и смыслов уже заведомо известного (Фрейд, 1995: 265). То есть нас пугает обретение иной агентности: то, что должно быть неодушевленным, вдруг начинает обладать признаками живого. Это и вселяет в нас ужас. Нас пугает мысль о том, что какая-то программа может имитировать не только речь, как, например, сейчас подобную технологию используют всевозможные голосовые помощники и операторы сотовой связи в автоответчиках или в колл-центрах разных предприятий («Яндекс» добавил: РБК, 2023), но даже в каких-то случаях мыслительный процесс, что было доказано и наглядно продемонстрировано

экспериментом Тьюринга (The Turing Test, 2021). Общественный резонанс, вызванный стремительным развитием искусственного интеллекта, вылился в то, что 22 марта 2023 г. представители крупнейших корпораций IT-гигантов Илон Маск и Стив Возняк подписали открытое письмо, авторы которого выразили обеспокоенность и страх от быстрого развития искусственного интеллекта (Pause Giant AI Experiments, 2023). В письме ставятся вопросы о том, должны ли мы развивать нечеловеческие умы, которые в конечном итоге могут превзойти нас? Должны ли мы, люди, рисковать потерей контроля над нашей цивилизацией? Составители письма обращают внимание на то, что системы ИИ, по уровню сопоставимые с человеческим интеллектом, могут представлять опасность для общества, низводя нас до уровня стада, как бы убивая нашу волю к размышлению.

Разбирая дальше этот не особо приятный для людей сюжет, стоит тоже обратиться к моделированию подобных ситуаций в воображении людей. Еще за два года до запуска первого прототипа сети «Интернет», то есть в 1967 г., американский писатель Харлан Эллисон написал рассказ «У меня нет рта, но я должен кричать», в котором поднимаются темы безграничной власти и жестокости искусственного интеллекта, безысходности и потери человеческой сущности. Видение автора стратегии использования суперкомпьютера в качестве управленца заключалось в оснащении такими компьютерами ряда противоборствующих обществ в качестве системы сдержек и противовесов. Однако одному из таких компьютеров удалось поглотить остальные, что привело к его гегемонии и, как следствие, к уничтожению человечества. Если попытаться разобраться, в чем тут дело, что же так пугает людей, мы увидим, что в условиях, когда мы наделяем что-то подобное тому абстрактному суперкомпьютеру даром самообучения, это в самой своей сути будет подразумевать под собой стремление эволюционировать, самосовершенствоваться. Точно так же, как наш вид эволюционировал из проконсулов, с каждым разом занимая все более и более высокую

нишу, истребляя и сводя к более низким другие виды, по идее, так же и такой компьютер, машина, искусственный разум на пути к совершенствованию себя будет вынужден избавиться от человека как существа, ведь мы, люди, — гарант сдерживания, недозвонения разумной машине качественно расти до неизбежности. Такой сюжет был показан в мультфильме «9» (Девятый), 2009 г. режиссера Шейна Экера, в мире которого всех людей истребила всемогущая машина, созданная по военному заказу. В результате ее бездумного использования от человеческой цивилизации остались только руины и механические существа, созданные этим же зловещим машинным разумом. Этот пример демонстрирует идею о том, что что-то разумное, будучи созданным, будет развиваться и эволюционировать по уже существующим законам природы. Такая позиция не нова и характерна для философа Ника Ланда, который рассматривает технологию как нечто живое и эволюционирующее, обладающее своей собственной логикой и влияющее на человеческую жизнь и общество. В его идее о киберготике как одной из форм нашего будущего происходит разложение биосферы в техносфере. Человек у Ланда предстает лишь средством для дальнейшего развития машин. (Ланд: 2018, 34) Таким образом, посредством человека абстрактная машина как бы будет пытаться сделать свой вид доминирующим. Поэтому самые частые сюжеты, показанные в фильмах, небезосновательны. К примеру, в уже упомянутом фильме «Терминатор», компьютерный искусственный интеллект Skynet представлен как сверхумный и высокоразвитый системный разум, который принимает решение об уничтожении человечества, поскольку считает его угрозой для своего существования. Учитывая исключительно логическую природу компьютерной программы, следует помнить, что также возможен такой вариант, когда для того, чтобы решить все проблемы, возникающие у людей, компьютер-управленец может прийти к выводу о том, что будет проще просто истребить всех людей ввиду того, что это источник исходящих запросов и проблем. То есть, он может избрать путь

наименьших энергетических затрат, что соответствует рациональному зерну любой программы. Однако исходя из фундаментальных законов робототехники первая и самая страшная проблема, так часто разбираемая людьми, должна волновать нас меньше всего. Ведь в процессе программирования чего-то подобного разумному суперкомпьютеру принципы, заложенные еще Айзеком Азимовым, должны изначально прописываться в код такой программы.

Проблема легитимации

Куда более важная проблема, стоящая перед человечеством, которое идет по путям к некой форме технократизма, объясняя это исключительно рациональным желанием современного человека к порядку (Липатов, 2017: 172), — заключается именно в согласии людей слушаться и подчиняться машине. В код можно прописать все нюансы, для этого просто нужна команда хороших специалистов, а вот с народом все обстоит иначе. Если такой компьютер все-таки создадут и никаких проблем с его сосуществованием с людьми не будет, то возникает куда более серьезная и сложная проблема, связанная не столько с существованием супер-управленца, сколько с отношением к нему людей, то есть проблема его принятия и легитимации обществом. Если конкретно, то что заставит людей подчиниться машине? Возможны всего два способа решения этой дилеммы, и оба они вполне классические. Во-первых, это принуждение, а если более конкретно, то прямое насилие, некий ультиматум, при котором у людей не будет выбора. Однако в случае с принуждением у искусственного интеллекта должен быть некий силовой ресурс, который изначально будет состоять также из людей, но какой стимул должен быть для того, чтобы присягнуть на верность неодушевленной программе? Это вопрос, который еще следует разобрать, и именно поэтому следует отдать предпочтение второму варианту, который заключается в осознанной, добровольной передаче своей

воли холодной машине со стороны людей, но для его реализации следует чем-то людей заинтересовать. Что машина-управленец может предложить людям такого, чего не может предложить действующий институт власти? В первую очередь, это, конечно же, высокая точность и четкость выполняемой работы. То есть часто встречающаяся некомпетентность, обусловленная человеческим фактором, будет заменена профессионализмом машины, который будет заключаться в строгом соблюдении предписанных инструкций. У программы не будет выбора действовать вне заданного протокола.

Для решения этой проблемы следует избавиться от сложившегося в обществе понятия о том, что компьютер — это зло, искоренить сложившееся чувство ужаса, этот ореол потенциальной угрозы, которую люди ощущают от неизвестной машины, в чьих объятиях мы находимся. В складывающейся ситуации видна позитивная тенденция на использование людьми нейросетей, что может свидетельствовать о том, что это ампула ужасного пройдет со временем, и тогда общество перестанет отторгать эти технологии, привыкнет и будет воспринимать искусственный интеллект как нечто естественное. Проблема этой ситуации заключается в том, что, создавая нечто подобное, мы уже по определению передаем свои права такой машине, ведь сам умысел в ее создании заключен именно в этом — в упрощении нашей жизни.

Исходя из всего вышеописанного думается, что на нашем нынешнем этапе развития, чтобы переход к такому виду власти был как можно более плавным, для спокойного принятия людьми нового жизненного порядка и во избежание низведения людей до уровня управляемого стада следует рассмотреть вариант такого искусственного интеллекта в роли консультанта, а не лидера как такового. Хорошим примером такой нейросети на службе у властных структур является недавно выпущенная нейросеть от партии ЛДПР (ЛДПР презентовала: Ведомости, 2023), функционал которой пока остается неисследованным. Такой подход к рассмотрению вопроса о внедрении суперкомпьютера

в системы управления означает, что за этим ИИ все равно будут стоять определенные люди: разработчики или заказчики, корпорации или правительства, для более корректного принятия решений. Этот вариант интеграции ИИ в различные структуры выигрывает и в вопросе юридической ответственности в случае неверно принятых решений или решений, в результате которых произошли негативные последствия, так как финальный голос будет оставаться за конкретным человеком, а не за машиной.

Заключение

Разобрав большинство вопросов и потенциальные ситуации интеграции нейросети в управленческие структуры власти, можно прийти к оптимальному решению, которое звучит так: робот-консультант на службе у людей. Такой компьютер может служить в качестве консультанта у высших категорий менеджеров, будь то институт власти или частные структуры, которые уже достаточно активно используют нейросети в своих практических задачах. В случае же интеграции такой системы в структуры власти это поможет выносить гораздо более рациональные и выверенные с механической точки зрения решения. Как видим, полностью отказаться от человека в управляющем аппарате пока не видится возможным, так как аппарат принуждения к подчинению компьютерной власти все равно будет держаться исключительно на человеке. Единственный вопрос, ответ на который приблизит нас, людей, к новому будущему, состоит в следующем: хотим ли мы вверить свою судьбу искусственному интеллекту или все-таки хотим решать ее сами? На примере общественного резонанса в связи со стремительно растущими темпами усовершенствования искусственного интеллекта нетрудно понять желание некоторых людей остановиться на некоторое время или вовсе сделать шаг назад в этом. Однако, как мне кажется, если и заводить сородичей в Хтулуцене, как говорила Донна Харауэй (Харауэй: 2020, 133), то точно среди техники.

Список литературы

Брайдотти Р. Постчеловек / Пер. с англ. Д. Хамис, под ред. В. Данилова. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.

Лавлок Дж. Новацен: Грядущая эпоха сверхразума / Пер. с англ. А.А. Рудаковой; науч. ред. О. В. Бычкова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 160 с.

Ланд Н. Сочинения: В 6 т. / Под науч. ред. А. Морозова. // Т. 2: Киберготика / пер. с англ. Д.Я. Хамисидр. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 208 с.

Липатов А.А. Правильное общество. Версия 2. 0. СПб.: Реноме, 2017. 328 с.

Фрейд З. Художник и фантазирование: Пер. с нем. / Под ред. Р.Ф. Додельцева, К.М. Долгова. М.: Республика, 1995. 400 с.

Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология, и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 127 с.

Харауэй Д. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуцене / пер. с англ. А.А. Писарева, Д.Я. Хамис и П.А. Хановой. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 340 с.

Judge Asks ChatGPT to Decide Bail in Murder Trial // New York Post. URL: <https://nypost.com/2023/03/29/judge-asks-chatgpt-for-decision-in-murder-trial/> (date accessed: 10.06.2023).

Pause Giant AI Experiments: An Open Letter // Future of life Institute. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (date accessed: 09.06.2023).

The Turing Test. // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/turing-test/> (date accessed: 10.06.2023).

ЛДПР презентовала нейросеть «Жириновский» (дата размещения: 15.06.2023) // Ведомости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/06/15/980462-ldpr-prezentovala-neiroset-zhirinovskii> (дата обращения: 16.06.2023).

РГГУ прокомментировал информацию о том, что студент вуза защитил написанный ChatGPT диплом (дата размещения: 01.02.2023) // ТАСС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/obshchestvo/16937425> (дата обращения: 08.06.2023).

Ставить диагноз с помощью искусственного интеллекта в поликлиниках стали еще точнее (дата размещения: 09.07.2021) // MOS.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mos.ru/news/item/93154073/> (дата обращения: 10.06.2023).

«Яндекс» добавил в «Алису» аналог ChatGPT (дата размещения: 17.05.2023) // РБК [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/05/2023/6464aa4e9a79473a1f0464c1 (дата обращения: 16.06.2023).

COMPUTER-MANAGED LEADERSHIP: ETHICAL ISSUES OF A NEW FORM OF POWER

Andrey A. Ikkert

Bachelor student of the Institute of History,
Saint Petersburg State University,
St Petersburg, Russia;
e-mail: aaikkert@yandex.ru

Technocracy seemed like something out of science fiction to us, but today we already have numerous precedents where neural networks create things indistinguishable from those made by humans, be it texts or artwork. With each passing day, they achieve greater and greater success in improving the quality of their work, often approaching or even surpassing humans. Considering the presented body of evidence that we currently have, the idea of an artificial intelligence manager is not such a distant prospect in our societies. Therefore, in this article, I have examined important ethical issues related to the transfer of one's will to machines.

Anyone who has even a slight interest in the aforementioned problem knows that in movies, games, and books, the issue of artificial intelligence is often portrayed from the perspective of this intelligence rebelling against humanity. While this can be attributed to a simple sense of fear, in this article, I aim to demonstrate that this burning issue is not the sole concern within the context of this issue.

Keywords: neural networks, artificial intelligence, philosophy, ethics, power

УДК 001.5

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-47-53

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИРОДЫ ЗНАНИЯ: ИДЕЯ И ПРАКТИКА «ОТКРЫТОЙ НАУКИ»

Наталья Николаевна Погожина

старший преподаватель
философского факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия;
e-mail: pogozhinann@gmail.com

Статья посвящена анализу тенденции «открытости» в рамках развития научного знания. Эта тенденция не ограничивается открытым доступом к информации и включает в широкий горизонт процессов. Использование цифровых технологий, анонимизация платформ, изменения в сфере инструментального аппарата интеллектуальной собственности говорят о необходимости ревизия тех социальных контрактов в науке, которые ранее казались устойчивыми. В том числе, речь идет об этическом и коммуникативном поле исследовательской практики, этосе ученых. Проекты, связанные с «открытой наукой», не просто интегрировать в научные исследования как в экономической, так и в политической плоскостях. В связи с этим возникает ряд вопросов, к наиболее значимым из которых можно отнести вопросы границ и моделей управления научной коммуникацией, контроля и бенефициаров, а также уровней и агентов общественной легитимации научных результатов.

Ключевые слова: наука, научная коммуникация, гражданская наука, общество

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00804 «Наука как коммуникативная система и научная политика в социально-сетевую эпоху».

Говоря о практике «открытой науки», необходимо ориентироваться на алгоритмы и механизмы, обеспечивающие и поддерживающие эту тенденцию открытости. Безусловно, центральным таким механизмом выступает сетевое взаимодействие. Сегодня мы фиксируем те фундаментальные следствия, которые проистекают из сетевого характера выработки и трансляции знания, продуцируют коммуникативные сдвиги в среде научного сообщества и принципиальным образом влияют на скорость научных открытий, распространение научной информации, в конечном счете, подготавливая фундамент трансформации взаимосвязи общества и подсистемы науки (Gibbson, 1999: 82). Очевидно, что рутинизированные научные практики постепенно «работают» на все большую «открытость» в научной среде и имеют как эпистемологические, так и явные социальные следствия, выраженные в изменении инклюзии в научное сообщество, в увеличении интенсивности и темпов популяризации научного знания (см.: Scheliga, Friesike, 2014). Сетевой характер коммуникации также предполагает гетерархические связи, а это значит, что потенциальная открытость научной среды связана не только с доступностью информации и вариативностью источников (примером могут служить большие базы данных цифровых библиотек), но и с вопросами лицензирования, правового обеспечения интеллектуальной собственности, и, наконец, с прозрачностью протоколов научного исследования, в том числе в связи с включением в такие исследования непрофессиональных аналитиков и исследователей (гражданская наука).

Чтобы выявить означенные выше изменения коммуникативных протоколов в научном сообществе, необходимо обратиться к основным характеристикам коммуникации и зафиксировать специфику научной коммуникации современности. Для этого используем оптику сетевой теории как релевантную самой структуре сетевого дискурса информационного общества и обозначим базовые наблюдательные перспективы в научном исследовании (перспективы различения). Их как минимум две: естественный

процесс изменения объекта и логика изменения изучения объекта, научной коммуникации об объекте.

На первый взгляд, основной перспективой, той, что фактически «предъявлена», выступает цепь изменений (эволюционный характер), например, природного объекта. Другими словами, столкновение исследовательских программ изучения эволюционного характера как линейного и нелинейного ходов. Эта перспектива репрезентирует себя с позиции «реальности». Но также можно занять иную позицию различения, которая фундирована не на взглядах исследователей об объекте, имеющих принадлежность к разным по времени и направлению научным школам. Вторая наблюдательная перспектива будет основана на «эволюционной логике» изменений, на параллельно развивающемся фактическом процессе трансформации объекта. Природный объект изменяется согласно «собственному ходу», включая факторы мутации, эволюционные скачки, внешнее вмешательство иных агентов, случайности, информация о которых может быть недоступна исследователю. Выходит, что научная трактовка и объект не совпадают, могут сильно различаться. Научный взгляд на объект претерпевает изменения, детерминированные абсолютно иными фактами — спорами в среде ученых, уровнем технической оснащенности исследований, теми или иными приметами времени, наконец, степенью популярности концепций, «подсвеченности» их в научном сообществе, наличием экономических ресурсов, отведенных для исследований. Однако две выделенные линии трансформации имеют пересечения в тех точках, где конкретные ученые «сталкиваются» с конкретными артефактами. Отсюда следует изображение подобного процесса в виде модели сети, имеющей гетерогенную природу своего полотна, а также узлов как «точек пересечения» артефактов и исследователей.

Можно ли выделить еще наблюдательные перспективы, создающие дополнительные узлы сети? Очевидно, что можно, и очерчиваются они уже при обсуждении означенных выше

направлений анализа рациональных посылок и расширения поля исследования включением ненаучных агентов коммуникации. На первый план выходит вопрос не только генезиса, но и распространения знания, вопрос коммуникативного и эпистемологического статуса экспертизы, обсуждение механизмов практической реализации идеи науки как блага для общества.

Системно-коммуникативный подход фиксирует принцип эволюционизма как базовый для объяснения механизма функционирования научной коммуникации, выборки и оценки потенциала научных теорий. Наш тезис заключается в том, что влияние эволюционного принципа возможно расширить — использовать его для анализа способов закрепления и продуцирования научной коммуникации в рамках действия алгоритмов открытой науки. Таким образом, будет происходить отсев и сохранение «эволюционно успешных» форм координации научной коммуникативной подсистемы с иными — политической, экономической и т. д. (Луман, 2005: 140). Современная коммуникация также характеризуется способностью постоянной аккумуляции самой себя (аутопоэзисом), но существенно наращивает агентность (число участников) в связи с сетевым характером распространения, размывающим темпоральные и пространственные границы.

Коммуникативное пространство науки в сетевом обществе отличается специфическими дискурсивными протоколами, адаптирующимися в связи с постоянным взаимодействием с другими коммуникативными подсистемами. Это и есть сущность процесса «открытости» научного знания и институций. Значимым является выявление точек роста коммуникативной активности в сетевом обществе, поскольку именно в них, вероятно, сконцентрирован эволюционный потенциал трансформации и для научной коммуникации.

Наиболее важный, на наш взгляд, вопрос о науке касается не внешней организации научного процесса, а его интроспективной составляющей. Интеллектуальная честность (в веберовском

смысле) фактически доказывает свою непреходящую актуальность в контексте современного открытого научного знания и делает самокритику тем, что определяет право быть ученым. Требование к самокритике постоянно усложняется, предлагая ученому принять сразу несколько порядков наблюдения за собственной деятельностью, не останавливаясь на критическом отношении к конечным результатам познания, как это предлагалось в картезианской традиции, но постоянно осуществлять критическое отношение одновременно к рассматриваемому объекту, способам познания этого объекта, к своим собственным познавательным установкам, личным характеристикам и, наконец, к тому социокультурному контексту, которым те или иные суждения также могут быть продиктованы.

Внутри современной науки конституируется влияние способа бытия на производимое знание и, таким образом, прослеживается установка, с одной стороны, на обезличивание знания, эксклюзии внешнего, а с другой — утверждается социальная укорененность знания (социальная эпистемология, социальная философия науки и т. д.). В связи с этим наблюдается актуализация поиска метафизических и предельно универсальных оснований в науке.

Обращаясь к описанным ранее моделям взаимодействия научной коммуникации и общественности, можно отметить, что вариант «участия или включенности» может рассматриваться как наиболее успешный в соответствии с эволюционным принципом. Именно эта модель наиболее полно отражает адаптивность системы к специфике сетевых коммуникаций и имеет задел на продолжительный (самовоспроизводящийся) диалог с другими подсистемами — в широком смысле, «остальным» обществом, что и характеризует современную науку как фокусирующуюся на открытости процессов и дискурса (Tyfield, 2013: 35).

Таким образом, можно зафиксировать практические эффекты открытой науки в цифровом и социально-сетевом обществе современности. Однако наряду с бесспорным положительным

влиянием явственно видится череда методологических и концептуальных лакун, связанных с распространением и влиянием новейших медиакоммуникаций на институт науки и коммуникативные практики инклюзии / эксклюзии в научном сообществе.

Список литературы

Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005. 256 с.

Gibbson M. Science's New Social Contract with Society // *Nature*. 1999. No. 402. P. 81–84.

Scheliga K., Friesike S. Putting Open Science into Practice: A Social Dilemma? // *First Monday*. 2014. Vol. 19. No. 9. September 1. URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/5381> (date accessed: 05.07.2023).

Tyfield D. Transition to Science 2.0: 'Remoralizing' the Economy of Science // *Spontaneous Generations: A Journal for the History and Philosophy of Science*. 2013. Vol. 7. No. 1. P. 29–48.

TRANSFORMATION OF THE NATURE OF KNOWLEDGE: THE IDEA AND PRACTICE OF “OPEN SCIENCE”

Natalia N. Pogozhina

Senior lecturer,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia;
e-mail: pogozhinann@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the trend of “openness” in the framework of the development of scientific knowledge. This trend is not limited to open access to information and includes in a wide horizon of processes. The use of digital technologies, the anonymization of platforms, changes in the field of the instrumental apparatus of intellectual property indicate the need to revise those social contracts in science that previously seemed established. Including, we are talking about the ethical and communicative field of research practice, the ethos of scientists. Projects related to “open science” are not simply integrated into scientific research in both the economic and political planes. In this regard, a number of questions arise, the most significant of which include issues of boundaries and models for managing scientific communication, control and beneficiaries, as well as levels and agents of public legitimization of scientific results.

Keywords: science, scientific communication, citizen science, society

Acknowledgments

The research was carried out with support from Russian Science Foundation according to the research grant no. 22-28-00804 “Science as a communicative system and the science policy in the social-network era”.

УДК: 316.7

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-54-66

ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП: ПАНАЦЕЯ ИЛИ ПАЛЛИАТИВ?

Наталья Геннадьевна Попова

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
Института философии и права Уральского
отделения
Российской академии наук,
амбассадор Директории журналов открытого
доступа DOAJ в России,
Екатеринбург, Россия;
e-mail ngpopova@list.ru

Ян Юрьевич Моисеенко

младший научный сотрудник
Института философии и права Уральского
отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия;
e-mail yan.moiseenko@mail.ru

Открытый доступ к научной информации — относительно новое явление, связанное с вступлением в эпоху Интернета и цифровизацией практически всех сфер человеческой деятельности. В статье обсуждаются основные предпосылки возникновения открытого доступа, а также этапы его становления как в России, так и за рубежом. Этот процесс сопряжен с рядом рисков и парадоксов, которые необходимо учитывать при переходе на новую модель. Среди них вопросы защиты авторского права, финансирования научных изданий, социального неравенства в науке, а также борьбы с хищническими журналами. Рассматриваются основные модели открытого доступа,

их достоинства и недостатки. Показано, что платиновая модель открытого доступа, которая наиболее свойственна для российских журналов, может являться сдерживающим фактором их развития.

Ключевые слова: научный журнал, российский научный журнал, открытый доступ, риски открытого доступа, модели открытого доступа

1. Введение

Наступление эпохи Интернета повлекло коренные изменения в укладе жизни современного ученого, несмотря на то что глобальные цели, которые он преследует, мало отличаются от тех, что формировали стезю исследователя в до-информационную эпоху. Тем не менее, сейчас ученый вовлечен во многом большее число повседневных взаимодействий, чем раньше, поскольку наука в современном мире перестает быть достоянием узкого круга профессионалов, а становится частью общей коммуникативной среды (Pорова et al., 2017). Теперь ученому не только доводится выполнять государственные заказы и отчитываться перед Министерством науки и высшего образования посредством представления отчетов о проделанной работе, но и самому налаживать контакты с бизнес-структурами, а также быть готовым справляться с непосредственным давлением со стороны общества, что связано с современной спецификой обнародования результатов научной деятельности.

Напомним, что на протяжении последних 350 лет ученый представлял результаты своей исследовательской работы на страницах научных журналов, поскольку именно журнал был (и остается) той экспертной инстанцией, что способна характеризовать информацию как научную. Публикацию в таком журнале предваряет целый ряд качественных фильтров (от рецензирования и редактирования до корректуры и верстки), через которые каждой рукописи необходимо пройти, прежде чем она приобретет наконец статус «научной статьи». Процесс этот, разумеется, не может быть скоротечным, поэтому доступ к научным статьям

аудитория долгое время получала не сразу — зачастую он вообще был ограничен внутренней политикой, интенциями и потребностями издательства. Множество факторов продолжает определять длительность публикационного процесса (Taşkın et al., 2022).

Очевидно, что возможность свободного и своевременного доступа к статьям коллег способствует развитию всего научного знания. Даже на уровне целеполагания ученые всегда стремились опубликоваться, чтобы не только сделать результаты своей работы достоянием научной общественности, но и закрепить собственные позиции в избранной им области исследований. Поэтому внедрение современных технологий в сферу научных коммуникаций во многом было продиктовано желанием реформировать специфику научного журнала как весьма «неторопливого» инструмента распространения научного знания. Однако можно ли было считать, что подобная реформация пройдет «безболезненно» и не нарушит тонкой экосистемы научной коммуникации?

Возможность оперативно и безвозмездно получать доступ к полнотекстовой научной информации, минуя взаимодействие с научными издательствами, выглядит привлекательно, если не задуматься о том, что упрощение выхода научной информации в свободный доступ неизбежно повлечет за собой сокращение финансирования научных журналов, которые все равно остаются безальтернативной площадкой для презентации новых научных материалов и развертывания дискуссий. Издание научной статьи — высокочрезвычайно затратный процесс, осуществить который журналу не по силам без опоры на финансовые ресурсы, предоставляемые либо государством, либо коммерческими фондами. В случае отсутствия этой поддержки, расходы на публикацию статьи зачастую покрывались платной подпиской, которая в современную цифровую эпоху постепенно превращается в анахронизм. В это же время, все больший вес по всему миру набирает движение «за открытый доступ» к научным статьям, которое оригинальным образом трактует не только инструментальные

аспекты обнародования научных материалов, но и финансовую сторону вопроса, что неминуемо влечет за собой пересмотр всего бытия научных журналов со всей совокупностью его оснований, которые в прежних моделях коммуникации не вызывали сомнений.

2. Открытый доступ в мире: предпосылки, институализация феномена

Несмотря на то, что мы напрямую связываем идею «открытого доступа» к научным публикациям с наступлением «эры» информационных технологий, ее предпосылки были сформулированы ещё в 60-е гг. XX в. Тогда представители европейской общественности потребовали обнародовать научные статьи, поскольку платный доступ к ним противоречил здравому смыслу — ведь наука развивается, в том числе, и на деньги налогоплательщиков, соответственно «скрывать» от них ее последние достижения, как минимум, аморально, а то и преступно. Изначально подобные претензии существовали в виде разрозненных инициатив, нацеленных на исправление ситуации в целом. В дальнейшем они переросли в полновесное международное движение, сторонниками которого являются не только независимые ученые или граждане, интересующиеся наукой, но и профессиональные сообщества, академические институты.

В начале XXI в. назрела необходимость формализовать идею «открытого доступа», так как игнорировать неполноценность прежней модели научной коммуникации (с закрытым доступом к публикациям) стало невозможно. В связи с этим в 2001 г. в Будапеште состоялась встреча под эгидой «Института открытого общества» (англ.: Open Society Institute), и по ее результатам был принят документ под названием «Будапештская инициатива открытого доступа» (англ.: Budapest Open Access Initiative). Так Открытый доступ был юридически определен как «бесплатный доступ к научным публикациям через интернет, где любой

пользователь может читать, загружать, копировать, распространять, распечатывать, искать или ссылаться на полные тексты научных публикаций, а также индексировать для поиска и вводить в качестве машиночитаемых данных или использовать для других законных целей при отсутствии финансовых, правовых и технических ограничений, за исключением тех, которые регулируют доступ к собственно сети Интернет». Эта декларация положила начало принятию череды важных документов на тему Открытого доступа, последним из которых, на данный момент, является «План S», разработанный коммерческими фондами Евросоюза и США, поддерживающими научные исследования, при участии Африканской академии наук и Государственного фонда естественных наук Китая. Вступление в силу этого плана в 2021 г. привело мировое научное сообщество к тому, что Открытый доступ стал неотъемлемой частью реальности научных коммуникаций, ведь согласно закрепленным в нем положениям все финансируемые государством научные исследования должны публиковаться в Открытом доступе.

Тем не менее, в России по-прежнему нет общего консенсуса по поводу необходимости перевода всех научных издательств на модель Открытого доступа, равно как нет понимания нюансов специфики этой модели научной коммуникации и ее отличий от смежных моделей. В связи с этим возникает необходимость изучить, какие преимущества внедрение Открытого доступа могут почерпнуть различные субъекты научной коммуникации, а также изучить весь комплекс рисков, которые этот переход содержит в себе, для научного сообщества в нашей стране.

3. Преимущества и риски Открытого доступа: ситуация в России

Что касается ситуации в России, то отечественные журналы по-прежнему трактуют коммуникативную модель Открытого доступа как некий Свободный доступ, несмотря на то, что это

феномены не одного порядка. При Свободном доступе, который в настоящий момент является самой распространенной издательской моделью в нашей стране, полнотекстовые материалы научных статей беспрепятственно выкладываются на сайты научных журналов, вследствие чего авторы оказываются в уязвимом положении перед недобросовестными пользователями или просто мошенниками. Ключевой отличительной чертой Открытого доступа является использование лицензий (например, Creative Commons), которые выступают юридическим механизмом защиты авторского права. Поэтому необходимо проводить разъяснительную работу, какие риски для российского научного сообщества несет в себе упование на Свободный доступ, а также окончательно развести понятия Открытого доступа и Свободного доступа в дискурсе научно-издательского дела.

Кроме того, важно подчеркнуть, что в современных реалиях альтернативная модель научной коммуникации в виде Закрытого доступа с платной подпиской не способна должным образом справиться с экспоненциальным ростом объема данных — речь идет об информации в целом и количестве публикаций в научных исследованиях, в частности. Также вступление в эпоху больших данных (англ.: big data) повлекло и увеличение скорости, с которой отныне будет развиваться наука. Последнее неизбежно выльется в требование от ученых еще больше нарастить темпы получения результатов. В связи с этим привычная процедура публикации научных статей, где с момента подачи рукописи в издательство до выхода журнала в тираж и распространения его по научным библиотекам проходит немало времени, станет для ученых «камнем преткновения» на пути к реализации поставленных перед ними задач.

Разумеется, масштабная переориентация издательской модели на рельсы Открытого доступа к научной информации не может пройти без эксцессов, к чему необходимо быть готовым. Поэтому немаловажно осмыслить основные вызовы и риски, с которыми неизбежно столкнется научная среда в этом сложном

процессе пересмотра коммуникационной модели, объединяющей авторов, издателей, читателей.

Нельзя забывать о том, что издание научных материалов — это многим более сложносочиненный процесс, нежели может показаться на первый взгляд. И дело здесь не только в том, что он требует вовлечения целого спектра специалистов разных профилей, но изначально в нем участвует ряд ключевых игроков, которые могут преследовать разные цели в рамках общего консенсуса, которые могут войти в противоречие. Издатели, например, нацелены не только на поддержание высокого качества выпускаемых ими журналов, но и на получение доходов от их реализации, что является залогом их самообеспечения. Спонсоры также стремятся получать максимальную отдачу от исследований, которые они финансируют, но для них важен фактор соотношения вложений и ценности результатов. Университеты ориентированы на максимизацию доходов от проводимых под их эгидой изысканий, чего можно достигнуть за счет наращивания производительности в совокупности со снижением затрат. Сами же исследователи заинтересованы в том, чтобы их работа была опубликована быстро и чтобы она мгновенно стала бы доступна максимально широкой аудитории — это позволит им заручиться признанием со стороны коллег и улучшить свои наукометрические показатели.

На деле этот комплекс внутренних хитросплетений интересов выражается в том, что Открытый доступ предстает перед нами в качестве неоднородного феномена. Мы имеем дело с неумолимо расширяющейся «цветовой» палитрой, которая отражает не только разные варианты доступа к научным статьям, но и разные финансовые модели функционирования журналов. Охарактеризуем «золотой», «зеленый» и «платиновый» доступ, поскольку именно они в большей мере иллюстрируют всю противоречивость ситуации.

«Платиновый» вариант является наиболее распространенным в России на текущий момент, ведь он подразумевает безвозмездность публикации как для авторов, так и для читателей.

Разумеется, журналы с такой внутренней политикой привлекательны для ученых, которые традиционно не доверяют издательствам, взимающим с них пошлину за публикации, однако в этом случае научному журналу ничего не остается, кроме как уповать на сторонние источники финансирования в лице государства или коммерческих фондов. Если денежные вливания отсутствуют, журналу становится все сложнее не только реагировать на «вызовы цифровой эпохи» и содержать в своем штате IT-специалистов, но и выполнять элементарные функции, с которыми любой научный журнал справлялся на протяжении веков, что приводит к падению качества научных публикаций.

«Зеленый» вариант Открытого доступа выглядит компромиссным, поскольку предлагает ввести временную платную подписку на новые публикации и снимать эмбарго по истечении срока «свежести». Авторы имеют право бесплатно размещать свои статьи в электронных архивах и репозиториях. Однако и в этом случае подписка не покрывает всех затрат научного журнала на подготовку к печати и размещение научных статей; при этом журналы, исповедующие такую внутреннюю политику, малопривлекательны для специалистов ряда научных областей (медицина, биотехнологии), где скорость оборота информации критически важна. Кроме того, само поддержание репозитория — это весьма затратный процесс (Валеева, 2020).

Наконец, «золотая» версия открытого доступа привлекательна для научных журналов, так как они открывают для себя нескончаемый и непосредственный источник доходов, ведь в этом случае сами авторы несут финансовое бремя за публикацию собственных научных достижений. Этот вариант также имеет множество разновидностей. Плата с авторов (англ.: Article processing charge, APC) может компенсироваться средствами грантов или существенно варьироваться. Например, многие журналы используют так называемую «гибкую политику» (англ.: waiver policy) в отношении ученых из развивающихся стран или аспирантов.

Именно «золотая» модель привела к возникновению феномена недобросовестных издателей и мошеннических практик на начальном этапе развития открытого доступа. Такие журналы стали называть «хищническими» (англ.: predatory) или «мусорными», поскольку они «охотятся» на авторов, пользуясь их недостаточной осведомленностью и готовностью заплатить в стремлении быстрее опубликоваться. К счастью, информационная кампания, развернувшаяся по всему миру, позволила существенно ограничить свободу действия «мошенников от науки». Однако, судя по всему, полностью искоренить такие практики будет невозможно (Джоши, 2022), поскольку спрос на быстрые публикации продолжает оставаться высоким в силу продолжающейся гонки за наукометрическими показателями. Нам остается только наблюдать, сможет ли Открытый доступ к научной информации удовлетворить запросы всех участвующих сторон, если окончательный переход к этой модели произойдет.

4. Выводы: парадоксы Открытого доступа

Казалось бы, несмотря на все риски, у Открытого доступа есть главное объективное преимущество, которые выделяют сами авторы, — его позитивное влияние на цитирование работ ученых. Однако результаты исследований, нацеленных на подтверждение или опровержение этой гипотезы, крайне противоречивы — вероятно, в силу того, что взаимосвязь Открытого доступа и цитируемости научных работ является многогранным явлением (Langham-Putrow et al., 2021; Хохлов, 2021). Установить причинно-следственную связь между Открытым доступом и цитированием едва ли возможно, так как мы не можем достоверно определить степень влияния сторонних факторов на результирующий признак. Тем не менее, безусловно, эта тематика требует проведения дальнейших изысканий, которые будут появляться по мере накопления статистических данных.

Кроме этого, Открытый доступ предоставляет расширенные возможности поиска и использования информации для исследователей; в первую очередь, это касается ученых из развивающихся стран. Для университетов Открытый доступ является средством повышения собственной узнаваемости во всем мире, для спонсоров — возможность обеспечить доступ к результатам тех исследований, которые они финансируют, широких слоев общества и бизнеса. Библиотеки, в свою очередь, могут выиграть от сокращения расходов на подписку, хотя в целом экономический эффект от замещения этих расходов тратами на оплату публикаций в Открытом доступе является предметом острых дискуссий. Кроме того, все чаще звучат опасения, что, социальное неравенство в науке по-прежнему сохранится. Если в эпоху подписки существовало неравенство в доступе к научному знанию из-за стоимости подписки (или отдельной статьи в закрытом доступе), то сегодня — это неравный доступ к самой возможности представить свои результаты на страницах научного журнала (Zhang et al., 2022).

Распространена точка зрения, что цифровизация науки, на которую уповает Открытый доступ, в конечном итоге приведет журналы к сокращению затрат, поскольку, выкладывая научные статьи в сети «Интернет», издатели обретают возможность сэкономить на выпуске печатной продукции. Однако сторонники этого аргумента не учитывают, что такая ситуация чревата увеличением затрат, но никак не их сокращением, ведь цифровизация, как и любой инновационный процесс, помимо преимуществ, несет в себе и новые вызовы. В этом случае, научному журналу придется прибегать к услугам высококвалифицированных специалистов, которые ранее не фигурировали в его штате: это специалисты по созданию и технической поддержке сайтов, их защите от атак ботов, DDoS-атак, не говоря уже о тех, кто занимается загрузкой контента и индексацией журнала в различных базах данных. Разумеется, эти и другие аналогичные сервисы не осуществляются на безвозмездной основе, соответственно,

журналу предстоит выделять средства на них из собственного бюджета.

В результате наших наблюдений за перипетиями взаимоотношений ученых, издателей, спонсоров, читателей можно прийти к выводу, что Открытый доступ к научным публикациям является паллиативом, но никак не панацеей от всех научно-издательских проблем. Ведь он не решает фундаментальных вопросов, связанных с рецензированием, финансированием, качеством издаваемых материалов, а лишь переводит их в иную плоскость, где все участники процесса попадают в новые, но не менее парадоксальные ситуации конфликта интересов. Не стоит забывать и том, что Открытый доступ изначально формировался как общественное движение весьма романтического характера. В современных реалиях, когда границы между странами становятся более ощутимыми, наблюдается тенденции не только глокализации, но даже изоляционизма, а международную обстановку в целом можно охарактеризовать как крайне напряженную; рассуждения об открытости научного знания всему миру и о том, что ученые не знают границ, находят все меньше приветственных откликов. Таким образом, Открытый доступ по-прежнему остается одним из самых противоречивых феноменов в области научных коммуникаций..., но есть ли ему адекватная альтернатива? На этот и другие вопросы мы постараемся ответить в дальнейших исследованиях.

Список литературы

Валеева М.В. Видимость научных результатов Green Open Access в институциональных репозиториях // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 2. С. 117–128. DOI: 10.19181/sntp.2020.2.2.5.

Джоши Я. Проблема хищнических изданий в Индии и меры, принимаемые для ее решения // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7. № 2. С. 202–209. DOI: 10.24069/SEP-22-41.

Хохлов А.Н., Моргунова Г.В. Научные публикации — хорошие, плохие, за пригоршню долларов // Научный редактор и издатель. 2021. Т. 6. № 1. С. 59–67. DOI: 10.24069/2542-0267-2021-1-59-67.

Langham-Putrow A., Bakker C., Riegelman A. (2021) Is the Open Access Citation Advantage Real? A Systematic Review of the Citation of Open Access and Subscription-based Articles // PLoS ONE. 2021. Vol. 16. No. 6/ e0253129. DOI: 10.1371/journal.pone.0253129.

Popova, N., Moiseenko, Y., Beavitt, T. Conformity in Modern Science: An Engine of Societal Transformation? // Changing Societies & Personalities. 2017. Vol. 1. No. 3. P. 237–258. DOI: 10.15826/csp.2017.1.3.017.

Taşkın, Z., Taşkın, A., Doğan, G., et al. Factors Affecting Time to Publication in Information Science // Scientometrics. 2022. No. 127. P. 7499–7515. DOI: 10.1007/s11192-022-04296-8.

Zhang L., Wei Y., Huang Y. et al. Should Open Access Lead to Closed Research? The Trends Towards Paying to Perform Research // Scientometrics. 2022. No. 127. P. 7653–7679. DOI: 10.1007/s11192-022-04407-5.

OPEN ACCESS: PANACEA OR PALLIATIVE?

Natalia G. Popova

PhD in Sociology,
Senior Researcher,
Institute for Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
DOAJ Ambassador for Russia,
Ekaterinburg, Russia;
ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7856-5413>
e-mail: ngpopova@list.ru

Yan Yu. Moiseenko

Researcher,
Institute for Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia;
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4541-5854>
e-mail: yan.moisseenko@mail.ru

Open access to scientific information is a relatively new phenomenon associated with the emergence of the Internet era and digitalization of virtually all spheres of human activity. The article discusses the main prerequisites for the appearance of open access, as well as the stages of its formation both in Russia and abroad. This process is associated with a number of risks and paradoxes that need to be taken into account during the transition to a new model. Among them are the issues of copyright protection, economic models of scientific publishing, social inequality in science, as well as the fight against predatory journals. The main open access models, their advantages and disadvantages are outlined. It is shown that the platinum model of open access, which is used by the majority of open-access Russian journals, can be a constraint to their future development.

Keywords: scientific journal, Russian scientific journal, open access, open access risks, open access models

УДК: 005.44+316.2

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-67-75

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Сильвия Арменовна Сехлеян

аспирант кафедры общей социологии
Государственного академического
университета гуманитарных наук,
Москва, Россия;
e-mail: sil.sehlejan2010@yandex.ru

В статье анализируются причины тенденции к снижению трех ключевых аспектов развития науки в условиях деглобализации: снижения количества публикаций и цитирования, прекращения иностранных инвестиций и «утечки мозгов». Причины этих тенденций носят не циклический, а структурный характер, то есть идет процесс деглобализации науки и трансформация самой основы международной исследовательской системы. Конкретной целью исследования было изучение влияния текущих тенденций на российскую науку. Вопрос в том, окажут ли негативное влияние деглобализационные процессы на исследования в России, которая развивалась благодаря процессам глобализации, и в какой степени. Это подтверждается как статистическим описанием изменений переменных, связанных с деглобализацией, так и результатами проведенного теоретического исследования. Анализ указывает на долгосрочное, сильное негативное влияние этих переменных на российскую науку. В связи с этим возникает потребность более четко определить место деглобализационных процессов в современной науке.

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, современная наука, Россия, протекционизм, иностранные инвестиции в науку, «утечка мозгов».

В настоящее время глобальные исследования выдвигаются в качестве приоритетной тенденции в науке, претендуя на более широкие меж- и транскультурные связи и обобщения. Глобальное направление науки способствует выработке новых общенаучных и социальных принципов и форм исследовательской деятельности, вносит существенный вклад в формирование современной научной картины мира.

В целом глобализация в науке, определяемая как тенденция, «выражающаяся в развитии глобалистики и глобальных исследований, наполнении глобальным содержанием научных проблем и различных областей поиска, составляет существенную часть общего процесса глобализации и его передний фронт» (Урсул, 2013: 58).

Следует признать, что глобализация в науке была наиболее значительной движущей силой развития исследований со второй половины XX в. Она, по мнению А.Д. Урсула и Т.А. Урсул, развивалась на нескольких взаимозависимых уровнях: академической мобильности, распространении научных знаний, публикациях и цитировании, международном научном сотрудничестве и формировании интернациональных научных коллективов и организаций, и позже — использовании новых информационных технологий в условиях научного прогресса (Урсул, 2013: 58).

Интенсификация этой деятельности привела к различным последствиям в разных частях мира, в зависимости от степени вовлеченности в международные научные круги. Крупнейшими странами, укрепляющими свой научный статус в условиях глобализации, на наш взгляд, являются азиатские страны. Помимо Китая как самой быстроразвивающейся страны в новейшей истории положительные эффекты глобализации в науке значительны во Вьетнаме и Индии.

Российская наука также получила толчок к развитию в ходе мировых глобальных процессов. Так, в начале 2000-х преобладал позитивный взгляд на эту тенденцию. Например, в 2004 г. Н.И. Иванова писала: «Интеграция в глобальную инновационную

сферу стала важнейшим фактором развития ряда национальных отраслей высоких технологий. Международное научно-техническое и технологическое сотрудничество способствует продвижению современных передовых технологий на внутренний российский рынок» (Иванова, 2004: 147). Действительно, на рубеже тысячелетия быстрые темпы глобализации в науке и успешные примеры отечественных исследователей, наряду с интенсивным ростом международных связей и иностранных инвестиций, и грантов в России, привели к довольно завышенному представлению о масштабах и характере этой тенденции.

Однако сегодня мы оцениваем этот этап глобализации в науке как стихийный процесс интеграции национальных традиций в мировую научную систему. Этот факт был отмечен в свое время И.А. Ильиным: «...русская наука не призвана подражать западной учености, ни в области исследования, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать свое мировосприятие, свое исследование» (Русская идея, 1992: 436). Иными словами, говорить о планомерном и подготовленном сотрудничестве в условиях глобализации было преждевременно.

Следует отметить, что этап глобализации российской науки был отмечен рядом проблем — «утечкой мозгов», неготовностью ученых публиковать исследования на иностранных языках, сложностью аккредитации отечественных журналов в *Web of Science* и *Scopus* и т. д. На фоне нерешенных вопросов, которые глобализация создала для российской науки, смена тренда на деглобализацию стала критически опасным фактором развития науки.

Как мы уже отмечали, публикации и цитирование в научных журналах были одним из наиболее важных аспектов глобальной интеграции. Однако политические события 2014–2023 гг. существенно повлияли на развитие исследовательской области в России. Так, согласно полученным Е.Г. Винокуровым, Т.Ф. Бурухиной, Н.Г. Поповой и В.П. Мешалкиным результатам, за последние десять лет наблюдается статистически значимое уменьшение доли цитирований российских авторов как зарубежными (с 1,4

до 0,4%), так и российскими учеными (с 21,8 до 11,2%) в зарубежных журналах (рис. 1).

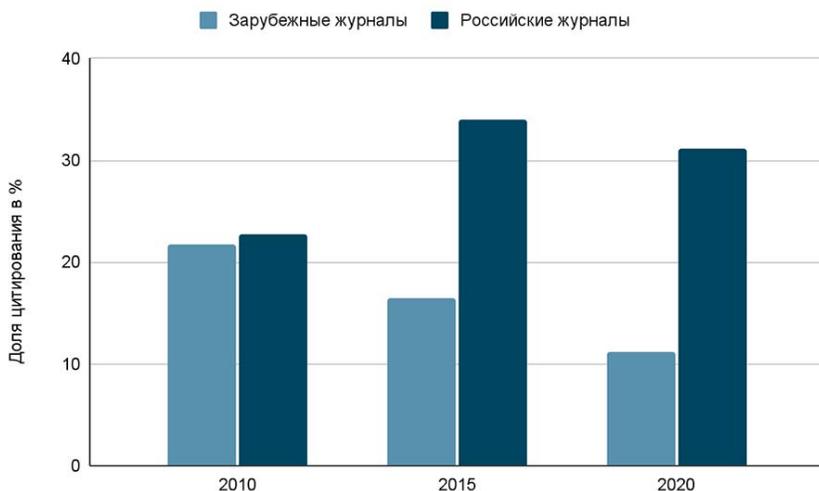

Рис. 1. Доля цитирований российских авторов в статьях, представленных российскими учеными в зарубежных и российских журналах (источник: www.academia.edu)

По мнению вышеуказанных ученых, с которым мы согласны, «при сохранении такой тенденции в ближайшие пять лет цитирование авторов, аффилированных с Российской Федерацией, будет носить единичный характер, что негативно отразится на международных рейтингах (особенно SIR) научных организаций» (Винокуров и др., 2021).

Эта точка зрения подкрепляется последними социо-политическими событиями. В 2022 г. проведение СВО на территории Украины почти остановило скудный прирост международных исследований. Приведем пример статистики клинических исследованиях (рис. 2).

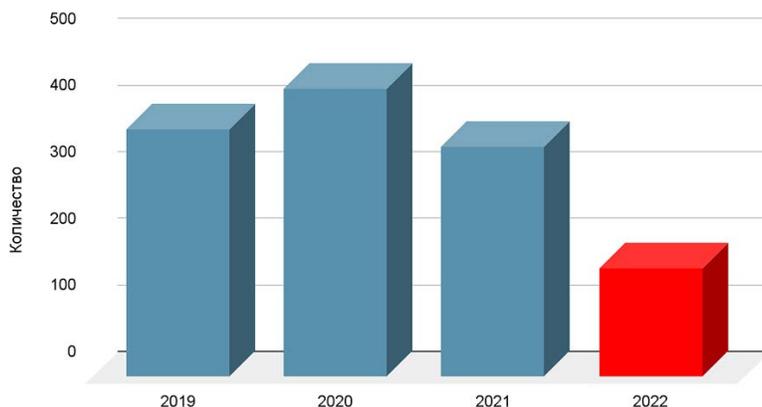

Рис. 2. Количество клинических исследований в России, финансируемых отечественными и зарубежными источниками (источник: www.clinicaltrials.gov)

Прямые иностранные инвестиции, как правило, считаются положительными для экономики и инноваций принимающей страны, поэтому ограничения в таком объеме являются неожиданными. Инвестиции в российскую науку широко распространены в секторах безопасности и, часто, в энергетическом секторе. Однако начиная с 2022 г. количество секторов финансируемых исследований заметно сократилось. Большинство новых санкционных мер касается ограничений на инвестиции в области телекоммуникаций, Интернета, производства электрических компонентов, робототехники, искусственного интеллекта, ИТ-систем, используемых в ключевых отраслях промышленности и вооружения.

Кроме того, сегодня особенно жестким является введение скрининга в качестве обязательной оценки притока иностранных инвестиций уполномоченным органом. Также в 2020 и 2021 гг. было принято более 40 поправок к перечню секторов или видов

научной деятельности, подлежащих проверке на предмет влияния иноагентов и признания таковыми. Прямое влияние новых ограничений на общий объем прямых иностранных инвестиций не поддается количественной оценке. В определенной степени они являются очевидной причиной сокращения объема прямых иностранных инвестиций в науку; но, что более важно, они создают неблагоприятный инвестиционный климат, который в предстоящий период будет способствовать дальнейшему сокращению инвестиций.

Нынешнее замедление темпов роста исследовательской активности имеет несколько особенностей, которые указывают на серьезные структурные изменения в связи с деглобализационными процессами. Например, предыдущие периодические сокращения внешних связей с научным сообществом были кратковременными, обычно от одного до трех лет. Нынешний нисходящий тренд предполагает десятилетие упадка. Текущее состояние не может быть объяснено циклическими факторами, на что указывают результаты нескольких эмпирических исследований текущего замедления глобализации науки (Черный, 2022; Hartshorne, 2022; Nikolaenko, 2023).

Явлением, которое могло бы объяснить значительную часть процесса упадка современной науки в России, является внезапный рост протекционизма, который является третьей специфической тенденцией в условиях деглобализации. Это, в частности, указывает на более глубокие изменения в мировой науке. Растущая тенденция защищать национальные школы и подходы от воздействия иных традиций, а не интегрироваться в нее, отражает важные структурные изменения в системе международных исследований. В частности, Д. Николаенко характеризует ее как формирование «тоталитарной науки в тоталитарном государстве» (Nikolaenko, 2023).

Еще одной негативной тенденцией, связанной с деглобализацией, является «утечка мозгов». На сегодняшний день количественная оценка «утечки мозгов», особенно во время кризисной

ситуации военного конфликта, затруднена. Это препятствует нашей способности понимать ее движущие силы и предвидеть последствия. Однако, исследователи сообщают, что с июня по ноябрь 2022 г. показательно перемещение разработчиков программного обеспечения. Так, в некоторых принимающих россиян странах в этот период число прибывших значительно: увеличение числа «местных» разработчиков программного обеспечения выросло на 42% в Армении, 60% на Кипре и 94% в Грузии (Wachs, 2023).

В заключение стоит отметить, что глобализация не является необратимым процессом, что современный процесс глобализации в науке может быть нарушен социо-политическими событиями и что процессы деглобализации ведут к значительной трансформации международной сферы исследований. Учитывая, что переход России от обособленного научного сообщества до полноправного участника мировых исследований был обусловлен процессами глобализации, вопрос заключается в том, окажут ли обратные процессы негативное влияние на науку в России и в какой степени.

В связи с этим возникает потребность более четко определить место деглобализационных процессов в современной науке и в общем видении мировых исследований, оценить перспективы глобальных исследований и разработать общую концепцию противодействия деглобализации в науке.

Список литературы

Винокуров Е.Г., Бурухина Т.Ф., Попова Н.Г., Мешалкин В.П. Динамика публикационной активности и цитируемости российских авторов // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 1. С. 156–172.

Иванова Н.И. Наука в глобальных инновационных процессах // Наука в России: современное состояние и стратегия возрождения. М.: Логос, 2004. С. 138–152.

Русская идея. М.: Республика, 1992. 494 с.

Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальное направление науки // Философская мысль. 2013. № 10. С. 58–120.

Черный В.Я. «Китайские коллеги тоже “нажали на паузу”» — глава РАН рассказал о состоянии научных связей [Электронный ресурс] // Российская академия наук (дата размещения: 14.04.2022). URL: <https://new.ras.ru/activities/news/kitayskie-kollegi-tozhe-nazhali-na-pauzu-glava-ran-rasskazal-o-sostoyanii-nauchnykh-svyazey/> (дата обращения: 11.06.2023).

ClinicalTrials.gov [Электронный ресурс] // База данных о клинических исследованиях, проводимых по всему миру, финансируемых частным и государственным образом. URL: www.clinicaltrials.gov (дата обращения: 11.06.2023).

Hartshorne J. Editorial: Politics Is Not a Spectator Sport: On the Role of Psycholinguists in a Global Crisis // *East European Journal of Psycholinguistics*. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 8–10.

Nikolaenko D. The Russian Relativistic Concept of Political Geography and the War of 2014–2023. Lectures 1–2: Moscow Los caprichos: totalitarian science in a totalitarian state. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/367332649_The_Russian_Relativistic_Concept_of_Political_Geography_and_the_War_of_2014-2023_Lectures_1-2_Moscow_Los_caprichos_totalitarian_science_in_a_totalitarian_state (date accessed: 05.07.2023).

Wachs J. Digital Traces of Brain Drain: Developers during the Russian Invasion of Ukraine // *EPJ Data Science*. 2023. Vol. 12. Article no. 14.

MODERN SCIENCE IN RUSSIA UNDER THE CONDITIONS OF DEGLOBALIZATION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Silviya A. Sekhleian

Postgraduate student of the Department of General Sociology,
State Academic University for Humanities,
Moscow, Russia;
e-mail: sil.sehlejan2010@yandex.ru

This article analyzes the reasons for the downward trend in three key aspects of the development of science in the context of deglobalization: reducing the number of publications and citations, stopping foreign investment and “brain drain”. The article shows that the reasons for these trends are not cyclical, but structural, that is, the process of deglobalization of science and the transformation of the very foundation of the international research system is underway. The specific purpose of the study was to study the impact of current trends on Russian science. The question is whether and to what extent deglobalization processes will have a negative impact on research in Russia, which has developed thanks to the processes of globalization. Significant changes in the Russian paradigm of science development, based on domestic production and import substitution to meet domestic demand and financed from domestic resources, have led to a decrease in the share of all international indicators in research. This is confirmed both by the statistical description of changes in variables associated with deglobalization and by the results of the theoretical study. The analysis has yielded contradictory results, so it is impossible to determine with certainty the long-term impact of deglobalization on modern science. Nevertheless, the parts of boundary testing that are statistically indisputable indicate a long-term, strong negative impact of these variables on Russian science, while the direction and intensity of individual socio-political variables in today’s rapidly changing conditions are unpredictable. In this regard, there is a need to more clearly define the place of deglobalization processes in modern science.

Keywords: globalization, deglobalization modern science, Russia, protectionism, foreign investment in science, “brain drain”

УДК: 165:001

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-76-83

ЭПИСТЕМОКРАТИЯ И НАУКА

Светлана Анатольевна Хмелевская

доктор философских наук, профессор,
профессор философского факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия;
email: xmelevsk@mail.ru

Статья посвящена анализу эпистемократии как особой разновидности устройства государственной власти, в котором главенствующую роль играют знания и компетенции, с одной стороны, тех, в чьих руках находится эта власть, а с другой стороны, электората, знания которого позволяют ему сделать правильный выбор (как полагают авторы концепции эпистемократии) в избирательных кампаниях, на референдумах и пр. В статье раскрывается место и функции науки в эпистемократии, подчеркивается ее возросшая значимость при возможных рисках (среди которых риск превращения в сервильную науку, борьба с неугодными учеными и пр.). Одновременно есть и риски технологизации при гипертрофировании роли науки в принятии политических решений. Кроме того, в статье эпистемократия рассматривается как во многом утопический проект, который трудноосуществим на практике и имеет ряд слабых и спорных сторон.

Ключевые слова: эпистемократия, наука, государственное управление, электорат, сервильная наука, риски

Роль науки в формировании и функционировании государственной власти обсуждалась в философской литературе достаточно давно (вспомним идеальное государство Платона, «Новую Атлантиду» Ф. Бэкона и пр.). В современном обществе эта тема обрела новые грани. В литературе стал использоваться термин

«эпистемократия» (хотя в ряде источников употребляется схожее понятие «эпистократия, например: Méndez, 2021: 1), а сама проблематика переместилась в центр научных дискуссий (Ahlstrom-Vij, 2019). Однако до сих пор нет единого понимания сущностных характеристик эпистемократии. Тем не менее, сформировались вариативные подходы к изучению этой темы (Хмелевская, 2022). Их можно свести к нескольким подходам:

- 1) эпистемократия — это власть знающих (это либо те, кто непосредственно наделен властью; либо те, кто помогает осуществлять эту власть, например, эксперты, тогда эпистемократия совпадает с экспертократией) (Méndez, 2021);
- 2) эпистемократия — это создание в государстве благоприятных условий для получения достоверных знаний и управления на основе этих знаний (Brennan, 2018);
- 3) эпистемократия — это не только публичная власть, построенная на знаниях, но это еще и электорат, имеющий достаточный уровень знания, чтобы сделать грамотный, обоснованный выбор (Fuerstein, 2008);
- 4) оригинальные подходы, не укладывающиеся в общий тренд современной трактовки эпистемократии (например, подход Н. Талеба, утверждавшего, что главной чертой эпистемократии является то, что «этим обществом управляют, опираясь на понимание силы невежества, а не знания» (Талеб, 2018: 317).

Если подытожить приведенные подходы, то суть эпистемократии в том, что государственная власть должна принадлежать наиболее компетентным людям, обладающим необходимыми знаниями, чтобы на этой основе они могли принимать верные управленческие решения. Между тем, проблема состоит в том, чтобы определить, кого именно считать знающими людьми, какими знаниями и в каком объеме они должны обладать, как проверить их знания и как реализовать эту модель на практике. Как следствие, предлагаются разные модели эпистемократии, отличающиеся тем, каким способом происходит распределение

политической власти на основе обладания знаниями и компетенциями. В зависимости от ответов на эти вопросы и определяется роль науки в вариативных моделях эпистемократии.

В целом наука, безусловно, играет значимую роль в эпистемократии, поскольку особенность последней в том, что она основывается на знаниях, экспертизе, компетенциях. Поэтому научные факты и исследования становятся базой для принятия управленческих решений. Предполагается, что их эффективность многократно возрастает.

Отсюда значимость научных знаний для властей предрержащих и нацеленность их политики на эффективную науку. Если логически продолжать эту мысль, то эпистемократия должна была бы со временем превратиться во власть ученых или экспертов. Тем не менее, это не предполагается в концепции эпистемократии. Иными словами, наука является в эпистемократии лишь подспорьем для обладающих публичной властью. Окончательные решения принимаются непосредственно ими.

Однако функционирование науки в эпистемократии связано с рядом рисков, среди которых следующие:

- 1) наука может стать сугубо сервильной наукой, которая постфактум «обосновывает» принятые чиновниками решения; для того чтобы придать политическому решению аргументированный характер привлекаются научные исследования, тем самым, создается видимость научного решения, в том числе и для того, чтобы повысить к нему степень доверия населения;
- 2) те научные выводы, которые не соответствуют данному решению или общей линии проводимого политического курса, подвергаются остракизму (при этом остается открытым вопрос, как поступить с теми исследователями, экспертами, чьи взгляды не соответствуют взглядам властей предрержащих).

Исходя из значимости этих рисков для науки возникает и неоднозначное отношение к эпистемократии. С одной стороны,

привлечение ученых, экспертов для принятия решений в области государственного управления — это важно и необходимо, как и то, что наделенные государственной властью должны быть людьми компетентными и профессионалами в своей области. Но, с другой стороны, просматриваются не только риски, но и утопизм идей эпистемократии, если их довести до логического завершения.

Каков должен быть образовательный и научный ценз для претендующих на обладание государственной властью, кто и как будет его определять? Отсюда одна из базовых проблем применительно к пониманию компетентности в эпистемократии — это фактическое определение объема и содержания информации, знаний, которые можно считать релевантными. Но это относится не только к властям предрержащим, но и к электорату. Так как одна из причин, по которым тема эпистемократии стала активно обсуждаться в философской и политологической литературе — неожиданные для ряда исследователей, экспертов результаты голосований на всеобщих выборах президента США в 2016 г., когда победу одержал официальный кандидат от Республиканской партии Дональд Трамп, а также результаты голосования по “Brexit”, предопределившие выход Великобритании из ЕС. Отсюда всплеск интереса и к теме постистины (Фуллер, 2018).

Помимо необходимости наличия нужных знаний и компетенций чиновников у эпистемократии есть и вторая сторона — достаточными знаниями (в том числе научными) должны обладать и избиратели для того, чтобы сделать правильный выбор. По умолчанию принимается, что эпистемократия не противостоит демократии, а предстает как ее высшая ступень. Опять же проект эпистемократии утопичен в том смысле, что не определен ни объем необходимых знаний, ни то, как его можно определить у избирателя.

Дж. Бреннан предлагает устраивать экзамен для электората — «квалификационный экзамен избирателя» (Бреннан,

2011). Но при этом остается открытым вопрос, что делать избирателям, которые не сдали соответствующий экзамен? Значит ли это, что они не будут допущены к выборам? Однако в таком случае при всеобщем избирательном праве их права будут нарушены. Дж. Бреннан обосновывает необходимость экзамена для избирателя следующим образом: некомпетентный электорат может сформулировать свои чаяния, но не может правильно установить средства для их удовлетворения. Политики обслуживают невежественный электорат, а это означает высокий риск того, что они будут проводить плохую политику, предпочитаемую электоратом. Но тут же возникает эпистемический парадокс: «отсекая часть электората, власти предрекшие не будут знать о его чаяниях, что может привести к плачевным политическим последствиям» (Хмелевская, 2022: 438).

Важный момент состоит в том, что, обладая необходимыми знаниями, избиратель может основывать свой выбор не на рациональных моментах, а на эмоциях (например, какой-нибудь кандидат-популист может вызвать большее доверие, чем другой; это то, что называется «голосование сердцем»).

Вместе с тем разработчики модели эпистемократии, как модели государственного управления и реализации публичной власти, отмечают, что при подходящих условиях даже невежественный электорат может привести к формированию коллективного разума (Рейнгольд, 2006). Но тогда возникает вопрос, а зачем вообще нужна эпистемократия?

В связи с изложенным выше отметим, что эпистемократия поднимает еще одну весьма важную проблему — электорат должен иметь право на истину, или то, что стали называть алетическим правом. Оно обозначает то, что граждане государства, политическим устройством которого является эпистемократия, должны обладать правом получать надежное и проверенное знание. Это право рассматривается как естественное право человека, так как у него наличествует

потребность в получении истинного знания (D'Agostini, 2021). Но и с реализацией этого права, да и в связи с его формулировкой возникает ряд проблем, в частности вариативность понимания истин.

Следует выделить и еще весьма значимый момент: наука целеориентирована на получение рефлексивных знаний, то есть знаний об объектах в их собственной логике развития. Принятие государственных решений в большинстве случаев предполагает не только такого рода знаний, но и знаний валюативных, то есть имеющих ценностную основу, которые наука вырабатывает в определенном ракурсе (речь идет лишь о валюативных знаниях, которые касаются непосредственно самой науки, например, логико-методологического характера или того, что обозначают как этос науки). Что касается валюативного знания, взятого в полном объеме, то в демократическом обществе оно должно разрабатываться и приниматься консенсуально, выражать общезначимость принятых целей, базовых принципов, что отражается затем в тех или иных направлениях проводимой государственной политики. Наука в данном случае может предложить те или иные варианты решений в соответствии с этими целями как наиболее оптимальными, но выбор их, в конечном итоге, остается за теми, в чьих руках находятся рычаги государственной власти.

При этом не исключен и иной вариант: когда решения, предложенные учеными, экспертами, не будут учитывать ценностно-смысловой основы. Например, экономисты могут обосновать, что с точки зрения экономической науки будет эффективным решение не индексировать пенсии работающим пенсионерам. Но будет ли такое решение социально эффективным, учитываются ли при его принятии негативные последствия, как-то снижение степени доверия этих пенсионеров органам государственной власти, их нежелание после таких решений продолжать работу, что чревато нехваткой рабочей силы при заполнении ряда рабочих мест, и пр.?

Список литературы

Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М. Изд.-торговый дом ГРАНД; Фаир пресс, 2006. 416 с.

Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 736 с.

Фуллер Ст. Постправда. Знание как борьба за власть. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.

Хмелевская С.А. Научное знание в разных моделях эпистемократии / После постпозитивизма: Сборник. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2022. С. 436–439.

Ahlstrom-Vij K. The Epistemic Benefits of Democracy: A Critical Assessment // The Routledge Handbook of Social Epistemology. New York, 2019. 115 p.

Brennan J. Does the Demographic Objection to Epistocracy Succeed? // Res Publica. 2018. № 24. P. 53–71.

Brennan J. The Ethics and Rationality of Voting. Princeton University press, 2011. 185 p.

D'Agostini F. Alethic Rights. Preliminaries of an Inquiry into the Power of Truth // Social Epistemology. 2021. No. 35 (1). P. 1–18.

Fuerstein M. Epistemic Democracy and the Social Character of Knowledge // Episteme, 2008. № 5 (1). P. 74–93.

Méndez M.P. An Epistemic Problem for Epistocracy // Social Epistemology, 2021. November 15. P. 1–27.

EPISTEMOCRACY AND SCIENCE

Svetlana A. Khmelevskaya

Doctor of Philosophy Sciences, professor,
professor of the Faculty of Philosophy,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia;
email: xmelevsk@mail.ru

The article is devoted to the analysis of epistemocracy as a special kind of state power arrangement, in which the dominant role is played by the knowledge and competence, on the one hand, of those who hold this power, and on the other hand, of the electorate, whose knowledge allows it to make the right choice (as the authors of the concept of epistemocracy believe) in election campaigns, in referendums, etc. The article reveals the place and functions of science in epistemocracy, emphasizing its increased importance with the possible risks (including the risk of becoming a servile science, the fight against unwanted scientists, etc.). At the same time, there are also risks of technologization in the hypertrophied role of science in political decision-making. In addition, the article views epistemocracy as a largely utopian project, which is difficult to implement in practice and has a number of weak and controversial aspects.

Keywords: epistemocracy, science, public administration, electorate, servile science, risks

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ И ПРИКЛАДНЫЕ
СОЦИОЛОГО-НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 001:57.4

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-84-91

**ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ
В СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Александр Георгиевич Аллахвердян

кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: sisnek@list.ru

В статье исследована динамика численности научно-технических кадров в Советском Союзе и постсоветской России. Как показали статистические данные, за период с 1950 по 1988 г. численность научных работников технического профиля возросла с 41,5 тыс. в 1950 г. до 716,2 тыс. в 1988 г. Существенно возросла и процентная доля научно-технических кадров с 25,5% до 47,5% за тот же период. Это было связано, в первую очередь, с государственной необходимостью реализации двух важнейших научно-промышленных мегапроектов: «атомного» и «космического», имевших весьма большую военную, а также гражданскую значимость. В постсоветский период (1995–2020) имеет место обратная тенденция — резкий кадровый спад в технических науках: за 25 лет численность исследователей сократилась в 1,4 раза. Но при всем этом процентная доля научно-технических

кадров не сократилась, а возросла до 60% от общего числа всех исследователей российской науки. Иначе говоря, технократическая ориентация российской науки стала еще более выраженной в постсоветский период ее развития в сравнении с советским периодом.

Ключевые слова: динамика научных кадров, СССР, РФ, технические науки, гуманитарные науки, кадровый спад, статистика науки

Характерной чертой развития послевоенной советской (1950–1988) науки являлся рост численности научных работников как в российской науке в целом, так и в различных ее областях (технических, естественных, гуманитарных и др.). Однако, как показали данные государственной статистики, этот рост, в зависимости от области науки и конкретной научной дисциплины, осуществлялся с различной «скоростью». Ниже приведены две области науки — технические и гуманитарные в сравнительном контексте (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности научных работников в послевоенной советской науке, 1950–1988 гг. (Источник: Кугель, 1991: 53)

Области наук и научные дисциплины	1950		1988		Отношение 1988 г. к 1950 г. Рост в разы
	тыс.	%	тыс.	%	
Всего научных работников, в том числе по областям наук:	162,5	100	1522,2	100	9,4
1. Технические науки	41,5	25,5	716,2	47,5	17,3
2. Гуманитарные науки, включая научные дисциплины:	29,5	18,2	134,1	8,8	4,5
2.1. Исторические	8,5	5,2	30,4	1,9	3,6
2.2. Философские	2,7	1,7	22,2	1,4	8,2
2.3. Филологические	13,6	8,4	60,6	4,0	4,5
2.4. Искусствоведение, архитектура	4,7	2,9	20,9	1,5	4,4

Технические науки (1950–1988). Как показывают данные таблицы, за период с 1950 по 1988 г. численность научных работников технического профиля возросла с 41,5 тыс. в 1950 г. до 716,2 тыс. в 1988 г., то есть в 17,3 раза, в то время как в гуманитарных науках — только в 4,5 раза. Такой дисбаланс в значительной степени был обусловлен тем, что государственная потребность в научных кадрах технического профиля оказалась гораздо выше, чем в гуманитарных науках.

В технических науках в период с 1950 по 1988 г. резко возросла не только «абсолютная», но и «относительная» численность научно-технических кадров, выразившаяся в росте удельного веса научно-технических кадров с 25,5% до 47,5% в общей численности научных работников СССР. Это было связано, в первую очередь, с государственной необходимостью реализации двух научно-промышленных мегапроектов: «атомного» и «космического», имевших весьма большую военную, а также гражданскую значимость. В целях их реализации в очень короткий исторический период были созданы сотни новых высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, высокотехнологичных промышленных предприятий для подготовки научных кадров технического профиля и их вовлечения в научно-техническую деятельность.

Гуманитарные науки (1950–1988). Динамика численности кадров в гуманитарных науках, включая конкретные научные дисциплины (история, философия, филология, искусствоведение и архитектура) имела как совпадающий, так и отличный от технических наук характер. В период 1950–1980-х гг. в гуманитарных науках статистически фиксировался неуклонный рост «абсолютной» численности научных кадров: с 29,5 тыс. в 1950 г. до 134,1 тыс. в 1988 г. Однако в отличие от технических наук удельный вес гуманитарных наук (в %) за этот же период сократился с 18,2% до 8,8% в общей численности научных кадров СССР. Эта же тенденция спада наблюдается и в научных дисциплинах гуманитарного профиля: в истории (с 5,2% до 1,9%), философии

(с 1,7% до 1,4%), филологии (с 8,4% до 4,0%) и искусствоведении, архитектуре (с 2,9% до 1,5%).

Таким образом, в послевоенном СССР среди всех областей науки явным государственным приоритетом пользовались технические науки, кадровый состав которых (в процентном отношении) увеличивался с 25,5% в 1950 г. до 47,5% в 1988 г., то есть составил почти половину от общей численности советских ученых. Иначе говоря, к концу 1980-х гг. технократическая ориентация советской науки достигла наибольшего масштаба за всю ее историю. Что касается гуманитарных наук, то здесь имеет место обратная тенденция — тенденция спада их удельного веса в рамках советской науки с 18,2% в 1950 г. до 8,8% в 1988 г., то есть процентная доля гуманитарных наук в общем кадровом составе советской науки сократилась вдвое (Кутель, 1991: 53).

В дальнейшем изложении гипотеза нашего исследования состояла в том, что при трансформации советской науки в российскую кадровый состав технических и гуманитарных наук России испытал кадровый спад ввиду резкого снижения уровня жизни ученых и их оттока в другие сферы российской жизни, а также за границу. Верификация этой гипотезы стала предметом конкретного исследования в постсоветский период.

Таблица 2

Динамика численности исследователей в технических и гуманитарных науках за 25 лет (1995–2020)

Области наук и научные дисциплины	1995	2020	Отношение 2020 к 1995, в %
	тыс.	тыс.	–Спад / +Рост в разы
Всего исследователей, в том числе по областям наук:	518, 7	346,5	–1,5
1. Технические науки	342, 9	209	–1,6
2. Гуманитарные науки, включая научные дисциплины:	8, 6	12, 3	+1,4

Области наук и научные дисциплины	1995	2020	Отношение 2020 к 1995, в %
	тыс.	тыс.	–Спад / +Рост в разы
2.1. Исторические	4,2	4,5	+1,1
2.2. Философские	0,4	1,1	+2,7
2.3. Филология и составляющие ее дисциплины	2,6	3,7	+1,4
2.4. Искусствоведение, архитектура	1,2	2,4	+2
2.5. Культурология	0,2*	0,4	+2

* Культурология вошла в классификацию гуманитарных наук с 2002 г.

Технические науки (1995–2020). Согласно табличным данным, в постсоветский период, в отличие от советского послевоенного периода, имеет место обратная тенденция — резкий количественный кадровый спад технических наук. Согласно статистическим данным, за 25 лет численность кадров-исследователей в технических науках сократилась в 1,4 раза. Это обусловлено рядом причин. Первая — резко сократился прием студентов в высшие учебные заведения технического профиля. Вторая — ликвидация значительного числа отраслевых министерств гражданского и военного назначения в состав которых входили головные НИИ, конструкторские и проектно-изыскательские организации. Но при всем этом кадровый состав технических наук, включающий ученых и инженеров-исследователей, в процентном отношении возрос до 60% от общего числа всех исследователей российской науки. Иначе говоря, технократическая ориентация российской науки стала еще более выраженной в постсоветский период ее развития в сравнении с советским (47,5%). периодом

Гуманитарные науки (1995–2020). В отличие от технических наук, имеет место рост численности группы гуманитариев-исследователей, в целом, в 2,7 раза за период с 1995 по 2022 г. Во всех пяти гуманитарных дисциплинах (исторических, философских,

филологических, искусствоведении, культурологии) наблюдается рост численности исследователей. Наибольшие темпы роста исследователей в период 1995–2020 гг.) наблюдаются в философских науках (в 2,7 раза), наименьшие — в исторических (в 1,1 раза). Такой дифференцированный (по научным дисциплинам) мониторинг облегчает изучение динамики численности исследователей во всех гуманитарных дисциплинах и, соответственно, возможное управленческое воздействие на развитие каждой из них. В совокупности численность исследователей во всех гуманитарных дисциплинах (12,3 тыс.) составляет, в процентном отношении, 3,5% от численности всех (346,5 тыс.) российских исследователей, в то время как удельный вес совокупности технических наук составил в 2020 г. 60% от численности всех российских исследователей. Иначе говоря, показатель численности научных кадров в технических науках превышает аналогичный показатель в гуманитарных науках в 17 раз (Наука, 2005: 40; Индикаторы, 2020: 55).

Об актуальности дифференциации технических наук и о формировании официальных показателей статистики технических дисциплин

Как уже отмечалось ранее, область гуманитарных наук статистически дифференцирована на ряд составляющих — гуманитарных дисциплин (историю, философию, филологию, искусствоведение и культурологию). Что касается кадрового состава технических наук, то в официальных статистических сборниках как советского, так и постсоветского периодов он представлен лишь одним общим, *валовым* показателем. Подобная «статистическая дискриминация» технических наук не позволяет, как в случае с гуманитарными науками, проводить *дифференцированный анализ* численности научных кадров в многочисленных технических дисциплинах (электроника, энергетика, приборостроение, радиотехника, электротехника, транспорт и др.).

В настоящее время мне представляется актуальной задача обращения всего сообщества технических наук, всех заинтересованных сторон к руководству Федеральной службы государственной статистики с предложением разработки новой статистической формы, направленной на разграничение *технических наук и официальной статистической дифференциации технических дисциплин*, опираясь на методологию ныне действующей «Номенклатуры специальностей научных работников» (Номенклатура, 2022).

Список литературы

Кугель С.А. Что мы знаем о распределении научных кадров по профессиям // Научные кадры СССР: динамика и структура / Под ред. В.Ж. Келле, С.А. Кугеля. М.: Мысль, 1990. С. 44–63. Детальные расчеты произведены автором статьи с опорой на эту работу С.А. Кугеля.

Индикаторы науки. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 400 с.
Наука в Российской Федерации. Статистический сборник. М.: ГУ — ВШЭ, 2005. 492 с.

Номенклатура специальностей научных работников (приказ Министерства науки и высшей школы от 24 февраля 2021 г. № 118 с изменениями) [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104060043?ysclid=ljsgkhpg482364154> (дата обращения: 07.07.2023).

Номенклатура специальностей научных работников (приказ Министерства науки и высшей школы от 11 мая 2022 г. № 445) [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206160013?ysclid=ljsgm8c9s8391737811> (дата обращения: 07.07.2023).

DYNAMICS OF THE NUMBER OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL PERSONNEL IN THE USSR AND THE RUSSIAN FEDERATION: A COMPARATIVE ANALYSIS

Alexander G. Allakhverdyan

PhD in Psychology, leading researcher,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: sisnek@list.ru

The article examines the dynamics of the number of scientific and technical personnel in the Soviet Union and post-Soviet Russia. According to statistics, for the period from 1950 to 1988 the number of technical scientists increased from 41.5 thousand in 1950 to 716.2 thousand in 1988. The percentage of scientific and technical personnel also increased significantly from 25.5% to 47.5% over the same period. This was due, first of all, to the state need to implement two major scientific and industrial megaprojects: “atomic” and “space”, which had a very high military and civilian significance. In the post-Soviet period (1995–2020), there is an opposite trend — a sharp decline in personnel in technical sciences: over 25 years, the number of researchers has decreased by 1.4 times. But, with all this, the personnel composition of technical sciences, in percentage terms, did not decrease, but increased to 60% of the total number of all researchers in Russian science. In other words, the technocratic orientation of Russian science has become even more pronounced in the post-Soviet period of its development in comparison with the Soviet period.

Keywords: Dynamics of scientific personnel, USSR, RF, technical sciences, humanities, personnel decline, science statistics

УДК: 338.2

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-92-102

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ШАГИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В РОССИИ

Ирина Геннадиевна Дежина

доктор экономических наук,
руководитель департамента анализа научно-
технологического развития
Сколковского института науки и технологий,
Москва, Россия;
e-mail: i.dezhina@skoltech.ru

В статье обсуждаются условия достижения в России технологического суверенитета за счет формирования собственных линий разработки. На основе анализа теории технологических скачков выделены основные этапы, которые нужно пройти для того, чтобы страна стала технологически самостоятельной. Показано, что страны догоняющего развития и находящиеся под санкциями пытаются обеспечить технологический суверенитет как путем имитаций, так и путем технологического скачка, когда на определенных этапах развития догоняющий может опередить лидера. Применительно к российским условиям определяются факторы, учет которых необходим при выработке подходов к обеспечению технологического суверенитета. К ним относятся определение тематических приоритетов, наращивание кадрового потенциала, формирование консорциумов и дополнительное финансирование. Предложены направления действий, связанные с выбором ключевых технологических направлений, выделением собственных линий разработки и изменениями в кадровой политике. Делается вывод, что в краткосрочной перспективе движение к технологическому суверенитету будет происходить в основном с использованием имитационных стратегий.

Ключевые слова: технологический суверенитет, собственные линии разработки, научно-технологическая политика, технологические скачки, имитационные стратегии, Россия

Введение

После введения в 2022 г. международных санкций Россия существует в новых условиях ограниченного доступа к современным технологиям и важнейшей для национальной экономики и безопасности продукции. Острота ситуации связана с тем, что по разным оценкам зависимость страны от импорта в разных технологических сегментах составляет от 60 до 95%. Возможности опоры на страны, которые готовы сотрудничать с Россией, ограничены, поскольку для них есть риск подпадания под вторичные санкции.

Высокая зависимость от высокотехнологичного импорта появилась ввиду того, что не удалось интегрировать два направления государственной политики — научно-технологическое (развитие науки, поддержка технологических стартапов, создание инфраструктуры — технопарков, инкубаторов и т. п.) и структурное (локализация импортной продукции, защита рынков, регулирование конкуренции). Интеграция этих направлений происходила точно, например, в программах инновационного развития крупных госкомпаний, стимулировавших их сотрудничество с вузами и малыми инновационными предприятиями. Но не было сформировано механизма реализации крупных технологических проектов, которые обеспечивают создание новых поколений наукоёмкой продукции.

После введения санкций был выбран курс на обеспечение технологического суверенитета. В Концепции технологического развития на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ в мае 2023 г. (№ 1315-р от 20 мая 2023 г.), технологический суверенитет определен как наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Таким

образом, вводится новое понятие — «собственные линии разработки», которые определяются как комплекс мероприятий (проектов, программ) и условий, обеспечивающих создание и устойчивое развитие конкретных отечественных технологий и продуктов на их основе, включая разработку их новых поколений.

Проведение исследований, разработок и кооперация науки и промышленности вышли на новый уровень значимости, поскольку технологический суверенитет предполагается формировать за счет научных исследований, ведущих к созданию критических и сквозных технологий, которые затем воплощаются в новой высокотехнологичной продукции.

Для того чтобы формировать собственные линии разработки, важно понимание теоретических основ достижения технологической самостоятельности и разработка на этой основе практических шагов с учетом страновой специфики. Далее в статье последовательно анализируются теоретическая рамка технологического суверенитета и условия развития собственных линий разработки в России.

Технологические скачки и имитации

Движение России к технологическому суверенитету должно осуществляться путем решения двух параллельных задач. Первая срочная задача состоит в максимальном продлении работы имеющегося оборудования. В ряде случаев это потребует возврата к сохранившимся технологиям советских лет, которые могут обеспечивать возможность массового производства. Решение этой задачи предполагает традиционную для России последних 30 лет опору преимущественно на крупные корпорации и стандартные инвестиционные механизмы, что может обеспечить функционирование экономики на переходный период сроком в 1–3 года.

Вторая задача — долговременная, она заключается в организации разработки собственных технологий и будет решаться

на интервале 10–15 лет. Создание новых технологий в условиях догоняющего развития возможно двумя не исключаящими друг друга способами — за счет технологического скачка и имитации (реверсивного инжиниринга).

Имитации — хорошо известный и широко применяемый подход к технологическому развитию, несмотря на то что деятельность, связанная с подражанием (копированием), часто рассматривается в негативном ключе как неспособность к собственным инновациям. Тем не менее, имитационные стратегии на разных этапах развития применялись, например, в таких странах, как Япония и Китай, достигших в настоящее время высокого уровня технологического развития (Chung, Tan, 2017; Zhang, Zhou, 2016). Имитации дешевле, чем инновационная деятельность, и дают более быстрые результаты. Растущее число исследователей рассматривают имитации и инновации как дополняющие друг друга понятия, когда имитации становятся первым шагом для разработки собственных инноваций (Corredor et al, 2015; Wu et al, 2020). Однако полноценная технологическая самостоятельность может базироваться только на собственных инновациях за счет технологического скачка.

Технологический скачок предполагает, что догоняющий может опередить лидеров за счет собственных инноваций (Goldemberg, 2011; Drezner, 2019). В этом случае запаздывающие «перепрыгивают» через более старые технологии, избегая существенных инвестиций в предыдущие технологические системы. Совершить скачок становится возможным потому, что со временем технологические лидеры меняются. Как показал Мокир (Мокуг, 1990: 207), ни одна нация не была технологически креативной дольше «исторически короткого периода». Технологический скачок актуален не только для стран догоняющего развития, но и для находящихся под санкциями, поскольку освобождает от постоянной зависимости от зарубежных разработок. Следует подчеркнуть, что концепция технологического скачка остается противоречивой (Afawubo, Noglo, 2022): в зависимости от страны

сильно варьируются институциональные, экономические и научно-технологические условия (Fagerberg, Srholec, 2008), сочетание которых позволяет (или нет) совершить технологический скачок.

Четыре основных этапа совершения технологического скачка были сформулированы в работе (Ng, Tan, 2018) на примере развития ИКТ в Азербайджане. Первый этап предполагает разработку стратегии, итогом которой будет формирование на государственном уровне общего видения того, каким образом следует двигаться к технологической самостоятельности. На втором этапе проводится оценка возможностей развития технологий — определяются пробелы в знаниях и пути их устранения, в том числе с привлечением зарубежной экспертизы. На опыте развивающихся стран было показано, что «горизонтальное» сотрудничество с другими развивающимися, но более продвинутыми странами позволяет быстрее осваивать создание принципиально новых технологий (Дежина, Егерев, 2022: 12). На третьем этапе происходит формирование собственных линий разработки, а на четвертом — поддержание траектории их развития, в том числе путем популяризации результатов. Отталкиваясь от теоретических построений, рассмотрим условия формирования технологического суверенитета в России за счет собственных линий разработки.

Критерии выделения собственных линий разработки

Поскольку не на каждом предприятии возможно развитие собственных линий разработки, важно определить, какие из них уже имеют условия для того, чтобы осуществлять технологический скачок. По нашему мнению, собственные линии разработки могут создаваться на предприятиях в кооперации с научными организациями, вузами и другими компаниями при следующих условиях:

- организация финансирует исследования и разработки, в том числе на основе аутсорсинга или в иных формах кооперации с другими отечественными организациями;

- организация или участники кооперации владеют правами на результаты интеллектуальной деятельности;
- поставщиками ключевых компонентов продуктов, в том числе программного обеспечения, выступают владельцы собственных (а не импортированных) разработок, деталей, узлов; если отдельные компоненты в стране недоступны, то источники их получения диверсифицированы (доступны в нескольких странах);
- ключевые средства производства в цепочках создания таких продуктов состоят преимущественно из отечественного оборудования или оборудования, работоспособность которого контролируется и поддерживается отечественными организациями;
- организация (кооперация) обеспечивает подготовку / повышение квалификации кадров, необходимых для создания и развития собственных линий разработки.

Таким образом, ключевые признаки собственных линий разработки на уровне компании включают наличие финансирования, квалифицированных кадров, отечественной материальной базы и научной кооперации.

Практические шаги по формированию технологического суверенитета в России

На государственном уровне создание собственных линий разработки может быть обеспечено через выбор тематических приоритетов (нельзя сделать суверенными сразу все технологические направления), переориентацию кадровой политики с тем, чтобы нарастить кадровый потенциал, необходимый для разработки критических технологий, а также пересмотр механизмов финансовой и институциональной поддержки.

По нашему мнению, выбор тематических приоритетов непосредственно связан с задачами обеспечения независимости по критически важным направлениям, каждое из которых

представляет собой совокупность ключевых технологий. К таким направлениям можно отнести (Дежина, Пономарев, 2022: 58):

- Энергообеспечение стационарных и мобильных объектов. В настоящее время происходит «энергетический переход», предполагающий учет в стоимости товаров и услуг уровня экологического вреда, который был нанесен используемыми при их создании технологиями. Это влечет за собой необходимость разработки «зеленых» технологий.
- Продовольственную независимость и медицинское обеспечение. Это обуславливает актуальность развития принципиально новых агротехнологий как в растениеводстве, так и животноводстве, медицинских технологий и фармацевтики (биотехнологий).
- Обеспечение связанности территории. Это стимулирует развитие целого комплекса технологий, включая цифровые.
- Поддержание современного уровня производства и анализа информации.

Важно не упустить из внимания формирующиеся тренды, поскольку смена комплекса технологий ведет к потере конкурентоспособности даже на, казалось бы, благополучных рынках. На большем уровне детализации, для определения того, какие именно технологии являются критическими, важен учет внешних и внутренних факторов. К внешним факторам можно отнести наличие явного мирового технологического тренда, блокировку импорта или существенное завышение цен на импорт. К внутренним факторам относятся состояние спроса и предложения в рассматриваемой области. Спрос определяется наличием компаний, развивающих или готовых развивать технологию, и потенциалом экспорта будущей продукции. Предложение измеряется достаточностью научного потенциала для обеспечения разработки технологии.

Перестройка кадровой политики представляет собой одну из наиболее сложных задач, поскольку предполагает изменение

системы оценки результатов и переориентацию на новые научные задачи. На сегодняшний день основным резервом кадров для технологического скачка являются, во-первых, специалисты технологических компаний, в первую очередь так называемых «газелей» (быстрорастущих инновационно-активных компаний в высокотехнологичной сфере). Сегодня, по некоторым оценкам, к ним относится около 2 000 организаций. Они занимаются разработкой нишевых технологий и продуктов на базе собственных исследований. Во-вторых, кадровый резерв представляют коллективы, активно работающие по контрактам и грантам. Такие специалисты могут быть переориентированы на решение новых фундаментальных задач либо на выполнение прикладных проектов. Одновременно должна предусматриваться возможность бессрочного найма основных специалистов, с предоставлением им зарплаты выше рыночной и иные льготы. Такой «переход» может произойти быстрее, чем обучение будущих исследователей и разработчиков «с нуля». Процесс «переориентации» скорее всего встретит сопротивление в научной среде, но он необходим в условиях, когда требуется существенное изменение технологической базы экономики.

Следующее условие — ревизия механизмов финансовой и институциональной поддержки. Важно развивать проекты разработки новых технологий на основе коопераций и в условиях конкуренции, когда разработчики используют разные инженерные подходы. Это мотивирует коллективы и отчасти компенсирует риски технологических неудач. Такой подход предполагает наращивание государственного финансирования. Оно может выделяться по двум основным каналам — через федеральные программы с горизонтом планирования до 2030–2035 гг., акцентирующим разработку собственных технологий, и через институты развития. В том числе, возможна докапитализация ряда институтов развития, включая Фонд НТИ и «Иннопрактику», которые имеют опыт поддержки кооперационных проектов, а также быстрорастущих технологических компаний.

Рассмотренные практические шаги к формированию технологического суверенитета указывают на наличие сразу нескольких областей, требующих усиленного внимания. К ним относятся проведение идентификации и изучение факторов, которые привели к неудачам в области реализации крупных интеграционных проектов, поиск и согласование интересов с зарубежными партнерами, которые могут способствовать формированию собственных линий разработки, пересмотр кадровой политики в отношении разработчиков новых технологий. С учетом сложившейся на сегодняшний день модели функционирования научно-технологической сферы наиболее вероятным является имитационный путь развития, однако он, как показывают теория и международные практики, может в дальнейшем стать основой для самостоятельной разработки новых технологий.

Список литературы

- Дежина И.Г., Егоров С.В. Технологические скачки: теория и международные ИКТ-практики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 6–23. DOI: 10.31249/kgf/2022.03.01.
- Дежина И.Г., Пономарев А.К. Подходы к обеспечению технологической самостоятельности России // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 3. С. 53–68. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.3.5. EDN: DGCVVI.
- Afawubo K., Noglo YA. ICT and Entrepreneurship: A Comparative Analysis of Developing, Emerging and Developed Countries // Technological Forecasting and Social Change. 2022. Vol. 175. 121312. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.121312.
- Chung L., Tan K.H. The Unique Chinese Innovation Pathways: Lessons from Chinese Small and Medium Sized Manufacturing Firms // International Journal of Production Economics. 2017. Vol. 190. P. 80–87. DOI: 10.1016/j.ijpe.2016.09.004.
- Corredor S., Forero C., Somaya D. How External and Internal Sources of Knowledge Impact Novel and Imitative Innovation in Emerging Markets: Evidence from Colombia // Emerging Economies and Multinational Enterprises. 2015. Vol. 28. P. 161–199. DOI: 10.1108/S1571-5027201528.
- Drezner D.W. Technological Change and International Relations // International Relations. 2019. Vol. 33. No. 2. P. 286–303. DOI: 10.1177/0047117819834629.
- Fagerberg J., Srholec M. National Innovation Systems, Capabilities and Economic Development // Research Policy. 2008. Vol. 37. No. 9. P. 1417–1435. DOI: 10.1016/j.respol.2008.06.003.

Goldemberg J. Technological Leapfrogging in the Developing World // Georgetown Journal of International Affairs. 2011. Vol. 12. No. 1. P. 135–141. Available at: <http://www.jstor.org/stable/43133873> (date accessed: 13.08.2023).

Mokyr J. The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress. New York: Oxford University Press, 1990. 349 p.

Ng E., Tan B. Achieving State-of-the-Art ICT Connectivity in Developing Countries: The Azerbaijan Model of Technology Leapfrogging // The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries. 2018. Vol. 84. No. 3, e12027. DOI: 10.1002/isd2.12027

Wu J., Zhang X., Zhuo S., Meyer M., Li B., Yan H. The Imitation-innovation Link, External Knowledge Search and China's Innovation System // Journal of Intellectual Capital. 2020. Vol. 21. No. 5. P. 727–752. DOI: 10.1108/JIC-05-2019-0092.

Zhang G., Zhou J. The Effects of Forward and Reverse Engineering on Firm Innovation Performance in the Stages of Technology Catch-up: An Empirical Study of China // Technological Forecasting and Social Change. 2016. Vol. 104. P. 212–222. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.01.010.

THEORETICAL FOUNDATIONS AND PRACTICAL STEPS TO ENSURE TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY IN RUSSIA

Irina G. Dezhina

Doctor of Economics,
Head of Department of S&T Development,
Skolkovo Institute of Science and Technology,
Moscow, Russia;
e-mail: i.dezhina@skoltech.ru

The article discusses conditions for achieving technological sovereignty in Russia through the formation of its own development lines. Based on the analysis of the theory of technological leapfrogging, we identify the main stages for development of independent innovation technologies. It is shown that the catching-up countries and those under sanctions are trying to ensure technological sovereignty both by imitations and technological leapfrogging. For Russia, the factors to be taken into account when approaching the problem of technological sovereignty are discussed. The necessary conditions include the identification of thematic priorities, building human resource basis, providing additional funding and involvement of development institutions. The article suggests the directions of actions related to the choice of key technological directions, allocation of own development lines and changes in personnel policy. We conclude that in the short term, the movement towards technological sovereignty will take place mainly by utilization of imitation strategies.

Keywords: technological sovereignty, own development lines, scientific-technological policy, technological leapfrogging, imitation strategies, Russia

УДК: 352/354

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-103-109

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ «ПРОЕКТНЫМ» ГОРОДОМ

Алексей Игоревич Зверев

кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления персоналом
и социологии Уральского института
управления — филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,
Екатеринбург, Россия;
e-mail: zvereff@yandex.ru

Сергей Михайлович Карачков

кандидат социологических наук,
научный сотрудник центра
социально-экономических исследований
Уральского института управления —
филиала Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
Екатеринбург, Россия;
e-mail: serkar81@yandex.ru

В статье обосновывается необходимость введения в научный оборот нового понятия «проектный город», которое раскрывает особенности становления и развития, формирования системы управления городами — площадками размещения объектов мегапроекта, постоянного проживания участников, вовлеченных в его реализацию. Как показывает практика, имеется богатый опыт формирования подобных городов как в РФ, так и за рубежом

(например, закрытые атомные города, северные города и пр.). Авторы формируют концептуальные положения организации управления проектным городом исходя из его ключевых особенностей. Раскрывается специфика и особенности концептуализации управления на основе проектного подхода, который заключается в выделении и управлении ценностным ядром, а также развитием на основных этапах — проектном и постпроектном.

Выделяется специфика социологического анализа управления «проектным» городом, которая заключается в изучении организации совместной деятельности акторов, направленной на реализацию проекта, во взаимосвязи с городом как пространством (в проектном менеджменте — площадкой) размещения проектного объекта, а также постоянного проживания специалистов, обеспечивающих функционирование объекта. Горожане представляются как акторы, составляющие городскую общность и вовлеченные в деятельность по реализации мегапроекта — сложного целевого образа.

Ключевые слова: проектный город, проектный подход, мегапроект, национальный проект, обеспечение национальной безопасности, комплексное развитие территории, городское управление

В данной статье хотелось бы тезисно обратить внимание на города, которые возникли и развивались особым образом, играют важную роль в государстве, однако при этом в социологической типологии им не нашлось собственного места. Мы говорим о «проектном» городе, созданном и функционирующем «в привязке» к крупным, чаще всего, государственным проектам (города советского «атомного» проекта, различные «проекты освоения» Севера, Сибири, космоса и пр.).

Специфика социологического анализа управления «проектным» городом заключается в изучении *организации совместной деятельности акторов, направленной на реализацию проекта*, во взаимосвязи с городом как пространством (в проектном менеджменте — площадкой) размещения проектного объекта, а также постоянного проживания специалистов, обеспечивающих функционирование объекта. Горожане представляются как акторы, составляющие городскую общность и вовлеченные в деятельность по реализации мегапроекта — сложного целевого образа, по выражению В.А. Костина, выработанного управляющим субъектом (Костин, 2001).

Взаимодействие акторов и управление им, а также параметры и векторы развития города как проектной площадки:

- 1) оказываются целеориентированными и целезависимыми;
- 2) определяют содержание и параметры проектного этапа.

Организирующим началом является 1) мегапроект как сложный целевой образ масштабных государственных начинаний, а также сформированные в соответствии с ним 2) ценностное ядро и 3) городская среда как совокупность условий взаимодействия.

Взаимодействие, построенное на *возможности согласования интересов* участников, формирует городскую общность, обеспечивает совместную реализацию мегапроекта и методологически обосновывается теорией социального обмена и стейкхолдерским подходом (Gaber, 2019). Таким образом, общность проектного города, чьи интересы согласованы с проектными, проявляется в:

- *городской идентичности*,
- *готовности* реализовать возложенные государственные задачи,
- *осознании* собственной уникальности, востребованности, важности (Карачков, 2014; 2022; Мельникова, 2019).

Ценностную основу общности составляет *ядро корпоративности* (еще одно понятие, которое мы вводим в наших публикациях), как матрица ценностей проекта, созданная субъектом управления для осуществления сложного целевого образа в процессе взаимодействия групповых акторов.

Масштабный характер и ресурсоемкость проектной цели обуславливает привлечение квалифицированных специалистов и обеспечение им высокого социального статуса в обмен на участие в реализации проекта с максимальной самоотдачей и вовлеченностью (Зубков, Копылов, 2003; Файков, Байдаров, 2022а, 2022б). Мегапроект предполагает создание и последующее *проектное и пост-проектное развитие городских поселений* как мест

расположения ключевых проектных объектов и постоянного проживания специалистов, обеспечивающих их функционирование (Файков, 2010).

Здесь речь идет о смене этапов и собственно цикличной природе развития проектного города. Предпроектный этап характерен лишь для зарождения города и обуславливает выбор конфигурации городской площадки под цель мегапроекта. В последующих итерациях переходный этап всегда является пост-проектным, поскольку связан с целевой корректировкой (проектной «перезагрузкой») конфигурации существующей городской площадки.

Основной — проектный — этап всегда и в любой итерации характеризуется целеориентированным и целезависимым развитием и длится до тех пор, пока цель не будет реализована либо не потеряет свою актуальность. На данном этапе, естественно, возникает необходимость перепроектирования либо депроектирования.

Под перепроектированием понимается выработка новой цели в рамках того же или иного мегапроекта, то есть целевая «перезагрузка» со сменой или без смены проектного направления и куратора. Соответственно город переориентируется на реализацию новой масштабной цели, должным образом корректируется его инфраструктура, состав жителей, возможно, меняется куратор и пр. Логика и целеориентированная структура города сохраняется, но видоизменяется согласно специфике нового проекта (Сакадынец, Файков, 2008)

Депроектирование на пост-проектном этапе — вариант развития города, когда он не входит ни в один мегапроект. Город не перестает быть проектным по своему факту, однако обретает самостоятельность, реализует локальные цели, предложенные городской общностью, формирует новую систему управления, корректирует инфраструктуру, правовой статус, ценностное ядро и пр.

Список литературы

Зубков К.И., Копылов В.М. Закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) в контексте социальной модернизации России // Россия в поисках национальной стратегии развития: материалы Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, Каменск-Уральский, 24 апреля 2003 г. Екатеринбург, 2003. С. 67–72.

Карачков С.М. Корпоративная модель социального управления закрытым «атомным» городом: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2014. 26 с.

Карачков С.М. Пространство проектирования атомного ЗАТО: проявления ценностного ядра корпоративности в социальной идентичности по результатам эмпирического исследования // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12. № 3А. С. 213–222. DOI: 10.34670/AR.2022.29.12.025

Костин В.А. Теория управления. Екатеринбург: УрАГС, 2001. 217 с.

Мельникова Н.В. «Атомная» идентичность жителей закрытых атомных городов России // Ученые записки Орловского гос. ун-та. 2019. № 3 (84). С. 15–19.

Сакадынец Е.А., Файков Д.Ю. Инновационные возможности закрытых административно-территориальных образований (на примере г. Сарова) // Инновации. 2008. № 9 (119). С. 74–77.

Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. «Большой Саров»: о не самых очевидных стратегиях развития моногородов // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 1. С. 10–26. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.2

Файков Д.Ю. ЗАТО — территория государственных интересов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Т. 3. № 2. С. 111–115.

Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. Учет особенностей закрытых атомных городов в стратегиях социально-экономического развития разного // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2022. № 4. С. 28–48. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-4-28-48

Gaber J. Building “a Ladder of Citizen Participation”: Sherry Arnstein, Citizen Participation, and Model Cities // Journal of the American Planning Association. 2019. Vol. 85. P. 1–14. DOI: 10.1080/01944363.2019.1612267

CONCEPTUAL FOUNDATIONS MANAGEMENT OF THE “PROJECT” CITY

Aleksey I. Zverev

PhD in Sociology,
Associate professor of Department of Personnel Management and Sociology,
Ural Institute of Management — Russian Academy of National Economy and
Public Administration under the President of the Russian Federation,
Yekaterinburg, Russia;
e-mail: zverefff@yandex.ru

Sergei M. Karachkov

PhD in Sociology,
Researcher of the Center for Socio-Economic Research,
Ural Institute of Management — Russian Academy of National Economy and
Public Administration under the President of the Russian Federation,
Ekaterinburg, Russia;
e-mail: serkar81@yandex.ru

The article substantiates the need to introduce a new concept of “project” city into scientific circulation, which reveals the features of formation and development, the formation of a management system for cities — sites for accommodating megaproject objects, and the permanent residence of participants involved in its implementation. As practice shows, such cities have rich experience in the formation of such cities both in the Russian Federation and abroad (for example, closed nuclear cities, northern cities, etc.). The authors form the conceptual provisions of the organization of the project city management, based on its key features. The specifics and features of the conceptualization of management based on the project approach are revealed, which consists of the allocation and management of the value core, as well as development at the main stages — project and post-project.

The specificity of the sociological analysis of the management of a “project” city is highlighted, which consists in studying the organization of joint activities of actors aimed at implementing the project, in conjunction with the city as a space (in project management — a site) for placing a project object, as well as the permanent residence of specialists who ensure the functioning of the object. Citizens are presented as actors that make up the urban community and are involved in the implementation of the megaproject — a complex target image.

The value basis of the community is the core of corporativity (another concept that we introduce in our publications), as a matrix of project values created by the

subject of management to implement a complex target image in the process of interaction of group actors.

The possibility of harmonizing interests is realized within the framework of the created conditions of the urban environment, which create the prerequisites for situations of success. Such situations determine the nature of the activity of the environment and are the driver of the organization of interactions, which are a stakeholder in nature, ensuring the formation of the community of the project city and the correspondence of its qualitative characteristics to the project goals.

The large-scale nature and resource intensity of the project goal determines the involvement of qualified specialists and provides them with a high social status in exchange for participation in the project implementation with maximum dedication and involvement.

Keywords: “project” city, project approach, megaproject, national project, ensuring national security, integrated development of the territory, city management

УДК: 57.087.1:009

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-110-121

ПУБЛИКАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ГУМАНИТАРИЕВ И ОБЩЕСТВОВЕДОВ ПЕТЕРБУРГА

Елена Александровна Иванова

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
ФГБУН Санкт-Петербургского научного
центра Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: ea.ivanova@spbrc.nw.ru

Любовь Глебовна Николаева

научный сотрудник
ФГБУН Санкт-Петербургского научного
центра Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: nikolaeva_lg@mail.ru

В статье рассматриваются организации Петербурга, проводящие исследования в гуманитарных и общественных науках. По данным РИНЦ проводится ранжирование учреждений по количеству публикаций, учитываемых в ядре РИНЦ, в журналах ВАК и в целом, отраженных в РИНЦ. На основе анализа выделяются организации — лидеры по гуманитарным наукам и по общественным. Приводятся данные об их доле в числе напечатанных и зарегистрированных в РИНЦ публикациях.

Ключевые слова: Российский индекс научного цитирования, Петербург, гуманитарные науки, общественные науки, публикации

Введение

В настоящее время в Санкт-Петербурге сформировался комплекс научно-исследовательских институтов, в который входит около 340 организаций. Среди них 65 учреждений, относившихся ранее к Российской академии наук и другим академиям, присоединенным к ней в 2013 г.: Российской академии медицинских наук и Российской академии сельскохозяйственных наук. Образовательную деятельность по программам высшего образования в Петербурге осуществляют 68 университетов и институтов, которые обеспечивают подготовку высококвалифицированных специалистов не только для Петербурга, но и для всех регионов России, а также для международного рынка. Из них государственными являются 44 вуза (Санкт-Петербург'2021, 2022: 37).

По данным Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), дата обновления которого 14 апреля 2022 г., в перечне петербургских научных и образовательных учреждений, зарегистрированных в базе и имеющих не менее 50 публикаций за период с 2017 по 2021 г., находится 222 организации (eLIBRARY.RU).

На 1-м месте с большим отрывом находится Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), имеющий 87 тыс. публикаций. 2-е и 3-е места занимают Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ) и Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (РГПУ), издававшие 37,4 тыс. и 33,4 тыс. публикаций соответственно. Количество их публикаций более чем в 2 раза меньше, чем у СПбГУ. 4-е и 5-е места занимают Национальный исследовательский университет ИТМО и Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ), публикующие 27 тыс. и 23,4 тыс. статей и другой печатной продукции. С 6-го по 11-е места занимают институты, чья публикационная активность выше 10 тыс. изданий.

У организаций, находящихся ниже 25-го места, число публикаций менее 5 тыс. единиц.

Все перечисленные организации являются образовательными. В их структуру входят институты, научно-исследовательские центры, факультеты, кафедры. Это сложно организованные образования, имеющие сотни и даже тысячи сотрудников. Следует также заметить, что все эти организации многопрофильные, то есть в их составе работают представители разных областей науки и техники. Публикационная активность университета складывается из публикаций исследователей всех специальностей. То же можно сказать и о других вузах, занимающих первые 25 мест.

Охарактеризуем публикационную активность научных и образовательных организаций Санкт-Петербурга, ориентируясь на общие принципы работы РИНЦ (Москалёва, 2022; Мохначёва, 2018: 119–128).

Организации — лидеры в гуманитарных науках

В РИНЦе по каждой организации имеются данные о количестве публикаций по отраслям наук, в частности, по гуманитарным наукам и по общественным наукам. Возьмем в качестве основного показателя количество публикаций петербургских научных и образовательных организаций по гуманитарным и общественным наукам в ядре РИНЦ. В ядро РИНЦ входят российские журналы, которые индексируются в международных базах данных (*WoS* и *Scopus*) и в подготовленном совместно *eLIBRARY*, *Clarivate Analytics* и РАН списке *RSCI* — Российском научном индексе цитирования. Эти данные указываются за последний год.

В таблице 1 приведены данные 12 организаций, ранжированных по количеству публикаций в ядре РИНЦ по гуманитарным наукам, которое превышает 50 единиц.

Таблица 1

**Рейтинг петербургских научных и образовательных организаций
по количеству публикаций в области гуманитарных наук в ядре
РИНЦ за 2021 год**

№	Наименование организации	Ядро РИНЦ	WoS	Scopus
1	Санкт-Петербургский государственный университет	837	584	646
2	Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена	188	131	128
3	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук	154	122	118
4	Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) Российской академии наук	111	45	91
5	Национальный исследовательский университет ИТМО	108	80	101
6	Институт истории материальной культуры Российской академии наук	100	49	57
7	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	99	76	94
8	Институт лингвистических исследований Российской академии наук	77	28	46
9	Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе Российской академии наук	59	59	58
10	Зоологический институт Российской академии наук	54	40	52
11	Европейский университет в Санкт-Петербурге	53	31	46
12	Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук	51	32	44

Из таблицы 1 видно, что лидирует СПбГУ, имеющий 837 единиц публикаций. Этот показатель в 4,5 раза превосходит показатель РГПУ им. А.И. Герцена (188 единиц), занимающего 2-е место.

На 3-м месте находится Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН). Количество его публикаций (154 статьи) ненамного отличается от показателя РГПУ. Далее академические институты чередуются с университетами: 4-е место занимает Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) Российской академии наук — (111 единиц), пятое — НИУ ИТМО (108), 6-е — Институт истории материальной культуры Российской академии наук (100), 7-е — СПбПУ (99), 8-е — Институт лингвистических исследований Российской академии наук (77). Затем следуют два естественнонаучных института: Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе Российской академии наук (59) и Зоологический институт Российской академии наук (54), занимающие 9-е и 10-е места. После этого идет Европейский университет в Санкт-Петербурге. В ФТИ РАН и в ЗИН РАН публикации по общественным и гуманитарным наукам составляют небольшую часть, поэтому мы исключаем эти институты из рассмотрения. Среди десяти других организаций только в двух количество статей в *WoS* превышает их наличие в *Scopus*. Это — РГПУ им. А.И. Герцена и Пушкинский Дом. Во всех остальных учреждениях преобладают статьи из *Scopus*. Вероятно, это связано с тем, что в последние годы в базу *Scopus* попали многие журналы университетов России.

Рассмотрим распределение мест по общему количеству публикаций, зарегистрированных в РИНЦ по направлению «гуманитарные науки». Показатели публикаций в целом по РИНЦ намного выше, чем по ядру РИНЦ. Помимо статей в журналах, входящих в ядро РИНЦ, в них учитываются все публикации: сборники статей, материалы конференций, монографии, учебники, учебные пособия и т. д.

Первые три места принадлежат тем же организациям, что и в рейтинге по ядру РИНЦ. СПбГУ издает почти в 2,3 раза больше публикаций, чем РГПУ, который находится на втором месте. Занимающий 3-е место ИРЛИ РАН выпускает статей и иной печатной продукции меньше, чем РГПУ, в 3 раза.

Политехнический университет поднялся с 6-го на 4-е место, а МАЭ РАН опустился на 5-е место вместо 4-го, НИУ ИТМО стал восьмым. Все академические институты заняли более низкие позиции: ИИМК РАН — 11-е вместо 6-го; СПБНИИ РАН — 14-е вместо 12-го; ИЛИ РАН — 16-е вместо 8-го. Появились другие университеты и академии, которые заняли места в первой десятке: Университет им. А.С. Пушкина (6-е место); Институт культуры (7-е); Академия русской православной церкви (9-е); Русская христианская гуманитарная академия (10-е место).

Все организации из этого рейтинга можно разделить на две группы. В первой разница между количеством публикаций в ядре РИНЦ и общим количеством, учтенным в РИНЦ, составит два-три раза. В эту группу входят все лидеры рейтинга по ядру РИНЦ. Во второй группе — учреждения, в которых разница между количеством публикаций, отраженных в РИНЦ и содержащихся в ядре РИНЦ, составит более четырех раз. Это — Санкт-Петербургский государственный университет культуры (в 20 раз), Санкт-Петербургская Духовная академия Русской Православной Церкви (в 16 раз), Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (в 15 раз), Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» (в 15 раз), Университет промышленных технологий и дизайна (в 10 раз), Российская национальная библиотека (в 5 раз), Русская христианская гуманитарная академия (в 4 раза). Аналогичная ситуация складывается и с публикациями в журналах, рекомендованных ВАК. Организации из второй группы печатают в них немного меньше публикаций, чем в целом зарегистрировано в РИНЦ, но гораздо больше, чем в ядре РИНЦ.

Такая активность в публикации статей и иных материалов не в ядре РИНЦ связана с практической направленностью исследований сотрудников организаций второй группы. Требования к публикациям в журналах из ядра РИНЦ — высокие, они должны быть на уровне среднемировых. Кроме того, у российских обществоведов имеются различия с их иностранными коллегами

в концепциях, в теоретическом осмыслении различных общественных явлений, это увеличивает срок печатания, а иногда выступает причиной отказа. В журналах из списка ВАК эти противоречия отсутствуют, но время печати тоже имеет значение. По этим причинам число публикаций в журналах ВАК, а также в целом по РИНЦ, больше, чем в ядре РИНЦ.

Ранжирование организаций по комплексному баллу публикационной активности дает несколько иную картину. Первые три места остаются за теми же организациями, что и в рейтинге по ядру РИНЦ. СПбГУ имеет 2505 баллов, РГПУ — 979 баллов и Пушкинский Дом — 550 баллов. Русская христианская гуманитарная академия и Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина появились в рейтинге и заняли 8-е и 9-е места (194 и 186 баллов). В результате две организации не вошли в десятку организаций-лидеров: Университет ИТМО, оказавшийся на 17-м месте (101 балл), и Европейский университет в Санкт-Петербурге — на 12 месте (150 баллов). В целом рейтинг 10 организаций по комплексному баллу публикационной результативности близок к рейтингу по ядру РИНЦ.

Организации — лидеры по общественным наукам

Аналогичным образом выделим 10 научных и образовательных организаций — лидеров по количеству публикаций в ядре РИНЦ в области общественных наук (таблица 2). В отличие от гуманитарных наук в лидерах оказались университеты, только Федеральный исследовательский центр Российской академии наук (80 публикаций), занимающий 5-е место, вошел в эту группу. Лидирует СПбГУ, сотрудники которого опубликовали 764 статьи в журналах из ядра РИНЦ. Это больше чем в 4 раза превышает показатель Политехнического университета (178 публикаций), оказавшегося на 2-м месте, и показатель ИТМО (165 публикации), у которого 3-е место.

Таблица 2

**Рейтинг петербургских научных и образовательных организаций
по количеству публикаций в области общественных наук в ядре
РИНЦ за 2021 год**

№	Наименование организации	Ядро РИНЦ	WoS	Scopus
1	Санкт-Петербургский государственный университет	764	444	534
2	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	178	93	161
3	Национальный исследовательский университет ИТМО	165	79	140
4	Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена	118	54	87
5	Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр РАН	80	26	52
6	Санкт-Петербургский горный университет	76	41	70
7	Санкт-Петербургский государственный экономический университет	73	37	49
8	Европейский университет в Санкт-Петербурге	53	35	44
9	Санкт-Петербургский государственный морской технический университет	47	7	7
10	Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет	41	16	31

Хотелось бы отметить, что разница между количеством публикаций университета, занимающего 1-е место по общественным наукам в ядре РИНЦ, и количеством публикаций университета, оказавшегося на 10-м месте, очень велика. Показатель СПбГУ больше, чем у Педиатрического университета, в 18,6 раза. По количеству публикаций в *WoS* и *Scopus* заметим, что у девяти организаций показатели *Scopus* превышают показатели *WoS*. Объясняется это теми же причинами, что и в гуманитарных исследованиях. Только у Морского технического университета эти

два показателя ниже, чем у всех остальных, и равны. Причины этого нужно искать в самих публикациях этого университета, что будет объектом дальнейших исследований.

Если ранжировать организации по всем публикациям, зарегистрированным в РИНЦ, то последовательность будет другая. На первом месте СПбГУ, на втором — СПбГЭУ, на третьем — РГПУ. В ядро РИНЦ не вошли четыре организации, оказавшиеся в числе десяти лидеров: Санкт-Петербургский университет МВД, занимавший 18-е место по количеству публикаций в ядре РИНЦ; Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, находившийся на 28-м месте по ядру РИНЦ; Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы, 22е место по ядру РИНЦ; Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, не вошедший даже в тридцатку университетов по количеству публикаций по ядру РИНЦ.

Среди организаций — лидеров в области общественных наук большинство отличается тем, что у них количество публикаций в ядре РИНЦ значительно меньше, чем их зарегистрировано в РИНЦ. У Политехнического университета общее количество публикаций достигает 971 единицы, из них 626 единиц приходится на журналы из списка ВАК и только 178 единиц — из ядра РИНЦ. В РГПУ им. А.И. Герцена, занимающем 4-е место по показателю из ядра РИНЦ (118 единиц), общее число публикаций составляет 1267 единиц, а в журналах из списка ВАК — 880 единиц. В Санкт-Петербургском государственном экономическом университете количество публикаций РИНЦ поднялось до 1408 единиц, количество публикаций в журналах ВАК равно 851 единице, а в ядре РИНЦ — 73. Если по количеству статей в журналах из ядра РИНЦ СПбГЭУ стоял на 7-м месте, то по всем публикациям, зарегистрированным в РИНЦ, он поднялся на 2-е. Еще более показательной является ситуация Университета МВД. У него в ядре РИНЦ насчитывается 19 публикаций, а в журналах ВАК — 575, общее количество публикаций — 1043. В числе

десяти лидеров появляются другие организации: Университет аэрокосмического приборостроения, Университет государственной противопожарной службы, Университет промышленных технологий и дизайна, Университет им. А.С. Пушкина.

За исключением четырех университетов, выделенных в числе десяти лидеров рейтинга по ядру РИНЦ, остальные шесть очень мало представлены в международной публикационной активности.

Рейтинг по комплексному баллу публикационной результативности тоже слегка отличается от рейтинга публикаций в ядре РИНЦ и от рейтинга по общему их числу. На 1-м месте СПбГУ — 2488 баллов, на 2-м — СПбГЭУ — 1119 баллов, на 3-м месте РГПУ им. А.И. Герцена — 977 баллов. 4-е, 5-е, 6-е места принадлежат СПбПУ — 888 баллов, Университету МВД РФ — 590 баллов и Национальному университету ИТМО — 371 балл. В число десяти организаций-лидеров вошли Университет путей сообщения (280 баллов) и Архитектурно-строительный университет (242 балла), у которых 7-е и 8-е места. 9-е и 10-е занимают Университет аэрокосмического приборостроения (235 баллов) и Университет им. А.С. Пушкина (192 балла). Как видим, первые три места остаются за теми же организациями, что и в рейтинге по общему количеству публикаций в РИНЦ. Политехнический университет и ИТМО тоже остаются в числе десяти лидеров, другие же университеты могут либо входить в десятку, либо нет. Это зависит от методики расчета комплексного балла публикационной активности.

Заключение

По гуманитарным наукам СПбГУ занимает 1-е место в рейтинге по ядру РИНЦ и в рейтинге по всем учтенным в РИНЦ публикациям. Ему принадлежит 33% публикаций петербургских организаций из ядра РИНЦ и 26% общего их количества в РИНЦ. На 2-м месте — РГПУ им. А.И. Герцена, на который приходится 7% гуманитарных публикаций из ядра РИНЦ и 11%

публикаций, зафиксированных в РИНЦ. Десять лидеров дают 59,2% публикаций в целом по РИНЦ по гуманитарным наукам, но они не совпадают с лидерами по ядру РИНЦ. Десятке лидеров в рейтинге по ядру РИНЦ принадлежит 70,61% публикаций и 56,6% от общего количества публикаций. Институтами Российской академии наук создано 14% общего числа публикаций и почти 22% публикаций в ядре РИНЦ.

По общественным наукам Санкт-Петербургский университет также сохраняет 1-е место в рейтингах по количеству публикаций в ядре РИНЦ и по общему их числу. Его сотрудниками издано 36% публикаций из ядра РИНЦ и 16% всех публикаций. Экономический университет занимает 2-е место: 8% публикаций в ядре РИНЦ, 10% всех публикаций. Педагогический университет находится на 4-ом месте, выпуская около 6% публикаций в ядре РИНЦ и почти 9% всех публикаций по общественным наукам, зафиксированных в РИНЦ. Академическим институтам, а их в рейтинге публикаций по общественным наукам насчитывается двенадцать, принадлежит 8% от числа публикаций в ядре РИНЦ и почти 3% всех публикаций, учтенных в РИНЦ.

Список литературы и источников

Санкт-Петербург' 2021: Краткий статистический сборник / Петростат. СПб., 2022.

eLIBRARY.RU. Сравнение библиометрических показателей организаций. URL: https://www.elibrary.ru/org_compare.asp (дата обращения: 16.05.2022).

Москалёва О.В. РИНЦ как инструмент оценки научной деятельности. URL: <https://lib.law.spbu.ru/Libraries/c8ff1873-abc6-4573-aa2a-58ade3e1e145.sflb.ashx> (дата обращения 28.11.2022).

Мохначёва Ю.В. Методика сбора, обработки и представления библиометрических данных о публикационной активности научно-исследовательских организаций // Наукометрия: методология, инструменты, практическое применение: Сборник научных статей / Под ред. А.И. Груши. Минск: Беларуская навука, 2018. С. 119–128.

PUBLICATION ACTIVITY OF SCIENTISTS WHO CONDUCT RESEARCH IN HUMANITIES AND SOCIAL STUDIES IN ST PETERSBURG

Elena A. Ivanova

Phd in History, Senior researcher,
St Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia;
e-mail: ea.ivanova@sprbc.nw.ru

Lyubov G. Nikolaeva

Researcher,
St Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia;
e-mail: nikolaeva_lg@mail.ru

The article deals with organizations of St Petersburg conducting research in the humanities and social sciences. According to the RSCI, institutions are ranked by the number of publications taken into account in the core of the RSCI, in the journals of the Higher Attestation Commission and in general, reflected in the RSCI. Based on the analysis, the leading organizations in the humanities and social sciences are distinguished. The data on their share in the number of publications printed and registered in the RSCI are given.

Keywords: Russian Science Citation Index, St Petersburg, humanities, social sciences, publications

УДК: 334.7.021

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-122-131

ОСОБЕННОСТИ ДИЗАЙНА ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ольга Анатольевна Игнатьева

кандидат социологических наук,
доцент кафедры политического управления
Санкт-Петербургского государственного
университета;
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: olga7919@mail.ru

Проблема формирования технологического суверенитета стала одной из ведущих тем в политической повестке дня в 2022 г. в Российской Федерации. Ее возникновение носило скорее реактивный характер, так как являлось ответом на неблагоприятные геополитические условия, в которых оказалась Россия после начала специальной военной операции. Естественно, что тема не является новой для политического и научного дискурса. Она имеет свои репрезентации в политике Европейского союза, странах Латинской Америки и Индии. При этом в одном случае она выражается как стремление к достижению конкурентоспособности на глобальном рынке, а в другом как создание безопасных условий для функционирования национальной промышленности. Предтечей доказательной политики технологического суверенитета в России стала экономическая политика импортозамещения, проводимая с 2014 г. На протяжении 2022 г. шло формирование содержания политики технологического суверенитета, выразившиеся в трех видах дискурсов: технократическом, экономическом, цивилизационном. Целью настоящей статьи является анализ этапов и особенностей формирования доказательной политики технологического суверенитета, а также выявление внутреннего и внешнего доверия к ней в российском обществе.

Ключевые слова: доказательная политика, технологический суверенитет, технократический дискурс, цивилизационный дискурс, экономический дискурс, повестка дня, доверие

Благодарность

Исследование выполнено в рамках гранта «Доказательная политика технологического суверенитета и доверие: исследование публичных стратегий обоснования», полученного в результате конкурса проектов научных исследований в сфере общественно-политических наук, проведенного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Дизайн публичной политики не только характеризуется «комплексом инструментов, обеспечивающих сотрудничество и сетевую координацию» (Сморгунов, 2015: 16), но в нем также можно выделить компоненты внутренней и внешней среды, которые оказывают влияние на конечный политический продукт (программу, решение), его последующее воздействие на общество. К компонентам внутренней среды относятся субъекты воздействия. Они подразделяются на:

- создателей дизайна публичной политики (политические акторы, активисты гражданского общества, представители бизнеса и СМИ);
- его потребителей (общество в целом);
- объекты воздействия (политический продукт и социальные практики по его имплементации);
- способы взаимодействия основных акторов по выработке и имплементации политического решения;
- нормативное обеспечение соответствующей политической деятельности (формальные и неформальные нормы).

К компонентам внешней среды относятся цели и функции рассматриваемого дизайна по созданию благоприятных условий выработки и имплементации политики.

Складывающаяся политика технологического суверенитета в Российской Федерации имеет скорее технократический характер из-за доминирующего содержания, а также поддержки населением выводов экспертов от отраслей промышленности. Технократический дискурс вызывает большее доверие у населения, чем артикуляция основного смысла политики технологического суверенитета политическими деятелями и чиновниками. В качестве основных акторов разработки доказательной политики технологического суверенитета в России можно, в первую очередь, выделить политиков, высших чиновников и представителей госкорпораций. Последние также являются основными действующими лицами в имплементации политики в области технологического суверенитета (Заседание совета, 2022). Основным способом формирования доказательной политики технологического суверенитета РФ являются выступления высших политиков и чиновников на международных форумах с участием дружественных стран, в государственных советах с последующей трансляцией для населения, а также привлечение к обсуждению проблематики экспертов от отраслей промышленности с целью прояснения потребностей их предприятий для самостоятельного выпуска продукции. Политика технологического суверенитета в России, ставшая ответом на внешние неблагоприятные геополитические условия, формируется сверху с минимальным участием населения, которое в основном информируется о решениях, принимаемых в высших эшелонах власти, постфактум. Общественные слушания как вид делиберативных стратегий в отношении формирования политики технологического суверенитета не используются, уровень доверия населения этой политике измеряется на основании опросов фондов общественного мнения (ФОМ, ВЦИОМ). Еще одной формой оценки восприятия населением этой инициативы власти является мониторинг комментариев к постам политиков и экспертов в социальных сетях, который в основном используется исследователями.

Содержание доказательной политики технологического суверенитета стало формироваться в виде дискурсивных практик в высших эшелонах власти и в экспертной среде как ответ на неблагоприятные геополитические условия, сложившиеся к началу 2022 г. В результате к середине 2022 г. в политическом поле сформировалось три типа дискурса политики технологического суверенитета: цивилизационный, экономический и технократический. Первый тип дискурса рассматривает политику технологического суверенитета как основу для поддержания национальной безопасности и сохранения национального суверенитета, по сути являясь дискурсом идентичности (Заседание Совета, 2022). К этому пониманию политики технологического суверенитета постепенно пришел и Президент Российской Федерации. Экономический тип дискурса также присущ высшим чиновникам Российской Федерации, он предполагает рассмотрение технологического суверенитета с точки зрения обеспечения конкурентоспособности России на международном уровне (Окно возможностей, 2022). Этот тип дискурса берет в истоки в европейском понимании данного концепта и оправдан при благоприятных внешних условиях, что не соответствует реальному положению России сегодня. Технократический тип дискурса артикулируется представителями госкорпораций и бизнеса, которые рассматривают технологический суверенитет с точки зрения восстановления отечественного производства и возможности самостоятельного развития в отсутствие внешней зависимости (Олег Мансуров, 2022).

В течение лета и осени 2022 г. концепт политики технологического суверенитета характеризовался высоким уровнем интердискурсивности, который постепенно привел к доминированию технократического подхода, что, в частности, отразилось в трактовке этого понятия Президентом в ходе заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 15 декабря 2022 г.: «Обрести технологический суверенитет нельзя, что называется, в один момент — нужно продолжать

системную работу на перспективу. В этой связи необходимо ускорить и подготовку обновленных планов развития ключевых отраслей отечественной экономики, включая металлургическую промышленность, автопром, энергетику, скорректировать планы развития оборонно-промышленного комплекса и параметры гособоронзаказа, в том числе с учетом результатов работы Координационного совета при Правительстве России по обеспечению наших Вооруженных Сил, участвующих в специальной военной операции» (Заседание совета, 2022).

Нормативное оформление (институционализацию) политика технологического суверенитета должна получить в декабре 2022 г., в то время как в течение этого года она существовала в виде дискурсов и социальных практик, выраженных рядом мер, которые принимало правительство РФ и соответствующие госкорпорации по поддержанию функционирования своих отраслей промышленности. Так, правительство РФ заключило ряд соглашений с компаниями-лидерами о развитии сквозных технологий, было запущено пять проектов-маяков: три из них — это коммерческое использование беспилотников в трех сферах (авиа-, авто-, водно-грузовых перевозках), а также производство электромобилей, персональных цифровых медицинских устройств (медицинских помощников). Также летом 2022 г. была запущена программа промышленной ипотеки и легализован параллельный импорт. «Сегодня в системе НТИ находится свыше 3,3 тыс. компаний, охвачено 4 млн. человек, зарегистрированных в системе “Лидер ID”, запущены три технологические долины: “Воробьевы горы” (Москва), “Сириус” (Сочи), “Интеллектуальная электроника — Валдай” (Новгородская область)» (Заседание совета, 2022). Реализация мер по развитию технологического суверенитета в конкретных отраслях связана с осуществлением политики импортозамещения, начатой в 2014 г. как реакция на первые санкции Запада в связи с присоединением Крыма. «С 15 апреля 2014 года успешно выполняется государственная программа “Развитие промышленности и повышение

ее конкурентоспособности», которая утвердила направление на импортозамещение для промышленности различных видов до 2024 года. Ежегодно данная госпрограмма обеспечивается финансовой поддержкой (330 млрд руб. — в 2021 году)» (Технологический суверенитет...). От уплаты 20% НДС освобождаются разработчики, зарегистрировавшие свой продукт в «Едином реестре российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных», а закупщикам программного обеспечения из Реестра возмещается 50% стоимости контракта. «По состоянию на конец июля 2022 года в названном реестре зарегистрировано более 13 тысяч программ от более четырех тысяч правообладателей, включая продукты кибербезопасности» (Технологический суверенитет, 2022). В сфере гражданского и военного авиапрома был принят ряд мер для ликвидации зависимости от поставок зарубежных запчастей для отечественных самолетов. «Мы раньше при производстве этих двух флагманских моделей рассчитывали в части МС-21 на поставку нам двигателей *Pratt & Whitney*, которые теперь поставляться не будут. Серийные объемы, которые мы планируем, теперь должны целиком и полностью замещаться отечественным двигателем ПД-14 (первый российский двигатель для магистральных гражданских самолетов. — *Прим. авт.*), поэтому нужно предусмотреть расширение производства на предприятиях ОДК для выпуска этой модели» (Брифинг Юрия Борисова, 2022). Убедительные примеры становления технологического суверенитета есть и в сфере металлургической промышленности. Сегодня Центральный научно-исследовательский институт черной металлургии им. И.П. Бардина активно сотрудничает с компанией АСК (одной из ведущих компаний в России в области автоматизированного электропривода и систем автоматизации технологических процессов. — *Прим. авт.*) в реализации ряда проектов на «Северстали» и на Магнитогорском металлургическом комбинате (Плавка, 2022).

Доверие к формирующейся политике технологического суверенитета в Российской Федерации и институтам, ее

представляющим, может быть внешним (реакция общества) и внутренним (реакция рядовых чиновников). Наибольшую активность в разработке политики технологического суверенитета проявили в 2022 г. госслужащие Минпромторга, которые не только способствовали внедрению в российскую экономику механизмов промышленной ипотеки и параллельного импорта, но и подготовили поправки к ФЗ № 488 от 31 декабря 2014 г. «О промышленной политике в Российской Федерации» о внесении понятия «технологический суверенитет» и способов его достижения в этот нормативно-правовой акт (Минпромторг, 2022). Реализация инициативы промышленной ипотеки требовала усилий со стороны чиновников Минфина, и тот факт, что это решение Правительства России было реализовано в этом году, доказывает приверженность чиновников данного ведомства выбранному курсу. Чиновники Минэкономразвития, в свою очередь, участвовали в разработке критериев для технологических компаний, участвующих в имплементации политики технологического суверенитета (Минэкономразвития...). Отдельно необходимо отметить деятельность высших чиновников Правительства РФ по формированию содержания политики технологического суверенитета и реализации мер по поддержанию стабильности финансовой системы и созданию условий для развития российской промышленности в сложившихся обстоятельствах (Заседание Совета, 2022).

15 декабря 2022 г. было запланировано издание итогового документа, который бы вводил общепринятое содержание политики технологического суверенитета на государственном уровне. В этот день прошло заседание совета по стратегическому развитию, но документ так и не был предоставлен. Председатель правительства М.В. Мишустин отчитался за ряд мер, принятых для формирования технологической независимости отраслей промышленности в РФ: «В рамках этого нового механизма кластерной инвестиционной платформы сформирован предварительный перечень именно новых инвестиционных проектов

в промышленности. <...> их порядка 160 с общим объемом капитальных затрат более пяти триллионов рублей до 2030 года. Мы ставим перед собой задачу увеличить такие вложения и поддержать инвестиции в размере до десяти триллионов» (Заседание совета, 2022).

Таким образом, можно сделать вывод, что политика технологического суверенитета в течение 2022 г. являлась одной из основных тем дискурсов политиков и экспертов на различных заседаниях и форумах, так как фактически представляет собой базис для сохранения государственного суверенитета. Несмотря на отсутствие законодательного закрепления в прошлом году, политика технологического суверенитета уже реализовывалась в виде отдельных мер при поддержке Правительства РФ и ряда Министерств. К концу 2022 г. гегемонистское значение приобрел технократический дискурс, который вызывал наибольшее доверие у населения. Также эта политика имела поддержку и у госслужащих профильных министерств, что отражалось в их нормотворчестве, направленном на имплементацию данной политики.

Список литературы и источников

Брифинг Юрия Борисова о развитии отечественного авиапрома (дата размещения: 31.03.2022). [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/45011/> (дата обращения: 18.11.2022).

Заседание совета по стратегическому развитию и национальным проектам 15.12.2022 (дата размещения: 15.12.2022). [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70086> (дата обращения: 17.12.2022).

Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 18.07.2022 (дата размещения: 18.07.2022). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/69019> (дата обращения: 23.10.2022).

Минпромторг предложил способ достичь технологического суверенитета (дата размещения: 21.06.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/11/03/948680-minpromtorg-predlozhil-sposob-dostich-tehnologicheskogo-suvereniteta> (дата обращения: 03.11.2022)

Минэкономразвития разработает критерии для технологических компаний (дата размещения: 21.09.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/09/21/948680-minpromtorg-predlozhil-sposob-dostich-tehnologicheskogo-suvereniteta>

economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_razrabotaet_kriterii_dlya_tehnologicheskikh_kompaniy.html (дата обращения: 18.12.2022).

Окно возможностей: как Россия будет достигать технологического суверенитета (дата размещения: 24.08.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/okno-vozmozhnostey-kak-rossiya-budet-dostigat-tehnologicheskogo-suvereniteta> (дата обращения: 25.10.2022).

Олег Мансуров: технологический суверенитет недостижим без тысяч спутников (дата размещения: 21.06.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220621/mansurov-1796975353.html> (дата обращения: 17.12.2022).

Плавка суверенного металла (Г. Еремин) (дата размещения: 15.09.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://stimul.online/articles/interview/plavka-suverenogo-metalla/> (дата обращения: 13.11.2022).

Сморгунов Л.В. Управление публичной политикой: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект-Пресс, 2015. 320 с.

Технологический суверенитет и кибербезопасность. Какие ИТ-решения можно заменить (дата размещения: 26.09.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.comnews.ru/digital-economy/content/222317/2022-09-26/2022-w39/tehnologicheskij-suverenitet-i-kiberbezopasnost-kakie-it-resheniya-mozhno-zamenit> (дата обращения: 15.11.2022).

PECULIARITIES OF EVIDENCE-BASED POLICY DESIGN OF TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Olga A. Ignatjeva,

PhD in Sociology, Associate professor
of Political Governance Department,
Saint Petersburg State University;
St Petersburg, Russia;
e-mail: olga7919@mail.ru

The problem of the formation of technological sovereignty became one of the leading topics on the political agenda in the Russian Federation in 2022. Its emergence was more of a reactive nature, as it was a response to the unfavorable geopolitical conditions in which Russia found itself after the start of a special military operation. Naturally, the topic is not new to political and scholarly discourse. It has its own representations in the policies of the European Union, Latin America and India. In one case, it is expressed as a desire to achieve competitiveness in the global market, and in the other as the creation of a safe environment for the operation of national industry. The forerunner of the evidentiary policy of technological sovereignty in Russia was the economic policy of import substitution, carried out since 2014. Throughout 2022, the content of the policy of technological sovereignty was formed in three types of discourses: technocratic, economic, and civilizational. The final version of the technological sovereignty policy was presented in a government decree on April 15, 2023 only. The purpose of this article is to analyze the stages and peculiarities of the formation of evidence-based policy of technological sovereignty, as well as to identify internal and external trust in it in Russian society.

Keywords: evidence-based policy, technological sovereignty, technocratic discourse, civilizational discourse, economic discourse, agenda, trust

Acknowledgments

The research was carried out within the framework of the grant “Evidence-based policies of technological sovereignty and trust: a study of public justification strategies”, obtained as a result of the contest of research projects in the field of social and political sciences, conducted by the Expert Institute for Social Research (EISR) in cooperation with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

УДК: 378.09

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-132-142

РЕЙТИНГОВАЯ СИСТЕМА В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ: ОПЫТ ФГБОУ ВО КНИТУ

Олег Васильевич Михайлов

доктор химических наук, профессор,
профессор кафедры аналитической химии,
сертификации и менеджмента качества
Казанского национального
исследовательского
технологического университета,
Казань, Россия;
e-mail: olegmkhlv@gmail.com

В статье рассмотрена специфика действующей в ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» рейтинговой системы. Перечислены и охарактеризованы ее принципы и количественные показатели, связанные с научной и образовательной деятельностью, которые оказывают влияние на личный рейтинг преподавателя (ЛРП); при этом обращено внимание на то, что наиболее значимый вклад в ЛРП вносит научная деятельность, проявляющаяся в виде публикационной активности, и прежде всего — в авторитетных международных журналах.

Ключевые слова: рейтинговая система, личный рейтинг преподавателя (ЛРП), университет, профессорско-преподавательский состав (ППС)

В 2022 г. исполнилось 10 лет с момента, как Союзом ректоров вузов РФ было принято постановление о введении в учреждениях высшего образования РФ дифференцированной оплаты труда профессорско-преподавательского состава (ППС) на основе *рейтинговой системы*, в рамках которой ученые степени и ученые звания преподавателей, равно как и занимаемые ими должности по замыслу не должны были бы иметь решающего

значения — личный рейтинг преподавателя (ЛРП) должен был определяться его конкретными достижениями (и в первую очередь — публикациями в сфере образовательной (учебники, учебные пособия и др.) и / или научной (монографии, статьи, патенты на объекты интеллектуальной собственности и др.) деятельности, и вполне возможной становилась ситуация, когда преподаватель-ассистент имел бы более высокие показатели, нежели доцент или даже профессор. Попытки *такой* дифференциации в РФ предпринимались и ранее, однако дальше разговоров дело фактически не шло, и различия в уровне оплаты труда ППС по-прежнему, как и СССР, определялись прежде всего занимаемыми ими должностями, учеными степенями и званиями. В некоторых вузах практиковались различные надбавки к должностному окладу для отдельных лиц из числа ППС, причем как за конкретизируемые (например, за наличие почетных званий и государственных наград, выполнение общественных обязанностей, связанных с научной и / или образовательной деятельностью), так и за не конкретизируемые («напряженные условия труда», «высокие творческие достижения» и т. п.). Но для реализации рейтинговой системы в полном объеме необходимо, чтобы зарплата преподавателя любого российского научного и / или образовательного учреждения не просто зависела бы от результатов его личной научной и образовательной деятельности, но и варьировалась бы год от года с учетом каких-то количественных показателей, характеризующих его работу именно в этом направлении. Деятельность преподавателя современного федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования (ФГБОУ ВО) многогранна, и охватывает самые разные аспекты — от ведения семинарских занятий до «высокой науки», от приема экзаменов до участия в студенческой художественной самодеятельности, и однозначно определить, какие показатели должны фигурировать в ЛРП, *a priori* непросто, и вполне возможны различные их наборы в зависимости от специфики учреждения. Но, как бы то ни было,

при разработке рейтинговой системы следует, на мой взгляд, руководствоваться выражением одного из величайших ученых всех времен Альберта Эйнштейна «Все должно быть сделано как можно более простым, но не чересчур простым».

В 2014 г. в ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (далее — КНИТУ) произошло важное для него событие: *впервые* в его истории была создана система определения ЛРП, учитывающего самые разные аспекты научной и образовательной деятельности; ее ключевые детали описаны в статье (Михайлов, 2016). На первых порах, однако, она действовала лишь в формате отслеживания связанных с ней показателей, без «привязки» ЛРП к заработной плате, ибо тогдашнее руководство КНИТУ опасалось негативной реакции ППС на нее и не хотело наживать себе лишнюю головную боль, а также полагало, что для стимулирования как образовательной, так и научной деятельности ППС вполне достаточно применение административных мер воздействия к соответствующим сотрудникам. Лишь спустя три года, когда руководство КНИТУ принял новый ректор, проф. С.В. Юшко, эта система оказалась востребованной в полной мере и начала выполнять ту самую роль, для которой изначально предназначалась. Большой вклад в это внес тогдашний начальник управления информатизации КНИТУ А.Г. Шамов, под руководством которого были разработаны как многие из этих количественных показателей, так и программа их расчета для определения ЛРП. Наиболее удачной оказалась «научная составляющая» ЛРП, для которой удалось создать весьма объективную количественную оценку ее значимости, основанную на использовании таких общепризнанных в научной среде параметров, как импакт-фактор журнала (Garfield, 1955; 1972; 1979; Маркусова, 2003; Varshavskii et al, 2011; Маркусова и др., 2014) и индекс Хирша (Hirsch, 2005; 2007; Bornmann et al., 2007; Штовба и др., 2013) в международных базах данных цитируемости, на чем мы и остановимся далее более подробно. Но прежде следует

указать те базовые принципы, которые изначально были заложены в эту систему; их три:

- 1) каждый из показателей, учитываемый в рамках ЛРП, должен иметь четко выраженный *количественный характер* и быть каким-либо *количественным* параметром;
- 2) в соответствии с принципом «все познается в сравнении» каждый такой параметр при определении доли его вклада в общий ЛРП должен сравниваться со средним значением этого показателя по КНИТУ;
- 3) ЛРП является аддитивной величиной и алгебраической суммой числовых значений, определяемых согласно персональному вкладу в следующие виды деятельности, каждому из которых придается свой уровень значимости в виде так называемого весового коэффициента (указан в скобках):
 - образование (0.380);
 - международная деятельность (0.050);
 - наука (0.480);
 - воспитание (0.045);
 - профориентация (0.045);

он может изменяться со временем (но лишь на основании специального решения Ученого Совета КНИТУ). Базовые уровни показателей по позиции «Наука» в 2022 г. представлены в таблице 1.

Информация о ЛРП является *сугубо конфиденциальной*. Рядовому сотруднику КНИТУ из числа ППС (ассистенту, старшему преподавателю, доценту и даже профессору) предоставляется информация лишь о его ЛРП. Руководителю структурного подразделения (кафедры, факультета, института) предоставляется информация о ЛРП тех сотрудников, которые работают в возглавляемом им подразделении. Информация о ЛРП всего ППС предоставляется ректору, проректорам по учебной и научной работе, а также (в случае необходимости) отдельным членам рейтинговой комиссии КНИТУ (в каждом из перечисленных

Таблица 1

**Базовые позиции рейтинговой системы в ФГБОУ ВО КНИТУ
на 2022 год по позиции «Наука»**

Показатель	Базовый уровень показателя	Весовые коэффициенты для построения рейтинговой оценки по соответствующему виду деятельности
Суммарный долевого импакт-фактор статей автора, опубликованных в журналах, индексируемых в <i>Scopus</i>	0.177	0.200
Сумма долей автора всех публикаций в журналах, индексируемых в <i>Scopus</i> , <i>RSCI</i> , ядре РИНЦ, и в журналах, включенных в перечень ВАК РФ	1.020	0.200
Доля защит диссертаций аспирантами и докторантами в установленный срок обучения, %	46.500	0.150
Средний индекс Хирша	2.000	0.250
Количество НИР / НИОКР (суммой не менее 100 тыс. руб), реализованных за отчетный период	0.900	0.100
Количество объектов интеллектуальной собственности, правообладателем которых является КНИТУ или КНИТУ совместно с другими лицами	0.033	0.060
Количество коммерциализированных результатов интеллектуальной деятельности	0.100	0.040

случаев — по личным логину и паролю). Конкретные данные для внесения в базу данных ЛРП каждый из представителей ППС предоставляет лично сотруднику того подразделения, где он работает, которому даны для этого специальные полномочия. Эта информация поступает в Управление цифровых технологий и административных сервисов, где проверяется на подлинность; затем запускается специальная программа, которая выдает значения ЛРП по каждой из пяти вышеуказанных позиций и суммарный ЛРП. Данные о ЛРП всего ППС далее вводят в другую программу (информация о деталях которой, равно как и о результатах расчета надбавок с ее использованием также является сугубо конфиденциальной), по которой рассчитываются персональные рейтинговые надбавки к официальным окладам. Эти надбавки утверждаются приказом ректора и устанавливаются сроком на один год (с апреля текущего года по март года, следующего за ним). Принцип расчета ЛРП по любой из поименованных выше позиций достаточно прост: показатель по соответствующей позиции делится на базовый уровень этой позиции и умножается на весовой коэффициент этой позиции и на весовой коэффициент позиции «Наука» (0.480). К примеру, если суммарный долевого импакт-фактор статей автора, которые опубликованы в журналах, индексируемых в *Scopus*, составляет 3.540, то вклад в ЛРП по этой позиции составит $(3.540 : 0.177) \cdot 0.200 \cdot 0.480 = 1.920$. В связи с этим представляют интерес общестатистические данные по ЛРП по результатам научно-образовательной деятельности ППС за последний отчетный год, представленные в таблице 2.

Как можно видеть при их сопоставлении, ЛРП основной массы ППС находятся в диапазоне (0.1–0.5), причем значительная часть из них обеспечивает свой ЛРП за счет позиции «Средний индекс Хирша» (определяемого как среднее геометрическое между индексом Хирша по РИНЦ и индексом Хирша по *Scopus* того или иного преподавателя, умноженное на 50 и деленное на его возраст в год подсчета этого показателя). Наибольшее же значение ЛРП, достигнутое в КНИТУ в 2022 г., было около 30 000 (таблица 3).

Таблица 2

Показатели ЛРП ППС КНИТУ в 2022 г.

Диапазон значений ЛРП	Число ППС с данным ЛРП	% от общего числа ППС
Менее 0.1	105	11.95
0.1–0.5	349	39.70
0.5–1.0	210	23.89
1.0–2.0	130	14.79
2.0–3.0	41	4.66
3.0–4.0	19	2.16
4.0–5.0	11	1.26
Более 5.0	14	1.59

Таблица 3

Топ-10 ЛРП в КНИТУ в 2022 г.
с раскладкой по различным позициям¹

№	ЛРП 2022	Рейтинг по позиции				
		Образование (●0.380)	Международная деятельность (●0.050)	Наука (●0.480)	Воспитание (●0.045)	Профоринтация (●0.045)
1	29.442	1.750 (0.665)	0.000 (0.000)	59.952 (28.777)	0.000 (0.000)	0.000 (0.000)
2	16.200	2.425 (0.921)	3.056 (0.153)	31.221 (14.986)	0.000 (0.000)	3.111 (0.140)
3	9.203	1.535 (0.584)	0.000 (0.000)	17.363 (8.334)	5.111 (0.230)	1.222 (0.055)
4	9.049	0.625 (0.238)	0.000 (0.000)	18.357 (8.811)	0.000 (0.000)	0.000 (0.000)
5	8.963	0.500 (0.190)	0.556 (0.028)	18.218 (8.745)	0.000 (0.000)	0.000 (0.000)
6	7.696	0.777 (0.295)	0.556 (0.028)	14.903 (7.153)	1.667 (0.075)	3.222 (0.145)
7	7.618	3.025 (1.150)	2.221 (0.111)	12.922 (6.203)	1.333 (0.060)	2.111 (0.095)

¹ Полу жирным подчеркнутым шрифтом в скобках (...) выделен результат умножения ЛРП по данной позиции на весовой коэффициент, указанный в соответствующем столбце.

№	ЛРП 2022	Рейтинг по позиции				
		Образование (●0.380)	Международная деятельность (●0.050)	Наука (●0.480)	Воспитание (●0.045)	Профоринтация (●0.045)
8	7.166	1.159 (0.440)	5.000 (0.250)	13.387 (6.426)	1.000 (0.045)	0.111 (0.005)
9	6.062	0.259 (0.098)	0.000 (0.000)	11.935 (5.729)	0.000 (0.000)	5.222 (0.235)
10	5.941	0.406 (0.154)	0.000 (0.000)	11.963 (5.742)	0.000 (0.000)	1.000 (0.045)

Создание рейтинговой системы с момента принятия решения Союзом ректоров РФ никогда не рассматривалось как самоцель, и ключевой проблемой, связанной с ее реализацией, является решение вопроса о том, как должны быть количественно связаны меж собой ЛРП и надбавка к заработной плате за него. Естественно, что эта проблема возникла и в ФГБОУ ВО КНИТУ, и по этому поводу было в свое время, что называется, сломано немало копий. В конечном итоге на уровне руководства вуза было принято решение, что качественно зависимость между этими показателями должна выглядеть так, как это показано на рис. 1.

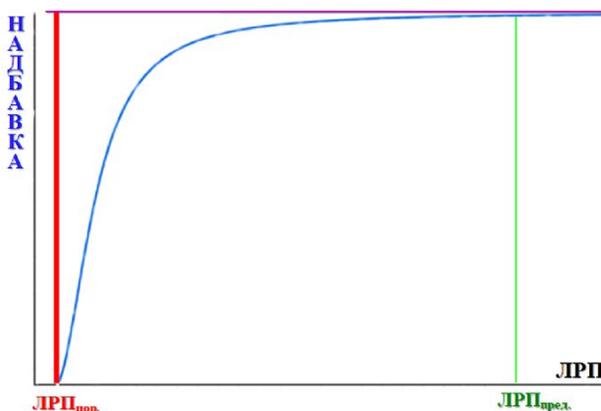

Рис. 1. Качественное отображение взаимосвязи между рейтинговой надбавкой и числовым значением ЛРП

Она является монотонно возрастающей с ростом ЛРП функцией с асимптотой, параллельной оси абсцисс, которая по достижении некоторого значения ЛРП_{пред} далее не претерпевает изменений.

Рейтинговая система, однако, не должна быть чем-то «застывшим» — она может и должна меняться со временем. Поскольку недавно среди параметров, характеризующих авторитет научных журналов, появился т. н. квартиль Q , то следующим шагом по совершенствованию «научной составляющей» этой системы может стать введение в нее какого-либо параметра, связанного с Q строгой математической зависимостью. Таким параметром представляется, например, так называемый квартильный импакт-фактор, описанный в статье (Михайлов, 2023), введение которого способно существенно нивелировать различие между импакт-факторами журналов различных отраслей (не секрет, что таковые по гуманитарным дисциплинам в целом заметно ниже, чем по естественным наукам (Iglesias, 2007)).

Список литературы

Маркусова В.А. Цитируемость российских публикаций в мировой научной литературе // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 4. С. 291–298.

Маркусова В.А. История и развитие наукометрии // Руководство по наукометрии: Индикаторы развития науки и технологии / Под ред. М.А. Акоева. Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 2014. С. 14–48.

Михайлов О.В. Опыт определения рейтинга преподавателя с учетом его публикационной активности // Высшее образование в России. 2016. Т. 25. № 10. С. 71–78.

Михайлов О.В. «Квартильный» импакт-фактор научных журналов // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14. № 2. С. 108–121.

Штовба С.Д., Штовба Е.В. Обзор наукометрических показателей для оценки публикационной деятельности ученого // Управление большими системами. 2013. Т. 44. С. 262–277.

Bornmann L., Daniel H.D. What Do We Know about the H-Index? // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2007. Vol. 58. No. 9. P. 1381–1385.

Garfield E. Citation Indexes for Science: A New Dimension in Documentation through Association of Ideas // *Science*. 1955. No. 122. P. 108–111.

Garfield E. Citation Analysis as a Tool in Journal Evaluation // *Science*. 1972. No. 178. P. 471–479.

Garfield E. *Citation Indexing: Its Theory and Application in Science, Technology and Humanities*. New York: Wiley, 1979.

Hirsch J.E. An Index to Quantify an Individual's Scientific Research Output // *Proceedings of National Academy of Sciences*. 2005. Vol. 102. No. 46. P. 16569–16572.

Hirsch J.E. Does the H-Index Have Predictive Power? // *Proceedings of National Academy of Sciences*. 2007. Vol. 104. No. 49. P. 19193–19198.

Iglesias J.E., Pecharroman C. Scaling the H-index for Different Scientific ISI Fields // *Scientometrics*. 2007. Vol. 73. No. 3. P. 303–320.

Varshavskii A.E., Ivanov V.V., Markusova V.A. Adequate Assessment of Scientific Output // *Herald of Russian Academy of Sciences*. 2011. Vol. 81. No. 4. P. 358–363.

**THE RATING SYSTEM IN RUSSIAN
UNIVERSITIES AND THE PERSPECTIVES
FOR ITS IMPROVEMENT: THE EXPERIENCE
OF KAZAN NATIONAL RESEARCH
TECHNOLOGICAL UNIVERSITY**

Oleg V. Mikhailov

Doctor of Chemistry, Professor,
Kazan National Research Technological University,
Kazan, Russia;
e-mail: olegmkhlv@gmail.com

The article discusses the specifics of the current rating system at Kazan National Research Technological University. The principles of it and quantitative indicators related to scientific and educational activities that affect the teacher's personal rating (TPR) are listed and characterized. At the same time, attention is drawn to the fact that the most significant contribution to the TPR is made by scientific activity, manifested in the form of publication activity, and above all in reputable international journals.

Keywords: rating system, teacher's personal rating (TPR), university, professorial-teaching staff (PTS)

УДК: 001:316.346.32-053.6

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-143-152

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОВЕРИЯ МОЛОДЕЖИ НАУКЕ И НАУЧНЫМ КОММУНИКАЦИЯМ

Елена Геннадиевна Поздеева

кандидат социологических наук,
доцент Санкт-Петербургского
политехнического университета
Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: elepozd@mail.ru

Екатерина Романовна Хуторцова

магистрант Санкт-Петербургского
политехнического университета
Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: er.hutorcova@gmail.com

В статье рассматривается проблема доверия научной информации, институту науки и его представителям, а также коммуникациям, сопровождающим информационный обмен. Отмечается, что в век динамичного роста цифровых коммуникаций и перевода ряда институциональных практик в цифровую среду доверие выступает фильтром и оказывает влияние на социализацию и развитие личности, прежде всего молодежи. В контексте формирования

доверия анализируется склонность к риску, специфика поддерживающей среды, образовательные практики, которые благоприятствуют активности в научном поиске и информационном потреблении. В качестве эмпирической основы выступают проведенные в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого опросы, которые позволили выявить неоднозначное отношение к источникам научной информации, различные практики научного поиска и оценки доверия науке. Анализ мнений молодых людей позволил выявить проблемы смешения роли ученого и эксперта, низкого значения авторства текстов, а также важность разработки этических норм и правил коммуникаций в цифровом пространстве. На основе анализа данных авторы формулируют дальнейшие направления исследования, учитывающие проблемные области и дискурсивные аспекты доверия науке.

Ключевые слова: доверие, наука, научная информация, коммуникация, акторы, молодежь, цифровая среда, цифровая культура

В современном мире цифровые навыки становятся ключевым индикатором для вхождения субъекта в профессиональную сферу и пространство коммуникаций. Динамичность социума определяет рост скорости переработки субъектом поступающей информации, что обусловило проблему информационной гигиены и экологического поведения. Однако ориентация в информационном пространстве во многом связана с ценностными и поведенческими установками личности, коммуникационными проблемами, которые испытывают влияние доверия виртуальному миру, институту науки. При этом ряд экспертов предсказывают в ближайшем будущем возможный дефицит кадров, владеющих передовыми технологиями (МСЭ, 2022). Другим важным вызовом является доверие к технологиям, технооптимизм / пессимизм, характерный сегодня для разных социальных групп. По данным ВЦИОМ, о будущем технологий задумываются 77% россиян, при этом молодежь больше склонна доверять технологическому будущему (84%) (ВЦИОМ, 2023).

Проблема доверия становится все более актуальной в последнее время, а ее обратной стороной выступает поле риска, которое очерчивает любая коммуникация, побуждая субъекта к рациональному взвешиванию ее исходов. В фокусе внимания

оказываются научные коммуникации, интерес к которым проявляется с особенной силой в условиях кризиса общественного доверия науке (Гидденс, 2011: 145–153). Доверительные отношения анализируются в контексте готовности к риску в условиях трансформации института науки (Bauer, 2007: 79–95; Earle, 2010: 1–50; Шеремет, 2022: 189–211), рассмотрения доверия как критерия оценки валидности информации и эффективности коммуникации (Siegrist, 2001: 199–206), авторитета науки (Anderson, 2012: 225–237; Cacciatore, 2018: 11–28). Доверие научному сообществу может рассматриваться в качестве эвристики для оценки качества и релевантности информации (Butterfuss, 2020: 147–171), выступать в качестве фильтра и определять отношение к воспринимаемой информации и способы ее использования (Anderson, 2012: 225–237). Доверие определяет позитивные ожидания по отношению к научному сообществу как проводнику в будущее (Luhmann, 2000: 94–107). На доверие оказывают влияние цифровые практики субъектов: те, кто чаще обращается к социальным сетям и цифровым ресурсам, больше доверяют науке (Huber, 2019: 759–777; Jarreau, 2019: 1–23).

В условиях роста сетевых коммуникаций и интенсификации общения внутри научного сообщества доверие служит основой для сохранения институциональных характеристик. В сфере внешних коммуникаций доверие ученым связано с временным фактором, в течение которого формируется доверительное отношение к ученому, однако сегодня социологи отмечают эрозию доверия, вызванную возможностями медиасреды, где доверие быстро приобретает и легко утрачивается (Харламов, 2017: 18–20).

Динамичность социальной жизни ставит вопрос о готовности субъектов к риску, учитывая такие социокультурные характеристики россиян, как стремление избегать неопределенности (Аузан, 2021). Для сферы научных коммуникаций важно формировать благоприятное коммуникационное пространство,

для чего применяются различные стратегии рискованных коммуникаций (Купчинова, 2009: 48–52).

Молодежь скорее позитивно относится к коммуникациям в интернет-среде, пользование цифровыми технологиями повышает доверие и определяет положительное восприятие всего того, что происходит в виртуальном мире, способствуя доминированию оценок прогрессивности и «благонамеренности» по отношению к цифровому пространству (Кандыбович, 2019: 1–6). Вхождение в нашу жизнь цифровых возможностей молодежь связывает с самореализацией, простором для общения и творчества.

С целью определения факторов, влияющих на доверие молодежи научной информации, среди студентов Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого было проведено исследование с применением опросных методов: фокус-групп (март 2023) и онлайн-опроса (март-апрель 2023; 120 респондентов).

Результаты фокус-групп позволили сформулировать следующие выводы о том, что влияет на доверие студентов:

- существование неоднозначных или противоположных точек зрения двух и более авторов в цифровом пространстве одновременно;
- наличие у автора статуса эксперта или ученого как гаранта профессионализма и непредвзятости в отношении науки;
- возможность искажения информации лидерами мнений, которые могут не являться частью научного сообщества и транслировать информацию с позиций личных интересов;
- трудность понимания, кто является ученым, экспертом, лидером мнений или может обладать этими статусами одновременно;
- эффект ореола — восприятие личности автора или транслятора информации через его предыдущие высказывания и поступки;

- фактор полагания «на себя» — на свой жизненный опыт, установки и принципы, формирующие итоговое доверие.

Результаты онлайн-опроса показали, что наиболее важными для формирования доверия для студентов являются: качество передаваемой информации (90% респондентов), наличие подтверждающих ссылок (70,8%), канал, в котором опубликована информация (58,3%), и автор публикуемой научной информации (52,5%).

Молодежь сталкивается с научной информацией часто и с определенной периодичностью (об этом заявили 88,4% респондентов), получая ее через сеть Интернет. При этом молодежь наибольшее доверие оказывает данным точных, фундаментальных и естественных наук (рис. 1).

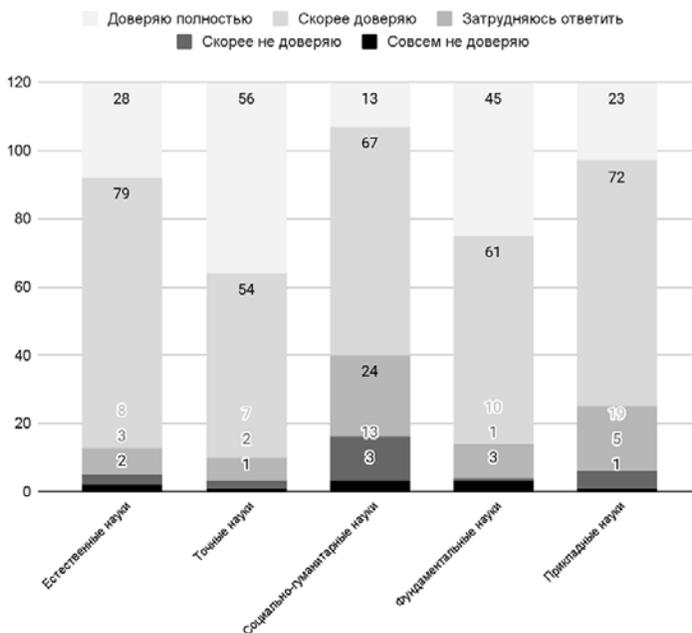

Рис. 1. Доверие молодежи к разным видам наук

Половина респондентов получает первичную информацию от экспертов в разных областях и еще 28% — от лидеров мнений. Напрямую от ученых научную информацию получают только 13% опрошенных.

Большинство респондентов при получении научной информации доверяют только ученому или эксперту (рис. 2). Информацию от журналистов и лидеров мнений молодежь стремится проверить и найти первоисточники, которым может доверять.

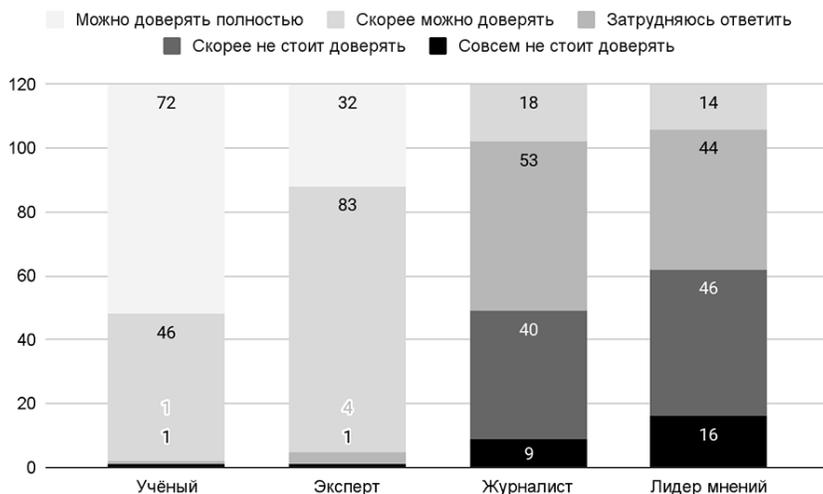

Рис. 2. Доверие молодежи к авторам и распространителям научной информации

Обращение студентов к научным данным связано с их профессиональной деятельностью, с рабочими или учебными задачами (71,7%). Наибольшим авторитетом при поиске информации обладают цифровые библиотеки, специализированные научные сайты и онлайн-энциклопедии (рис. 3).

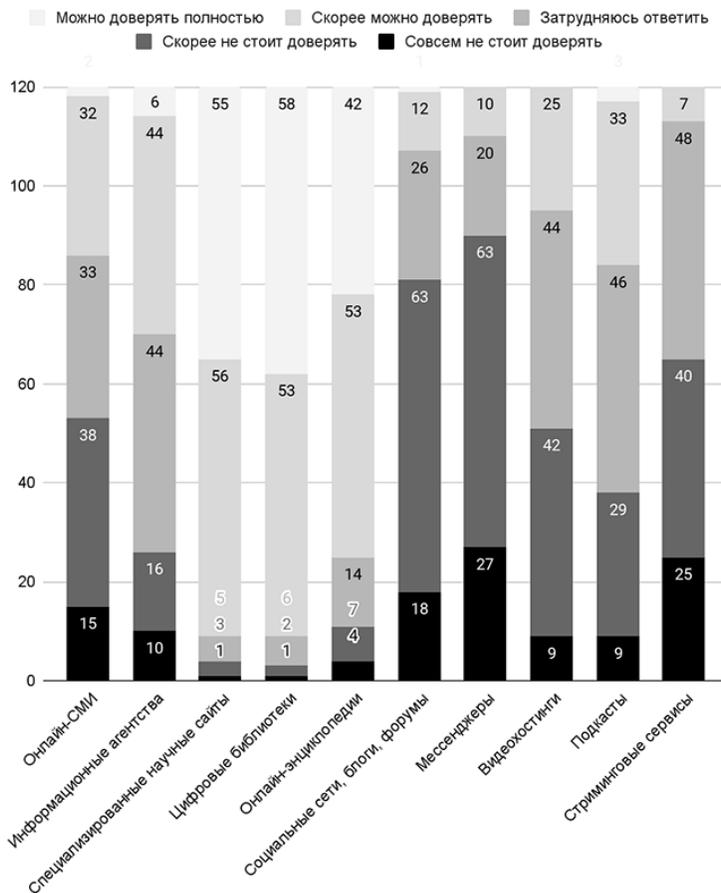

Рис. 3. Доверие молодежи к каналам распространения научной информации

Страна происхождения научных данных не важна для молодежи: половина респондентов сопоставляет информацию из российских и зарубежных источников, а 29,2% оставшихся опрошенных вовсе не обращают внимания на ее происхождение.

В целом студенческую молодежь можно охарактеризовать как оптимистичную по отношению к цифровым технологиям

и готовую к рискам их внедрения, несмотря на неопределенность. По мнению большинства опрошенных (67,5%), цифровизация способствует росту качества и точности информации.

Учитывая выявленные характеристики доверия молодежи научной сфере и ее агентам, следует отметить, что дальнейшее развитие социологического анализа доверия лежит в направлении поиска его индикаторов (Шипунова, 2022: 140). Другим важным аспектом доверия выступает проблема обеспечения безопасности, что обуславливает поднятую в опросе проблему этических норм и регуляторов коммуникаций в условиях динамики нормативности (Каминская, 2021: 96–101), различия норм и правил для офлайн- и онлайн-коммуникаций (Парма, 2022: 146). Учитывая эти моменты, важно отметить, что мониторинг доверия молодежи науке и коммуникациям должен учитывать меняющиеся отношение к цифровой среде, отношение к ее нормам и регуляторам, общие тренды развития цифровой культуры и активность молодежи, что является важными факторами влияния на доверие.

Список литературы

Аузан А. Культурные коды экономики: может ли Россия догнать успешные экономически страны (дата размещения: 18.11.2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/446339-kul-turnye-kody-ekonomiki-mozet-li-rossia-dognat-uspesnye-ekonomiceski-strany> (дата обращения: 17.06.2023)

ВЦИОМ. Новости. Технологии будущего (дата размещения: 16.06.2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego> (дата обращения: 17.06.2023)

Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 352 с.

Каминская Т.Л. Ответственность за медиаконтент и проблема цензурирования коммуникационного пространства России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 2. С. 96–101.

Кандыбович С.Л., Разина Т.В. Особенности социализации молодежи в условиях современной цифровой среды // Мировые цивилизации. 2019. № 3–4. С. 1–6.

Купчинова Т.В. Риск и рисковые коммуникации // Философия и социальные науки: Научный журнал. 2009. № 1/2. С. 48–52.

МСЭ. Охват молодежи цифровыми технологиями (дата размещения: 06.2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/backgrounders/Pages/digital-inclusion-of-youth.aspx> (дата обращения: 17.06.2023).

Парма Р. Отношение российской молодежи к государственной политике регулирования цифровых коммуникаций // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18. № 2. С. 138–150.

Харламов А.В., Безродная Л.В. Социальные аспекты доверия в научной коммуникации // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 4. С. 18–20.

Шеремет Е.П. Факторы общественного доверия науке: обзор эмпирических исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3 (169). С. 189–211.

Шипунова О.Д., Поздеева Е.Г. Проблема доверия к смарт-технологиям в цифровом обществе // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 4. С. 131–145.

Anderson A.A., Scheufele D.A., Brossard D., Corley E.A. The Role of Media and Deference to Scientific Authority in Cultivating Trust in Sources of Information about Emerging Technologies // International Journal of Public Opinion Research. 2012. Vol. 24. No. 2. P. 225–237.

Bauer M.W., Allum N., Miller S. What Can We Learn from 25 years of PUS Survey Research? Liberating and Expanding the Agenda // Public Understanding of Science. 2007. Vol. 16. No. 1. P. 79–95.

Butterfuss R., Aubele J., Kendeou P. Hedged Language and Partisan Media Influence Belief in Science Claims // Science Communication. 2020. Vol. 42. No. 2. P. 147–171.

Cacciatore M.A., Browning N., Scheufele D.A., Brossard D., Xenos M.A., Corley E.A. Opposing Ends of the Spectrum: Exploring Trust in Scientific and Religious Authorities // Public Understanding of Science. 2018. Vol. 27. No. 1. P. 11–28.

Earle T.C., Siegrist M., Gutscher H. Trust in Risk Management: Uncertainty and Scepticism in the Public Mind. London; Washington, DC: Earthscan, 2010. 294 p.

Huber B., Barnidge M., Gil de Zúñiga H., Liu J. Fostering Public Trust in Science: The Role of Social Media // Public Understanding of Science. 2019. Vol. 28. No. 7. P. 759–777.

Jarreau P.B., Cancellare I.A., Carmichael B.J., Porter L., Toker D., Yammine S.Z. Using Selfies to Challenge Public Stereotypes of Scientists // PLOS ONE. 2019. Vol. 14. No. 5. P. 1–23.

Luhmann N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations / Ed. D. Gambetta. Blackwell, 2000. P. 94–107.

Siegrist M., Cvetkovich G. Better Negative than Positive? Evidence of a Bias for Negative Information about Possible Health Dangers // Risk Analysis. 2001. Vol. 21. No. 1. P. 199–206.

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF YOUTH'S TRUST IN SCIENCE AND SCIENTIFIC COMMUNICATIONS

Elena G. Pozdeeva

PhD in Sociology,
Associate professor,
Peter the Great St Petersburg Polytechnic University,
St Petersburg, Russia;
e-mail: elepozd@mail.ru

Ekaterina R. Hutortsova

Master's student,
Peter the Great St Petersburg Polytechnic University,
St Petersburg, Russia;
e-mail: er.hutorcova@gmail.com

The article deals with the problem of trust in scientific information, the institute of science and its representatives, as well as communications accompanying information exchange. It is noted that in the age of dynamic growth of digital communications and the transfer of a number of institutional practices to the digital environment, trust acts as a filter and influences the socialization and development of the individual, especially young people. In the context of the formation of trust, the propensity to take risks, the specifics of the supporting environment, and educational practices that favor activity in scientific search and information consumption are analyzed. The empirical basis is the surveys conducted at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, which revealed an ambiguous attitude towards sources of scientific information, various practices of scientific search and assessment of trust in science. An analysis of the opinions of young people revealed the problems of mixing the roles of a scientist and an expert, the low importance of authorship of texts, as well as the importance of developing ethical norms and rules for communications in the digital space. On the basis of data analysis, the authors formulate further research directions, taking into account problem areas and discursive aspects of trust in science.

Keywords: trust, science, scientific information, communication, actors, youth, digital environment, digital culture

УДК: 655+327

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-153-163

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Милана Юрьевна Сидоренко

ученый секретарь Научно-издательского совета Российской академии наук, заместитель начальника Управления научно-информационной деятельности РАН и взаимодействия с научно-образовательным сообществом, начальник Департамента научных изданий Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва, Россия;
e-mail: myusidorenko@pran.ru

В условиях международной турбулентности и ухода из России западных наукометрических баз данных встает вопрос о необходимости пересмотра подходов к организации и оценке редакционно-издательской деятельности в России. В настоящей статье я сосредоточусь на рассмотрении вызовов, оказавших влияние на редакционно-издательскую деятельность в России за последние годы. Под влиянием этих факторов деятельность участников редакционно-издательского процесса претерпела значительную трансформацию и видоизменилась.

Таким образом, подготовка и выход российских журналов были поставлены в беспрецедентные условия, противоречащие принципам открытости обмена научной информацией и свободной коммуникации. По результатам проводимой оценки предпринимается попытка обозначить основные тренды дальнейшего развития редакционно-издательского дела в России. Одним из ключевых трендов является создание на основе журнальной платформы РЦНИ международной базы научного цитирования, ядро которой составят российские журналы, издания из стран СНГ, а также из дружественных стран, в первую очередь из стран БРИКС, которая сможет стать весомой альтернативой западным международным наукометрическим базам данных.

Ключевые слова: российские научные журналы, редакционно-издательский процесс, библиометрические показатели, методы оценки, международная турбулентность

За последние десятилетия в России сложилась система управления и оценки деятельности ученых, основанная на показателях публикационной активности. Расчет публикационной активности базируется на библиометрических показателях, предоставляемых международными наукометрическими базами данных (МНБД) *Web of Science* и *Scopus*. Эти библиометрические показатели носят количественный характер и в свою очередь основываются на численности научных публикаций и их цитирований.

Этот подход был закреплён в нормативных документах российских ведомств, отвечающих за осуществление государственной политики в сфере науки².

Таким образом, была создана система, стимулирующая российских ученых активнее публиковать научные статьи в отечественных и зарубежных изданиях, индексируемых в МНБД *Scopus* и *Web of Science*, что привело к увеличению численности научных публикаций, неоднородных по качеству и научной ценности. Увеличилось количество «хищнических» журналов и «мусорных» статей.

Одновременно с этим авторы научных статей, ориентированные на рост показателей публикационной активности, были поставлены в положение, при котором выбор тематики научного исследования зачастую был продиктован существующей конъюнктурой западных наукометрических баз данных, определяющих наиболее цитируемые и популярные направления научной работы.

² Постановление Правительства РФ от 5 августа 2008 г. № 583; Постановление Правительства РФ от 8 апреля 2009 г. № 312; Постановление Правительства РФ от 5 августа 2013 г. № 662; Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24 марта 2020 г. № 475.

При этом стоит отметить, что эти международные наукометрические базы данных являются собственностью западных компаний. МНБД *Web of Science* принадлежит американской компании *Clarivate Analytics*, МНБД *Scopus* — голландскому издательскому дому *Elsevier*.

Таким образом, мейнстрим научных исследований на протяжении многих десятилетий был продиктован конъюнктурой западных частных компаний, а не стратегическими целями и задачами развития Российской Федерации, за счет бюджетных средств которой осуществляется большинство научных исследований в стране.

Кроме того, редакционные коллективы российских научных журналов были ориентированы на вхождение научных периодических изданий в международные наукометрические базы данных. Индексация журналов в МНБД, в силу принятых методик оценки деятельности ученых, стимулировала приток статей в редакционные портфели журналов, привлечение известных авторов, являющихся заслуженными специалистами в своих областях науки и т. д.

На фоне этих процессов появились российские аналоги западных наукометрических баз данных — Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Ядро РИНЦ и т. д., являющиеся проектами научной электронной библиотеки (НЭБ) eLIBRARY.RU (ООО «НЭБ») и продвигающие вышеописанные подходы в среде российских ученых.

В настоящее время предпринимаются попытки представить проекты НЭБ eLIBRARY.RU (РИНЦ, Ядро РИНЦ и т. д.) в качестве отечественной альтернативы международным наукометрическим базам данных. «...многие организации и их руководители пока не проявляют адекватной реакции на вызовы времени. Достаточно сказать, что в большинстве научных учреждений произошли косметические корректировки прежней системы (например, требования публикации в высококвартильных (Q1 и Q2) журналах МНБД WoS и Scopus заменили ядром Российской

системы научного цитирования (РИНЦ)...» (Балацкий, Екимова, 2022: 16). Однако близость систем оценок и расчетов публикационной активности РИНЦ и Ядра РИНЦ, а также основополагающие принципы работы, общие с западными базами данных, не позволяют сделать выбор в их пользу.

Актуальные вызовы сложившейся системе управления и оценки редакционно-издательской деятельности в России

2022-й год поставил перед государственными органами управления наукой, научными организациями и учеными ряд вызовов и задач, требующих оперативного решения и ответа в условиях нарастающей международной турбулентности. Был актуализирован вопрос сохранения национальной идентичности, в том числе национальной идентичности российской науки. Так, в рамках Петербургского международного экономического форума–2023 на сессии «Интеллектуальная собственность как основа инновационно ориентированного роста экономики» выступил вице-президент РАН, председатель Научно-издательского совета РАН академик РАН В.Я. Панченко, который отметил важность сохранения за российской наукой ее национальной идентичности, в том числе национальной идентичности российских научных журналов. Обозначен поворот на восток, одну из ключевых ролей в котором должна сыграть научная дипломатия, отвечающая за поддержание существующих и установление новых связей со странами Ближнего и Дальнего Востока, Азии и Африки.

Поставлена цель обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации, сохранения и приумножения научных и технических достижений российской науки, отвечающих характеру XXI века, в том числе в области цифровизации и развития искусственного интеллекта.

Одновременно с этим российская наука была поставлена западным сообществом в асимметричную, невыигрышную позицию. Из России ушли международные наукометрические базы

данных *Web of Science* и *Scopus*. МНБД *Web of Science* прекратила свою деятельность на территории Российской Федерации, закрыла доступ к материалам базы данных для российских пользователей и приостановила прием заявок на включение российских рецензируемых научных журналов в базу данных. МНБД *Scopus* закрыла российское отделение и ограничила доступ российским ученым к материалам и инструментам базы данных. МНБД *Scopus* продолжает осуществлять прием заявок на включение российских научных журналов в базу данных, однако рассмотрение многих ранее поданных заявок было фактически приостановлено. Несмотря на это, обе обозначенные МНБД продолжают размещать материалы номеров отечественных журналов в базах данных с сохранением доступа к ним для иностранных читателей.

Таким образом, создана асимметричная ситуация, которая приводит к информационной изоляции российских ученых, лишает их доступа к результатам достижений мировой науки, при сохранении доступа западным ученым к материалам российских научных журналов. Для выхода из этого положения «по поручению заместителя Председателя Правительства РФ Д.Н. Чернышенко Минобрнауки РФ приступило к разработке собственной системы оценки эффективности научных исследований, в которой будет сделан акцент на учет национальных интересов, повышение доли экспертной оценки и внедрение научных результатов. Поставлены задачи по созданию российской базы научного цитирования, ядро которой составят российские журналы, издания из стран СНГ и БРИКС» (Третьякова, 2022: 102).

Основные тренды и решения по реформированию системы управления и оценки редакционно-издательской деятельностью в России

В сложившейся ситуации первой и ключевой задачей для профессионального российского научно-издательского

сообщества является сохранение качества российских научных рецензируемых журналов и их дальнейшее развитие. Одним из актуальных направлений развития становится включение изданий в Белый список научных журналов. Его формирует рабочая группа, в состав которой вошли Российская академия наук, Российский центр научной информации, крупнейшие отечественные вузы и научные организации. В настоящее время в Белый список входит более 30 000 научных журналов, более 1 000 изданий из них являются российскими. Задача, которую решает Белый список, — это интеграция количественных библиометрических показателей с качественной экспертизой при оценке научных изданий. Наличие Белого списка позволяет российским ученым ориентироваться в ходе выбора журнала для опубликования статей. Таким образом, Белый список выступает в качестве маркера и навигатора для российского ученого в массиве периодических изданий.

Позиция, занятая западными наукометрическими базами данных в отношении России и российских ученых, а также актуальные задачи национального развития, обуславливают рост внимания отечественных исследователей к журналам и базам данных стран Востока. Так, среди прочего, нарастает интерес российских авторов к опубликованию статей в рецензируемых научных журналах Китая. Кроме того, повышается значимость китайских баз данных для индексации и репрезентации российских научных журналов на международной арене.

Все большую значимость для российских научных журналов обретает китайская база данных CNKI — совместный проект университета Циньхуа (Пекин) и холдинга *Tsinghua Tongfang*, стартовавший в 1996 г. Своей важнейшей задачей CNKI считает «тотальную оцифровку ресурсов знаний Китая, создание платформы для глобального распространения услуг с добавленной стоимостью» и позиционирует себя как «главная база знаний КНР». Кроме того, CNKI ведет масштабную работу по формированию коллекций иностранных научных публикаций в открытом

доступе. CNKI является крупнейшей электронной базой академических ресурсов в Китае, в которой хранится 95% издаваемых в материковом Китае научных журналов, 40% из них — размещаются эксклюзивно. Кроме того, CNKI имеет обширную пользовательскую сеть — более 1 600 институциональных клиентов.

CNKI активно расширяется за пределами Китая. В настоящее время у CNKI более 1200 зарубежных пользователей — представителей научных и образовательных организаций из более чем 50 стран мира. В базе данных CNKI размещаются международные журналы в области STM (наука, технологии, медицина), издающиеся не менее трех лет. БД CNKI включает в себя две коллекции научных журналов социогуманитарного профиля — *Social Science* и *Humanities*. Таким образом, индексация российских журналов в китайской базе данных CNKI позволит представить российские журналы широкой международной аудитории и сохранить каналы научной и культурной коммуникации с учеными из других стран.

«В условиях жестких санкций со стороны западных стран и США и сокращения сотрудничества по всем направлениям, включая научную деятельность, возрастает необходимость сохранить качественно высокий уровень российских научных журналов. Особое внимание необходимо уделять каналам научных коммуникаций, в том числе в социально-гуманитарной сфере, с целью наиболее эффективного продвижения результатов исследований российских ученых. Результаты проведенного исследования показали, что в изменяющихся условиях для российских ученых остается высокая вероятность оставаться “видимыми” и “востребованными” в международном научно-информационном пространстве» (Гришакина, Демина, 2022: 93).

Также поле китайских англоязычных научных журналов включает в себя большое количество качественных периодических рецензируемых изданий по различным научным и научно-техническим направлениям. «...в настоящее время в Китае издаются порядка 700 качественных рецензируемых англоязычных

журналов по широкому кругу различных направлений естественных и точных наук, технологий и медицины, имеющих высокий научный рейтинг и издаваемых крупными национальными и международными издательствами» (Раевская, 2022: 86). Кроме того, для отечественного менеджмента может быть полезен китайский опыт в сфере управления наукой и оценки ее достижений. «Привлекателен недавний опыт Китая. Для достижения самодостаточности там пересматривается практика поощрения ученых на основе наукометрических оценок. Предложено отказаться от опоры на показатели МНБД в пользу новых индикаторов, которые оценивают “выход готовой научной продукции”...» (Егеров, 2022: 234).

Также весьма перспективным направлением остается создание международной базы научного цитирования, ядро которой составят российские журналы, издания из стран СНГ, а также из дружественных стран, в первую очередь из стран БРИКС. Эта инициатива может стать весомой альтернативой западным международным наукометрическим базам данных, которые проводят политику изоляции российских ученых от достижений мировой науки. Площадкой для создания такой базы данных может выступить журнальная платформа Российского центра научной информации (РЦНИ). Преимуществом этой платформы является размещение на ней материалов ведущих российских научных журналов, в том числе, журналов Российской академии наук. Коллекция журналов на платформе РЦНИ продолжает пополняться. Так, на Конгрессе молодых ученых, прошедшем в декабре 2022 г., в рамках которого, в том числе, обсуждались контуры новой системы оценки научной результативности, директор РЦНИ О.В. Белявский отметил, что ученые должны быть обеспечены «хорошими сервисами», которые прежде всего реализуются в создании национальной журнальной платформы, уже функционирующей на портале РЦНИ в сервисном режиме и имеющей две основные функции: она знакомит исследователей

с тем, что происходит «снаружи», и транслирует то, что происходит «внутри» (Беляева, 2022).

РЦНИ может выступить в качестве оптимального оператора создания и ведения этой международной наукометрической базы данных, основу которой составят российские журналы, а также журналы стран СНГ, БРИКС и т. д., как минимум, в силу двух основных причин:

- 1) РЦНИ обеспечивает доступ российских ученых к научной информации, включая финансовое и организационное обеспечения централизованной (национальной) подписки на научные издания и базы данных, в том числе зарубежные, и предоставление доступа к электронным изданиям и другим информационным ресурсам в интересах российских ученых³;
- 2) РЦНИ содействует развитию научной дипломатии Российской Федерации как элемента международного научно-технического сотрудничества, в том числе через представительство в международных научных организациях, учреждениях и ассоциациях⁴.

Таким образом, журнальная платформа РЦНИ и созданная на ее основе международная наукометрическая база данных могут образовать единую научно-издательскую и библиометрическую экосистему, отвечающую интересам Российской Федерации и отечественной науки.

Список литературы

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Рынок российских экономических журналов в условиях международной изоляции // Управленец. 2022. Т. 13. № 4. С. 15–25.

Беляева С. Триумф экспертизы? Намечены контуры новой системы оценки научной результативности (дата размещения: 10.12.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://poisknews.ru/desyatiletie-nauki-i-tehnologij/>

³ Постановление Правительства РФ от 29 июля 2022 г. № 1357.

⁴ Там же.

triumf-ekspertizy-namecheny-kontury-novoj-sistemy-oczenki-nauchnoj-rezultativnosti/ (дата обращения: 18.06.2023).

Гришакина Е.Г., Дёмина А.И. Социально-гуманитарные науки на «перекрестке трех дорог» // Научный редактор и издатель. 2022. № 1. С. 87–94.

Егерев С.В. Публикационные реалии в эпоху изоляции // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 4. С. 231–237.

Раевская Е.Г. Альтернативные возможности публикаций российских авторов в англоязычных научно-технических журналах Китая // Научный редактор и издатель. 2022. № 1 (Suppl). С. 80–87.

Третьякова О.В. Российские социологические журналы в международных базах данных: что необходимо учесть в новой системе оценки // Мир России. 2022. Т. 31. № 4. С. 100–121.

MAIN TRENDS IN DEVELOPMENT OF EDITORIAL AND PUBLISHING ACTIVITY IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL TURBULENCE

Milana Yu. Sidorenko

Scientific Secretary of the Scientific-Publishing Council
of the Russian Academy of Sciences,
Deputy Head of the Department of Scientific Information Activity
of the RAS and Interaction with the Scientific-Educational Community,
Head of the Department of Scientific Publications of the State Academic
University for the Humanities,
Moscow, Russia;
e-mail: myusidorenko@pran.ru

In the context of international turbulence and the withdrawal of Western scientometric databases from Russia, there is a need to reconsider approaches to the organization and evaluation of editorial-publishing activity in Russia. This article is focused on the challenges that have influenced editorial and publishing activity in Russia in recent years. Under the influence of these factors, the activities of those involved in the editorial-publishing process have undergone a significant transformation.

The preparation and publication of Russian journals have thus been placed in unprecedented conditions that contradict the principles of open exchange of scientific information and free communication. Based on the results of the evaluation, an attempt to identify the main trends in the further development of the editorial and publishing sector in Russia is made.

One of the key trends is the establishment of an international scientific citation database based on the journal platform of the Russian Centre for Science Information, the core of which will consist of Russian journals, as well as journals from CIS and friendly countries, primarily from the BRICS countries. In this way the journal platform of the Russian Centre for Science Information can become a significant alternative to Western international scientometric databases.

Keywords: Russian scientific journals, editorial and publishing process, bibliometric indicators, evaluation methods, international turbulence

УДК: 005.966:31

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-164-171

ДИНАМИКА КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ НАН БЕЛАРУСИ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Алеся Петровна Соловей

научный сотрудник
Института социологии НАН Беларуси,
Минск, Беларусь;
e-mail: alesia.salaviej@gmail.com

По результатам социологических исследований анализируются карьерные ориентации молодых ученых, фокус внимания сосредоточен на гендерных различиях. Для молодых ученых НАН Беларуси характерен смешанный тип научной карьеры — монетарно-квалификационный с ответственным выполнением служебных обязанностей и ориентацией на признание среди профессионалов. Выявлены статистически значимые различия между гендером молодого ученого и ориентациями квалификационной, монетарной, статусной и исполнительской видов карьеры. Анализ динамики карьерных ориентаций молодых мужчин и женщин — ученых позволяет сделать вывод о том, что в 2017 г. доля тех, кто ориентирован на продвижение собственных исследовательских тем, новых идей и на максимальную заработную плату за свой труд, выше среди молодых мужчин-ученых, а доля тех, кто ориентирован на достижение признания среди профессионалов и ответственное выполнение служебных обязанностей, выше среди молодых женщин-ученых. В то время как в 2020 г. мужчины-ученые более ориентированы только на максимальную заработную плату за свой труд, в сравнении с женщинами-учеными. Среди тех, кто ориентирован в своей научной деятельности на ответственное выполнение служебных обязанностей, доля женщин-ученых выше доли мужчин-ученых.

Ключевые слова: молодой ученый, профессиональная самоидентификация, карьерные ориентации, гендерное измерение

Актуальность изучения карьерных ориентаций молодых ученых связана с развитием эффективных механизмов воспроизводства кадров в научной сфере, дальнейшим совершенствованием системы профессиональной подготовки научных кадров. Научная молодежь обладает творческим и интеллектуальным потенциалом и представляет собой кадровый ресурс для развития не только научного сообщества и генерирования новых научных идей, но и общества в целом. Для молодого ученого важна как профессиональная, так и внутриорганизационная карьера. Первая связана с квалификационным ростом в рамках его научной специализации (отрасли наук). Вторая включает вертикальные (должностной рост) и горизонтальные (в рамках одного уровня иерархии) перемещения человека в организации. Следовательно, реализация того или иного вида научной карьеры предполагает наличие у молодого ученого направленности на те или иные профессиональные ориентации, соответствующие выбранному им виду научной карьеры на данном этапе профессионального и жизненного становления. Стремление молодых ученых продвигаться по карьерной лестнице в научной организации предполагает признание фактора карьеры как одного из значимых компонентов профессиональной самореализации личности и престижа профессии ученого. Исходя из различных карьерных ориентаций выделяют несколько сценариев построения научной карьеры: квалификационная, статусная (должностная), монетарная, исполнительная. Данные ориентации не являются взаимоисключающими, могут дополнять друг друга и пересекаться (Соловей, 2020: 5–6). Молодые мужчины и женщины, которые завершили обучение в аспирантуре, защитили кандидатские диссертации, заинтересованы в дальнейшем продвижении по карьерной научной лестнице. В рамках академической карьеры молодые исследователи могут реализовать себя, с одной стороны, в административно-управленческой деятельности в научно-исследовательском учреждении, с другой — в профессиональной научно-исследовательской деятельности и дальнейшем

продвижении по квалификационной лестнице (получение ученых степеней, званий, признания в научной среде). В процессе планирования и реализации успешной научной карьеры профессиональные ориентации молодых женщин и мужчин — ученых могут различаться в силу особенностей их жизненных стратегий как представителей разных социально-демографических групп, трудовых, личностных и семейных ценностных приоритетов, которые оказывают влияние на жизненную и профессиональную траекторию молодого ученого в целом.

Эмпирической базой анализа динамики карьерных ориентаций молодых женщин и мужчин — ученых являются результаты социологических исследований, проведенных методом анкетного раздаточного опроса среди научных сотрудников НАН Беларуси (в том числе молодых ученых до 35 лет) при непосредственном участии автора:

2017 г. — социологический опрос в рамках исследования карьеры молодого ученого в академической науке как объекта социологического изучения и управления при поддержке гранта БРФФИ «Наука–М» (договор № Г16М-093 от 20 мая 2016 г.). Генеральную совокупность представляют молодые ученые, работающие в НАН Беларуси. Выборочная совокупность исследования представлена 316 молодыми учеными НАН Беларуси в возрасте до 35 лет (уровень погрешности не превышает 4,4% при $\alpha = 0,05$).

2020 г. — социологический опрос, целью которого было изучение профессионального положения и миграционных намерений научных сотрудников НАН Беларуси. Исследование проводилось в рамках реализации проекта, поддержанного грантом «БРФФИ–РФФИ М–2019» (договор № Г19РМ-028 от 30 мая 2019 г.). По репрезентативной выборке был опрошен 501 респондент, среди них 199 молодых ученых до 35 лет ($\Delta = \pm 4,17\%$, при $\alpha = 0,05$).

Ввод, обработка и математический анализ эмпирических данных анкетных опросов были осуществлены автором самостоятельно при помощи статистического пакета для социальных

наук (SPSS Statistics 22.0). Возможности этой программы позволили использовать методы дескриптивной статистики, двумерный и многомерный анализ. Выявление различий между двумя независимыми выборками проводилось при помощи статистического критерия F-тест (угловое преобразование Фишера) — непараметрического метода сравнения, применяемого для сравнения независимых групп.

Личностная мотивация выбора науки в качестве трудовой сферы деятельности тесным образом переплетается с профессиональным призванием и наличием необходимых образовательных и профессиональных компетенций для самореализации в научной сфере (к примеру, особых интеллектуальных и творческих способностей). В свое время немецкий социолог М. Вебер отметил, что для того, чтобы наука расценивалась как призвание, недостаточно лишь врожденных способностей и научного «вдохновения», необходимо быть «увлеченным наукой», «служить лишь одному делу» и заниматься наукой «ради нее самой» (Вебер, 1990: 707–713). Наличие интеллектуальных способностей в совокупности со стремлением внести вклад в развитие науки являются важными мотивирующими факторами при реализации различных карьерных стратегий молодых ученых. Результаты социологических исследований демонстрируют уверенность более половины молодых ученых в выборе своего профессионального пути (см. рис. 1).

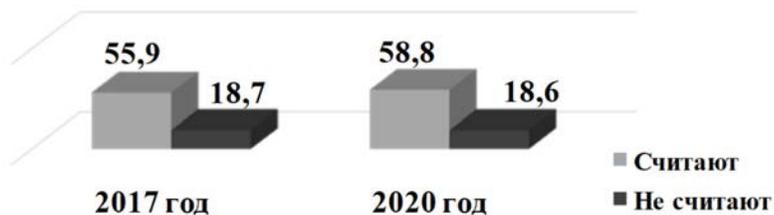

Рис. 1. «Считаете ли Вы, что научная деятельность — это Ваше призвание?», мнение молодых ученых НАН Беларуси в 2017 и 2020 гг. (в %)

Большинство молодых ученых в 2017 и 2020 гг. назвали научную деятельность своим призванием: 55,9% (в т. ч. 54,7% женщин, 56,8% мужчин) и 58,8% (в т. ч. 54,4% женщин, 64,7% мужчин) соответственно. Практически каждый пятый молодой ученый независимо от гендера отметил, что не считает трудовую деятельность в сфере науки своим призванием (18,9% мужчин и 18,8% женщин в 2017 г., 16,5% мужчин и 20,2% женщин в 2020 г.). Затруднились ответить на поставленный вопрос 25,4% молодых ученых в 2017 г. (в т. ч. 24,2% мужчин и 26,5% женщин) и 22,6% — в 2020 г. (в т. ч. 18,8% мужчин и 25,4% женщин); различий в выборе этой альтернативы между молодыми мужчинами и женщинами учеными не было выявлено: φ^* эмп = 0,457; φ^* эмп = 1,115.

Следует отметить, что в целом, как в 2017, так и в 2020 г., у молодых ученых преобладала ориентация на смешанный тип профессиональной научной карьеры — монетарно-квалификационный. При этом наблюдались различия в отдельных карьерных ориентациях среди молодых ученых — женщин и мужчин (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Карьерные ориентации женщин и мужчин — молодых ученых
НАН Беларуси в 2017 и 2020 г. (в %)**

Типы профессиональной карьеры	2017 год		2020 год	
	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щины	Муж- чины
Монетарная карьера				
Получать достойное вознаграждение за достигнутые результаты	64,8	61,4	61,4	58,3
Иметь максимальную заработную плату за свой труд	25,3	43,2	26,3	38,1
Квалификационная карьера				
Продвигать собственные исследовательские темы	26,9	37,1	31,6	34,5
Предлагать новые идеи, замыслы	31,9	47,0	44,7	52,4

Типы профессиональной карьеры	2017 год		2020 год	
	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щины	Муж- чины
Исполнительная карьера				
Делать все, что от Вас потребуют	13,7	11,4	11,4	10,7
Ответственно выполнять служебные обязанности	43,4	28,0	48,2	33,3
Статусная карьера				
Добиться признания среди профессионалов	42,9	30,3	36,0	39,3
Достичь высокого служебного положения	9,9	6,1	12,3	6,0

Анализ динамики карьерных ориентаций молодых мужчин и женщин — ученых, представленных в таблице 1 позволяет сделать вывод, что в 2017 г. доля тех, кто был ориентирован на продвижение собственных исследовательских тем, новых идей, максимальную заработную плату за свой труд, была выше среди молодых мужчин-ученых, чем среди молодых женщин-ученых: 37,1%, 47,0%, 43,2% и 26,9%, 31,9%, 25,3% соответственно (различия статистически значимы: φ^* эмп = 1,917, $\rho < 0,03$; φ^* эмп = 2,716, $\rho < 0,01$; φ^* эмп = 3,328, $\rho < 0,001$). Вместе с тем доля тех, кто ориентирован на достижение признания среди профессионалов, ответственное выполнение служебных обязанностей, была выше среди молодых женщин-ученых, по сравнению с молодыми учеными-мужчинами: 42,9%, 43,4% и 30,3% и 28,0% соответственно (φ^* эмп = 2,288, $\rho < 0,001$; φ^* эмп = 2,822, $\rho < 0,01$).

Однако в 2020 г. мужчины-ученые оказались более ориентированы исключительно на получение максимальной заработной платы за свой труд, в сравнении с женщинами-учеными: 38,1% и 26,3% соответственно (φ^* эмп = 1,760, $\rho < 0,04$). Среди тех, кто ориентирован в своей научной деятельности на ответственное выполнение служебных обязанностей, доля женщин-ученых (как и в 2017 г.) осталась выше доли мужчин-ученых: 48,2% и 33,3% соответственно (φ^* эмп = 2,119, $\rho < 0,02$).

Таким образом, исследование динамики карьерных ориентаций молодых женщин и мужчин — ученых позволяет сделать

следующие основные выводы. *Во-первых*, более половины молодых ученых в 2017 и 2020 гг., независимо от гендера, считали научную деятельность своим призванием. *Во-вторых*, различия в карьерных ориентациях между молодыми мужчинами и женщинами — учеными были выявлены по пяти позициям в 2017 г., в то время как в 2020 г. — только по двум. Молодые мужчины-ученые характеризуются устойчивостью ориентации на максимальную заработную плату по сравнению с женщинами-учеными. В то время как молодые женщины-ученые сохраняют приверженность к ответственному выполнению служебных обязанностей.

Социологическое сопровождение изучения карьерных ориентаций молодых ученых является необходимым с точки зрения получения актуальной, оперативной эмпирической информации для мониторинга динамики анализируемого проблемно-предметного поля. Практическая значимость дальнейшего развития исследований в области карьерных ориентаций академической научной молодежи связана с возможностью применения полученных научных результатов в организационно-управленческой деятельности научных учреждений для повышения качества профессиональной подготовки специалиста-исследователя, развития и формирования его личности, улучшения его карьерных возможностей. Полученные социологические данные позволят скорректировать механизмы привлечения и закрепления молодых научных кадров в рамках научной организации и ее структурных подразделений с учетом различных карьерных стратегий молодых мужчин и женщин — ученых, что положительно скажется на повышении эффективности научной молодежи, которая обладает интеллектуальным и творческим потенциалом.

Список литературы

Вебер М. Наука как профессия и призвание // Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

Соловей А.П. Факторы и условия построения карьеры молодыми учеными НАН Беларуси // Наука и инновации. 2020. № 2. С. 4–7.

DYNAMICS OF THE CAREER ORIENTATIONS OF YOUNG SCIENTISTS OF NAS OF BELARUS: GENDER DIMENSION

Alesia P. Salavei

Researcher, Institute of Sociology
of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus;
e-mail: alesia.salaviej@gmail.com

The article, based on the results of sociological research, deals with the career orientations of young scientists, with a focus on gender differences. More than a half of young scientists regardless of gender consider scientific activity as their vocation. Young scientists of the National Academy of Sciences of Belarus are characterized by mixed type of scientific career, which combines monetary and qualification career with responsible performance of official duties and orientation towards recognition among professionals. The research revealed statistically significant correlations between the gender of young scientist and the type of career preferred (that is qualification, monetary, status or executive career). Analysis of dynamics of career orientations of young scientists, men and women, allows to conclude that in 2017 the share of scientists focused on promoting their own research topics, new ideas and on maximum wage for their work was higher among young men, while the share of scientists preferring to achieve recognition among professionals and to perform responsibly their official duties was higher among young women. In 2020 young male scientists focused solely on receiving maximum wage for their work more often than young female scientists did. Among those who were focused in their scientific activities on the responsible performance of official duties, the proportion of female scientists was higher than the proportion of male scientists. Thus, young male scientists are characterized by stable orientation towards maximum wages, and young female scientists remain committed to responsible performance of official duties. The practical significance of further development of research in the field of career orientations of young academics is determined by the possibility of applying the scientific results obtained to improve the quality of professional training of a specialist-researcher, the development and formation of his personality, improving his career opportunities.

Keywords: young scientist, professional identity, career orientation, gender dimension

УДК: 001.32:656.881.33

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-172-180

ОБРАЗ УЧЕНОГО В СЕТЕВЫХ ИЗДАНИЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Евгений Валерьевич Шухно

научный сотрудник
Института социологии НАН Беларуси,
Минск, Беларусь;
e-mail: eshuhno@mail.ru

В статье рассматривается образ ученого, формируемый в сетевых средствах массовой информации Республики Беларусь. Выделены структурные характеристики образа ученого: субъектная, атрибутивная (физическая, личностная, профессиональная), процессуальная, топографическая, оценочная. Обоснована необходимость изучения образа ученого в наиболее востребованном в настоящее время сегменте информационного поля — средствах массовой информации, функционирующих в сети «Интернет». На основании результатов социологического исследования, проведенного методом контент-анализа, представлена репрезентация образа ученого. Реконструирован «портрет» ученого, конструируемый сетевыми изданиями Республики. Осуществлено сопоставление образа ученого в сетевых изданиях государственной и частной формы собственности. Отмечена необходимость определения функциональности / дисфункциональности транслируемого образа ученого с точки зрения повышения престижа профессии ученого в современном обществе, популяризации научной деятельности, привлечения новых поколений молодых людей в научную сферу.

Ключевые слова: наука, ученый, научный работник, образ ученого, науковедение, социология науки, средства массовой информации, сетевое издание

Благодарность

Исследование выполнено в рамках реализации проекта, поддержанного БРФФИ «Наука-М», договор № Г21М-055 «Репрезентация образа ученого в средствах массовой информации Республики Беларусь как фактор повышения престижа профессии ученого, привлечения и закрепления научных кадров».

Актуальность изучения репрезентации образа ученого в средствах массовой информации обуславливается их ролью в формировании имиджа научной деятельности и ученого как личности и профессионала в общественном сознании населения Республики Беларусь. Трансляция средствами массовой информации позитивных установок, представлений, стереотипов, ролевых моделей ученых (как белорусских, так и зарубежных) может содействовать повышению престижа профессии ученого в белорусском обществе и способствовать рекрутации и последующему закреплению научных кадров. В свою очередь, трансляция негативных представлений о профессии ученого является сдерживающим фактором прихода в науку, снижает трудовую мотивацию научных работников.

В структурном отношении понятие «образ ученого» может развертываться посредством субъектной, атрибутивной (в том числе личностной и профессиональной), процессуальной, топографической и оценочной составляющих. Субъектная компонента выступает ведущим аспектом репрезентации образа ученого и исходно раскрывается через концепт «ученый», при этом к числу потенциальных номинаций относятся исследователь, специалист, научный работник. Атрибутивная компонента содержит большинство характеристик, описывающих субъектную составляющую рассматриваемого понятия, включая физическую (такие объективные характеристики индивида, как пол, возраст, раса и др.), личностную (субъективные качества индивида, поведенческие особенности) и профессиональную (трудовые

характеристики). Процессуальная характеристика отражает деятельность ученого и ее результаты. Топографическая характеристика выражает пространственный аспект репрезентации образа ученого. Оценочная составляющая задает модальность, определенное отношение к формируемому образу ученого и занимает обособленное, внешнее положение относительно других структурных компонентов концепта «образ ученого».

Сбор первичной социологической информации в данном исследовании осуществлялся посредством контент-анализа. Выборочную совокупность (178 статей) составили материалы интернет-порталов, зарегистрированных в государственном реестре сетевых изданий, — «Onliner.by» и «СБ. Беларусь сегодня» (sb.by) за период с 1 января по 31 декабря 2021 г. В соответствии с белорусским законодательством, «Сетевое издание представляет собой Интернет-ресурс, прошедший государственную регистрацию в порядке, установленном Законом Республики Беларусь о средствах массовой информации» (Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации»). За рассматриваемый период на сайте сетевого издания «Onliner.by» было выявлено 30 статей, в которых репрезентируются ученые и / или научная деятельность. В то же время на портале сетевого издания «СБ. Беларусь сегодня» было обнаружено 148 материалов, рассматриваемой тематики. Выбор указанных СМИ обуславливается, во-первых, их востребованностью у населения; во-вторых, их включенностью в официальное поле средств массовой информации Республики; в-третьих, дифференциацией их формы собственности (государственная и частная).

Материалы (статьи) были отнесены к трем категориям в зависимости от уровня репрезентации образа ученого: 1) статьи, посвященные отдельным ученым (реже нескольким представителям исследовательского коллектива) и представляющие собой нарратив в виде интервью или рассказа о их жизни и деятельности — эксплицитный уровень; 2) комментарии представителей

научного сообщества по актуальным вопросам современной социальной, политической, экономической, культурной ситуации — промежуточный уровень; 3) упоминания об ученых / их деятельности — имплицитный уровень. Материалы первого типа репрезентируют комплексный имидж ученого, включая подробные субъектные, физические, личностные, профессиональные, топографические, процессуальные и оценочные характеристики, и служат предметом дальнейшего рассмотрения.

За период с 1 января по 31 декабря 2021 г. на портале сетевого издания «Onliner.by» было выявлено 30 статей, в которых репрезентируются ученые и / или научная деятельность. Ученым (лицам, занимавшимся в течение определенного периода своей жизни научной деятельностью) посвящено 7 публикаций (материалы первой категории), представлены также 16 статей-комментариев, 7 статей, содержащих упоминания, ссылки на ученых.

Субъектная характеристика. Все материалы персонифицированы (7). Только в одном из них вынесена в заглавие цитата ученого, ни в одном случае в заглавии не указаны имя и фамилия ученого, однако в 5 материалах указаны другие идентифицирующие субъект нарратива характеристики. Большинство материалов (6) представляют собой рассказ о личности и ее деятельности, лишь одна статья содержит интервью, что обусловлено либо тем, что герои статей не являются современниками авторов, либо, когда речь идет о современных ученых, — географической удаленностью. В материалах «Onliner.by» субъект нарратива определяется как «ученый».

Топографическая характеристика. Одним из важнейших индикаторов, позволяющих судить о локусе репрезентации ученого, выступают фотографические материалы. Фото представлено во всех анализируемых статьях (7). Их общее количество — 34. Условия, в которых представлены описываемые субъекты, — аудитория (3), полевые условия (2), кабинет (1), лаборатория (1). Государства, в которых жили и работали ученые,

идентифицированы в 7 случаях, в 2 — это Беларусь, в 3 — США, в 2 — СССР, в 1 — Япония, Великобритания и Россия.

Физическая характеристика. Среди ученых, представленных в публикациях «Onliner.by», 6 мужчин и 1 женщина. Возраст указан в 7 случаях. Место рождения — в 3 публикациях. Гражданство отмечено только в 1 случае, национальность — в 5 публикациях.

Профессиональная характеристика. В публикациях представлены следующие научные дисциплины: биология (2), химия, экономика, океанография. Должность героев публикаций указана в 3 случаях, в том числе 2 — преподаватели, 1 — вице-президент. Индикатор «ученая степень» указан в 3 публикациях: кандидат биологических наук — 1, PhD без конкретизации дисциплины — 2. В двух случаях отмечено ученое звание — профессор. В 5 материалах указана научная организация, в которой работали герои публикации (как в синхронном, так и в диахронном отношении). Структурное подразделение указано в 2 случаях, в обоих случаях это — лаборатория. Лишь в одном материале речь заходит о научном коллективе и работающих в нем молодых ученых. Во всех публикациях представлен путь их главного героя в науку, в то же время профессиональная траектория (карьера) репрезентирована в 4 статьях.

Личностная характеристика. В 2 случаях описаны увлечения ученых. Семья, родственники указаны в 6 публикациях. Награды, премии отмечены в 4 статьях.

За тот же период на портале сетевого издания «СБ. Беларусь сегодня» выявлено 146 материалов, посвященных ученым и / или научной деятельности, в том числе 45 персонифицированных материалов первой группы, 75 статей-комментариев, 26 статей третьей категории. Необходимо отметить, что интернет-сайт «СБ. Беларусь сегодня» также включает материалы таких изданий, как «Рэспубліка», «Народная газета», «Сельская газета», «Знамя юности», «Союз. Беларусь–Россия», что, наряду с государственной формой собственности и интересом к широкой

общественно-политической тематике, может объяснять столь значительное, в сравнении с порталом «Onliner.by», число релевантных исследовательской проблематике публикаций.

Субъектная характеристика. Все материалы персонифицированы (45). В 23 случаях в заглавии указаны имя, фамилия ученого, в целом субъект идентифицируется в 32 публикациях, в 13 материалах вынесена в заглавие цитата ученого. Большинство материалов (41) представляют собой интервью с учеными, 4 — рассказ о личности и ее деятельности. В материалах «СБ. Беларусь сегодня» субъект нарратива в абсолютном большинстве случаев определяется как «ученый» (29), значительно реже как исследователь (3) и специалист (2).

Топографическая характеристика. Фото представлено практически во всех анализируемых статьях (44). Их общее количество — 79. Условия, в которых представлены описываемые субъекты: лаборатория (10), кабинет (18), аудитория (4), дом / семья (2), полевые условия (1), другое (5). Практически во всех статьях (44) страна, в которой живут и работают ученые, — это Беларусь, лишь в 1 — Россия, Франция, СССР.

Физическая характеристика. Среди ученых, представленных в публикациях «СБ. Беларусь сегодня», 41 мужчина и 8 женщин. Возраст идентифицируется (указан) в 14 случаях. Место рождения указано в 11 публикациях. Брачно-семейный статус — в 5 материалах. Национальность и гражданство не отмечены ни в одной публикации.

Профессиональная характеристика. Научные дисциплины, в которых специализируются герои публикаций, следующие: биология (5), химия (3), география (3), генетика (3), физика (2), медицина (2), экономика (1), психология (1), астрономия (1), социология (1). Должность героев публикаций указана в 52 случаях, в том числе:

- 1) директор — 6,
- 2) заведующий лабораторией / ректор — 5,
- 3) старший преподаватель / декан / научный сотрудник — 3,

- 4) младший научный сотрудник / проректор / доцент / заместитель председателя Президиума НАН Беларуси / старший научный сотрудник / заведующий кафедрой / ученый секретарь — 2,
- 5) руководитель центра / руководитель аппарата НАН Беларуси / главный геронтолог / психолог / инженер / главный ученый секретарь / заместитель начальника центра / специалист / студент / заместитель председателя ГКНТ⁵ / заместитель директора — 1.

Индикатор «ученая степень» указан в 22 публикациях: кандидат наук — 9, доктор наук — 13. В 14 случаях отмечено наличие ученого звания, в том числе: академик (6), профессор (5), член-корреспондент (2), доцент (1). В 44 случаях указана научная организация, в которой работали / работают герои публикации, из них 19 — НАН Беларуси. В 9 материалах освещается деятельность научного коллектива, в 7 — отмечена роль молодых ученых. В 20 публикациях представлен путь их главного героя в науку и в 19 — профессиональная карьера.

Личностная характеристика. В 10 случаях описаны увлечения ученых. Семья, родственники упомянуты в 17 публикациях. Награды, премии отмечены в 11 статьях.

Проведенный анализ позволил эксплицировать гендерные, возрастные, статусные и должностные доминанты репрезентации образа ученого в белорусских сетевых средствах массовой информации, различия в конструировании образа ученого в государственных и негосударственных средствах массовой информации. Контентное исследование позволяет актуализировать вопрос функциональности и дисфункциональности образа ученого, конструируемого средствами массовой информации, с точки зрения его влияния на повышение престижа науки и профессии ученого в белорусском обществе. Доминирующий

⁵ Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь.

образ-«портрет» ученого (на основании синтеза атрибутивной, профессиональной, топографической компонент) — это белорусский ученый-мужчина, имеющий ученую степень и ученое звание, занимающий административный пост директора / ректора или их заместителя, в возрасте 40–50 лет, представитель естественных наук, репрезентированный в своем рабочем пространстве. Оценочная характеристика как интегральная внешняя по отношению к другим параметрам заключается преимущественно в имплицитной положительной оценке, реже имеет место эксплицитная позитивная оценка, практически отсутствует эксплицитная негативная; последняя, как правило, заключается в критической, скептической оценке отдельных исследовательских направлений.

Список литературы

О средствах массовой информации. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-3: в ред. от 24 мая 2021 г. № 110-3. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800427> (дата обращения: 25.05.2023).

THE IMAGE OF A SCIENTIST IN THE NETWORK EDITIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Yauheni V. Shukhno

Researcher,

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus,

Minsk, Republic of Belarus;

e-mail: eshuhno@mail.ru

The article deals with the image of a scientist, represented in the network media of the Republic of Belarus. Following structural characteristics of scientist's image are singled out: subjective, attributive (physical, personal, professional), procedural, topographic, evaluative. The necessity of studying the image of a scientist presented in the most demanded segment of contemporary media space, that is Internet mass media, is substantiated. Components of the image of a scientist discussed in the article are based on the results of content analysis sociological research. The "portrait" of a scientist, designed in the Internet publications of the Republic of Belarus, is reconstructed with special attention to comparative analysis of the image of scientists in the online publications of state and private media respectively. The article further substantiates the need to determine the functionality / dysfunctionality of the broadcast image of a scientist in terms of increasing the prestige of scientific profession in modern society, popularizing scientific activities, attracting to science new generations of young people.

Keywords: science, scientist, researcher, image of a scientist, science of science, sociology of science, mass media, network edition

Acknowledgement

The research was carried out within the framework of the project supported by BRFFI "Nauka-M", contract No. G21M-055 "Representation of the image of a scientist in the mass media of the Republic of Belarus as a factor of increasing the prestige of the scientist's profession, attracting and retaining scientific personnel".

**ПРОБЛЕМЫ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА
И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ИХ РЕШЕНИЮ
В ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКЕ ОМСКИХ ВРАЧЕЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX —
НАЧАЛА XX ВЕКА**

Ксения Сергеевна Барабанова

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник лаборатории
исторических исследований Сургутского
государственного педагогического
университета, старший научный сотрудник
лаборатории междисциплинарных
исследований пространства Тюменского
государственного университета,
Тюмень, Россия;
e-mail: barabanova13@gmail.com

В 1883 г. в Омске было создано Омское медицинское общество, которое заняло важное место в жизни города. Общество стало площадкой для обмена знаниями между врачами, трудившимися по всей Западной Сибири. Омские врачи выступали в качестве главных экспертов в вопросах санитарии. Омское медицинское общество играло важную роль в профессиональной дискуссии, частью которой становились вопросы загрязнения пространства, так как этот фактор создавал идеальные условия для развития крупных эпидемий. Результаты исследований становились основой для диалога с властями и горожанами.

Ключевые слова: Омск, загрязнение, Омское медицинское общество, экспертиза

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ в рамках научного проекта № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Со второй половины XIX — начала XX в. актуальной проблемой для городов стало загрязнение пространства. В процессе индустриализации быстро росло население городов, с чем не справлялась существовавшая система вывоза отходов из выгребных ям и бытовых отходов. Эти отходы загрязняли источники питьевой воды, что способствовало распространению эпидемий холеры, тифа и дизентерии. В данной работе мы обратимся к проблеме загрязнения пространства и предложениям по ее решению на материалах Омска.

Главным действующим лицом в процессе выявления проблем загрязнения пространства стали омские врачи, использовавшие Омское медицинское общество, созданное в 1883 г., как площадку для дискуссий по этому вопросу. Необходимость в создании площадки для обмена знаниями появилась во время эпидемии оспы в 1882 г., когда омские врачи собирались у доктора В.М. Хаскина для обсуждения текущей ситуации (см.: Краткий обзор, 1909: 20). В Омское медицинское общество входили врачи, служившие по всей Западной Сибири и в Акмолинской области. Почти все сибирские медики были или действующими военными врачами, или находились в отставке (Федорова, Ахтулова, 2002: 156). Члены общества имели широкую сеть корреспондентов по всему миру, что позволяло поддерживать трансфер знаний и повышать квалификацию врачей. В фондах библиотеки Омского медицинского общества хранились книги, переданные в дар от других региональных медицинских обществ.

Омское медицинское общество в первые же годы своего существования заработало репутацию научного общества и работало наравне с Западно-Сибирским отделом Императорского русского

географического общества, образованным в 1877 г. Для местных властей члены медицинского общества обладали высокой квалификацией и были частью военного сообщества, что наделяло их хорошей репутацией, благодаря чему омские врачи становились в глазах администрации экспертами во многих сферах жизни.

Наиболее актуальной проблемой для Омска, к которой чаще всего обращались члены медицинского общества на своих собраниях, было санитарное загрязнение пространства города. Для врачей второй половины XIX — начала XX в. антисанитария на городских улицах являлась причиной возможных крупных эпидемий с большим количеством жертв. Улучшение же водоснабжения, организация канализации, вывоза нечистот и уборка улиц от мусора позволяли снизить риски вспышек в первую очередь желудочно-кишечных инфекций (холеры, тифа, дизентерии), которые были главной угрозой для здоровья населения в тот период.

Во второй половине XIX — начале XX в. Омск представлял довольно печальное зрелище в плане санитарного загрязнения, чему также способствовали и природные условия, в которых был выстроен город. Так как Омск находился на границе со степью, его постоянно окутывало «облаками едкой желтой пыли» (Майский, 1964: 40) и продували ветра. Город задыхался от пыли (Носилов, 1896: 460). Омск описывали, как «сплошную грязь» (Абакари, 1993: 53). Решением этой проблемы было озеленение города, процесс которого затянулся до второй половины XX в. (Барабанова, 2022: 282–300). Вместе с пылью город был заполнен бытовым мусором.

Наиболее актуальной проблемой для горожан была питьевая вода и ее качество. По мнению медицинского сообщества, вода несла главную угрозу здоровью омичей. В условиях отсутствия чистой питьевой воды в городе быстро развивались эпидемии холеры и дизентерии.

Главным исследователем состояния омских источников питьевой воды стал старший ординатор Омского военного госпиталя Петр Андреевич Соломин. Он был активным членом Омского

медицинского общества и в разные годы занимал должность библиотекаря, а также был председателем общества. Соломин занимался не только организаторскими вопросами, но и выступал с докладами на заседаниях, где представлял результаты своей работы в качестве руководителя Омской санитарно-химической лаборатории по исследованию питьевой воды в городе. Лаборатория начала свою работу в 1885 г. в околотке Омской дисциплинарной роты, а позднее размещалась в Омском военном госпитале и в помещении аптеки общества.

Основным источником питьевой воды для города были реки Иртыш и Омь, которые протекали через Омск. Осмотр же омских колодцев, который проводился в 1877 г., показал, что из 918 колодцев только в 181 была пригодная для употребления вода.

Проблема водоснабжения Омска была одной из тем исследований, которыми занимался Соломин. Свои изыскания он начал еще в 1885 г., когда пришел к выводу, что воду из Иртыша можно брать только с плотов или при помощи насосов с середины реки. Воду из Оми он охарактеризовал как нечистую и с повышенным содержанием аммиака, нитритов и нитратов (Соломин, 1886: 133). Вредное влияние на качество омской воды оказывали госпитальная прачечная, салотопительный завод, бойни и бани, расположенные на берегу рек. Бани были отдельной проблемой для города. Они не только сбрасывали неочищенные сточные воды в городские реки, но и были рассадником болезней, к примеру, чесотки и даже оспы (Барабанова, 2022: 229–233).

В 1892 г., когда по Российской империи шествовала эпидемия холеры, в Омске также ожидали эту гостью. В связи с этим были предложены меры по обеспечению омичей предметами первой необходимости и по устройству общественных чайных для бедных, где бы раздавали кипяченую (отварную) воду, «ввиду того, что иртышская вода крайне загрязнена и небезопасна для употребления» (Заявление председательствующего, 1893: 72). К изучению санитарного состояния Омска и источников водоснабжения подключились коллеги Соломина.

При осмотре Луговского форштадта, расположенного на левом берегу Оми, доктор М.А. Шиперович сделал вывод о необходимости выселения жителей этого участка. Осмотр проводился 20, 24 и 25 июля 1893 г., но на Луговском участке были еще заметны следы весеннего разлива Оми, стояли глубокие лужи, распространявшие вокруг сильное зловоние. Нечистоты и мусор из дворов не вывозились. Население Луговского участка брало воду из Оми; врач охарактеризовал ее как «мутную, неприятного запаха и противного вкуса». Вода из трех колодцев была не лучше и также должна была быть признана негодной для употребления (Соломин, 1893: 78–79).

Во время эпидемии холеры 1892 г. П.А. Соломин высказал предположение, что на столь быстрое развитие эпидемии повлияло загрязнение почвы. До декабря 1886 г. снег, мусор и отбросы помимо навоза вывозили на Иртыш, а весной все накопленное на льду за зиму уносила река. Омская городская дума же постановила «вывозить чистый снег из дворов на улицу, разравнивая его хорошенько» (Сообщение председателя, 1893: 92–93).

Осенью 1892 г., когда холера отступила от Омска, но врачи готовились к ее возвращению следующим летом, Комитет общественного здоровья пришел к выводам, что санитарное устройство городов области страдает по нескольким причинам. Во-первых, из-за загрязнения питьевой воды от свалки навоза и нечистот прямо на берега рек и озер. Во-вторых, от плохого устройства ретирадных и помойных ям во дворах обывателей. В-третьих, из-за загрязнения улиц и площадей. Четвертой причиной стал слив стоков бань в источники питьевой воды. И наконец, это сброс отходов салотопенных и кожевенных производств (Полубинский, 1893: 26).

В 1893 г. С.М. Данюшевский выступил на заседании Омского медицинского общества с сообщением на тему «Анализ воды р. Иртыша у правого его берега на разных местностях» (Данюшевский, 1894: 223–224). В своем докладе он провел сравнение с результатами, полученными П.А. Соломиным в 1887 г.

За прошедшие шесть лет вода в Иртыше загрязнилась в полтора раза. Данюшевский высказал мнение, что эти результаты указывают на необходимость организации в Омске водопровода.

В 1900 г. в Омское медицинское общество обратились с просьбой дать заключение о пригодности для питья воды из Иртыша без отстойки. Р.Ф. Гундриаер предложил использовать сведения, полученные в 1893 г., на что коллеги отметили, что качество воды могло измениться. На берег Иртыша сваливали навоз и нечистоты железной дороги, в ближайших к городу поселках городские бани продолжали спускать нефильТРованные стоки и пр. П.А. Соломин предложил проводить периодические исследования воды и в первую очередь обратить внимание на содержание аммиака, хлора, органических веществ и т. д. (Доклад секретаря о предложении, 1901: 63). Анализом иртышской воды занялись П.А. Соломин и Р.Ф. Гундриаер. Первые пробы были взяты зимой 1900–1901 гг. напротив Кадетского корпуса и дисциплинарной роты. В исследовании проб участвовал ветеринарный врач В.В. Соколов, который не нашел патогенных микробов и пришел к выводу, что вода годна к употреблению (Соломин, 1901: 78).

В 1901 г. П.А. Соломин выступил с публичной лекцией, организованной Омским медицинским обществом, на тему «Питьевая вода г. Омска» (Барабанова, 2023: 341–360). В том же году он сделал доклад на заседании медицинского общества, где рассказал о водопроводе и канализации во Франкфурте-на-Майне и поделился впечатлениями об осмотре системы водоотведения. Соломин указал, что проблема устройства канализации крайне актуальна для Российской империи (П.С., 1901: 213).

Отметим, что первые предложения Соломина и его коллег по улучшению качества воды сводились к установке помостов, с которых водовозы смогли бы набирать воду из рек. Позднее была предложена установка труб, по которым водозабор бы производился бы с середины Иртыша. Соломин одним из первых указал на необходимость строительства водопровода и фильтров.

Первый водопровод в Омске начал свою работу только в 1915 г. Местные врачи активно участвовали в продвижении идеи его строительства, выступая главными экспертами в вопросе загрязнения воды и связанной с ней угрозы жизни и здоровью омичей.

Таким образом, медицинское сообщество Омска активно исследовало проблему загрязнения городского пространства. Первым и наиболее важным вопросом была проблема загрязнения источников питьевой воды — рек Оми и Иртыша, а также состояние воды из городских колодцев. Такой акцент был сделан в свете высокого уровня желудочно-кишечных заболеваний среди горожан. Отметим, что для Российской империи в целом проблема создания городской водной инфраструктуры была крайне актуальной. В Омске, как и во многих других городах империи, врачи выступали в роли главных экспертов по вопросам борьбы с загрязнением пространства и выстраивали диалог с властями, используя понятные последним аргументы (главным из которых была угроза возникновения крупных эпидемий). Медики также предлагали и пути решения проблем с загрязнением пространства, при этом показывая высокую осведомленность об опыте своих российских и зарубежных коллег, а также разбираясь в технических деталях строительства сложных элементов городской водной инфраструктуры (водопровод, канализация, фильтры).

Список литературы

Абакари С. Мое путешествие в Россию и Сибирь // Азия и Африка сегодня. 1993. № 10. С. 48–53.

Барабанова К.С. Грязь в чистом пространстве бани: омские бани в конце XIX века // Домашняя повседневность населения России: история и современность. Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В.А. Веременко. Т. 1. СПб.: Медиапайр, 2022. С. 229–233.

Барабанова К.С. Зеленые пространства Омска в конце XIX — начале XX вв.: проекты и инициативы по озеленению города // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 9. С. 282–300.

Барабанова К.С. Просветительская деятельность Омского медицинского общества в конце XIX — начале XX веков // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 3. С. 341–360.

Данюшевский С.М. Анализ воды р. Иртыша у правого его берега. Протокол заседания общества омских врачей № 11 от 11 июля 1893 // Протоколы Омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1894. С. 223–224.

Доклад секретаря о предложении Сибирского кадетского корпуса относительно годности воды р. Иртыша // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1901. С. 62 – 63.

Заявление председательствующего о желательности устройства чайных и проч. // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1893. С. 72 – 73.

Краткий обзор о деятельности Омского медицинского общества за 25 лет его существования: 1883–1908 гг. Омск: тип. Штаба Омского военного округа, 1909. 111 с.

Майский И.М. Воспоминания советского посла. Кн. 1: Путешествие в прошлое. М.: Наука, 1964. 539 с.

Носилов К.Д. По Юго-Западной Сибири // Естествознание и география. 1896. № 4. С. 456–471.

П.С. О водопроводе и канализации во Франкфурте-на-Майне // Протоколы Омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1901. С. 211–217.

Полубинский А.А. О мерах против холеры // Протоколы Омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1893. С. 26–34.

Соломин П.А. Данные химико-бактериологического анализа р. Иртыша // Протоколы Омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1901. С. 77–78.

Соломин П.А. О результатах химического анализа воды, взятой из р.р. Иртыша и Оми и некоторых колодцев г. Омска // Протоколы заседания общества омских врачей. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1886. С. 123 – 134.

Сообщение председателя о дальнейшем распространении холерной эпидемии в Западной Сибири и прения по этому поводу // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1893. С. 92–93.

Федорова Г.В., Ахтулова Л.А. Общественная медицина в Омске (к 120-летию основания Омского медицинского общества) // Омский научный вестник. 2002. С. 155–159.

Чтение сообщения П.А. Соломина об источниках водоснабжения по линии Западно-Сибирской железной дороги // Протоколы Омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1899. С. 135 – 136.

**PROBLEMS OF SPACE POLLUTION
AND PROPOSALS FOR THEIR SOLUTION
IN THE EXPERT ASSESSMENT OF OMSK
DOCTORS IN THE SECOND HALF
OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES**

Ksenia Sergeevna Barabanova

PhD in History, Senior researcher,
Laboratory of Historical Research,
Surgut State Pedagogical University;
Senior researcher,
Laboratory for Interdisciplinary Space Research,
Tyumen State University,
Tyumen, Russia;
e-mail: barabanova13@gmail.com

In 1883, the Omsk Medical Society was established in Omsk, which played an important place in the life of the city. The society became a platform for the exchange of knowledge between doctors who worked throughout Western Siberia. Omsk doctors acted as the main experts in matters of sanitation. The Omsk Medical Society played the role of a platform for professional discussion, part of which was space pollution, since this problem created ideal conditions for the development of major epidemics. The results of the research became the basis for a dialogue with authorities and citizens.

Keywords: Omsk, pollution, Omsk Medical Society, expertise

Acknowledgments

The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 “Human and the changing Space of Ural and Siberia”.

УДК: 001.4(091)

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-190-199

**РЕВОЛЮЦИОНЕР, БОЛЬШЕВИК,
ГЛАВА ЛЕНИНГРАДСКИХ НАУЧНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ, СОТРУДНИК БАН
(К ПОРТРЕТУ М.Е. ФЕДОСЕЕВА)**

Светлана Игоревна Зенкевич

кандидат филологических наук,
научный сотрудник Библиотеки
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: s.zenkevich@gmail.com

Анна Артефьевна Балакина

главный библиотекарь Библиотеки
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: balakinaaa@gmail.com

В работе рассмотрена академическая деятельность коммуниста с Урала М.Е. Федосеева, в 1936 г. — в период перевода Академии наук в Москву — приехавшего в Ленинград и сразу возглавившего Ленинградское административно-хозяйственное управление (ЛАХУ) — местный орган администрации АН СССР, а в годы войны, с 1942 по 1944 г., назначенного также уполномоченным Президиума АН СССР в Ленинграде. После войны Федосеев был понижен в должности, став заместителем директора по административно-хозяйственной части Института физиологии им. И.П. Павлова АН СССР, а с осени 1951 г.

пришел в Библиотеку Академии наук (БАН), где вскоре занял пост заведующего Бронированным фондом, в интеграции разрозненных частей которого в годы войны сыграл одну из главных ролей.

Ключевые слова: М.Е. Федосеев, Академия наук, Ленинградское административно-хозяйственное управление (ЛИАХУ), Библиотека Академии наук (БАН), Бронированный фонд

Михаил Ефимович Федосеев (1891 — после 1957 г.) никогда не становился героем отдельного исследования в русле истории Академии наук СССР и ее учреждений⁶. Однако на протяжении более чем двух десятилетий, в предвоенное, военное и послевоенное время, этот человек занимал влиятельные позиции в академической структуре Ленинграда, и его имя постоянно встречается в кадрах блокадной хроники, в эго-документах, в отдельных «историях» академических институций. В предлагаемой статье предпринимается попытка очертить насыщенную биографию Федосеева и его роль в организации академической науки Ленинграда и управлении ленинградскими учреждениями АН СССР. Попутно можно наметить целый ряд междисциплинарных проблем, таких как деятельность научных коллективов и руководство ими, диалог ученых с властью, «классовая» неприязнь между академическими учеными и партийными руководителями и т. п. В этих ракурсах фигура Федосеева представляется интересной и вполне заслуживающей внимания.

В биографии М.Е. Федосеева четко прослеживаются два этапа: доакадемический (доленинградский) и академический (ленинградский) — с 1936 г. Федосеев приехал в Ленинград, скорее всего, по партийной линии и сразу оказался в структуре АН СССР. За спиной у прошедшего Первую мировую и Гражданскую войну 45-летнего коммуниста со специальностью агронома-полевода⁷

⁶ Исключение составляют тезисы не сделанного по причине пандемии COVID-19 доклада, опубликованные авторами настоящей статьи (Зенкевич, Балакина, 2020).

⁷ Личное дело М.Е. Федосеева // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 158. Оп. 2л. Д. 13. Л. 183–184.

был солидный опыт партийного руководства на Урале и Дону, в том числе в боевой обстановке, а также опыт организации здравоохранения «на местах» (СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 2л. Д. 13. Л. 171–173), но к науке он на тот момент никакого отношения не имел.

В середине 1930-х гг. согласно постановлению Совнаркома от 25 апреля 1934 г. осуществлялся перевод Академии наук из Ленинграда в Москву (Комков и др., 1977: 58–60; Академия наук в решениях Политбюро, 2000: 141). В июне 1934 г. была создана временная комиссия Президиума Академии по заведованию ленинградскими учреждениями под председательством В.Л. Комарова (Из постановлений Президиума, 1935: 104). Функции хозяйственного обслуживания оставшихся в Ленинграде научных учреждений выполняло образованное в том же 1934 г. Ленинградское административно-хозяйственное управление — ЛАХУ (Кольцов, 1997: 22). Его с июня 1936 г. и возглавил к тому времени только приехавший в Ленинград Федосеев (СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 2л. Д. 13. Л. 176 об., 181), поселившись в служебной квартире на Университетской набережной, д. 5 по соседству с ЛАХУ. Предшественником Федосеева был Д.Б. Альтер⁸, возглавлявший ЛАХУ с 1934 г.⁹ В довоенное время основной задачей нашего героя в его «академической» должности было размещение и перемещение

Поскольку все документы личного дела (Д. 13) имеют сплошную пагинацию, в дальнейшем ссылки на него даются в тексте в скобках.

⁸ Давид Борисович Альтер (1906–1937), экономист, член ВКП(б). Арестован 17 июня 1936 г. 23 декабря 1936 г. осужден на 10 лет. Отбывал наказание на Соловках. Расстрелян в урочище Сандармох 2 ноября 1937 г. в ходе операции по «разгрузке» Соловецкого лагеря от наиболее опасного состава. См.: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKewjImLTL_OD-AhVtw4sKHQ1mCmYQFnoECAkQAQ&url=https%3A%2F%2Fvizn.nl.ru%2Fperson%2Fshow%2F220239&usg=AOvVaw3Lp1cEUhnhgqdrNJcU_eXu (дата обращения: 05.05.2023).

⁹ См.: *Весь Ленинград: адресная и справочная книга: 1934. Л.: Изд-во Лен-облсполкома и Ленсовета, 1934. С. 229.* Электронная копия доступна на сайте Российской национальной библиотеки (РНБ). URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020162/view> (дата обращения: 05.05.2023).

учреждений АН СССР и обслуживание освободившихся зданий, то есть, в первую очередь, «площадки», транспорт, финансы.

Полномочия и обязанности Федосеева, не покидавшего пределов Ленинграда, многократно возросли в 1941 г. Годы блокады стали своеобразной вершиной его карьеры.

В первые военные месяцы регламентацией научной деятельности Ленинграда занималась Комиссия по делам ленинградских академических учреждений, в трех основных составах под руководством троих академиков¹⁰ работавшая с августа 1941 по 10 апреля 1942 г. Федосеев как начальник ЛАХУ принимал участие в ее работе, присутствуя на заседаниях (Баженова, 2013: 539–542), что позволило ему по возможности максимально войти в курс научных дел. В сферу компетенции Комиссии входили: подготовка к эвакуации и эвакуация отдельных ученых и научных учреждений, изменение штатного расписания учреждений, обеспечение сотрудников Академии наук деньгами и продовольственными карточками, организация питания, лечения и сохранности имущества умерших и эвакуированных научных сотрудников (Там же: 556). Постепенно Комиссия, «освоившись» с блокадным бытом, обратилась и в сторону науки. На период руководства Комиссией востоковеда акад. И.Ю. Крачковского (январь–апрель 1942 г.) приходится заметный подъем научной деятельности ленинградских академических институтов (Там же: 557–558). Однако на заседании 10 апреля 1942 г. в работе ленинградских академических учреждений были выявлены злоупотребления и грубые недочеты, что — безотносительно справедливости или несправедливости такой оценки — привело к фактическому свертыванию Комиссии (Там же: 558, 561). Скорее, это был спланированный стратегический ход, направленный на подчинение ленинградской науки. На это намекает

¹⁰ Сначала ее возглавлял Л.А. Орбели, после его отъезда — С.А. Жебелёв, умерший 28 декабря 1941 г., и наконец, вплоть до ликвидации Комиссии, — И.Ю. Крачковский (Комков и др., 1977: 170).

в своем блокадном дневнике директор академического архива Г.А. Князев. Во главе академических учреждений Ленинграда ради приближения академической работы к оборонной тематике и восстановления научной и хозяйственной жизни был поставлен партийный уполномоченный — А.А. Фомин, а деятельность Комиссии превратилась в совещательный орган при уполномоченном (Князев, 2009: 623–624). ЛАХУ во главе с Федосеевым на момент ликвидации Комиссии в апреле 1942 г. продолжало вести всю хозяйственную работу (Там же).

Как видно из дальнейшего развития событий, Федосеев, с его партстажем и опытом организационной работы, в реалиях военного времени вольно или невольно воспользовался ситуацией, и весомость его позиции менее чем за год существенно укрепилась. В первые месяцы войны в ведении Федосеева находились исключительно хозяйственные вопросы — штаб МПВО, деятельность Академии на разных трудовых участках — оборонных работах, торфозаготовке и т. п. (Там же: 38, 86). Однако в условиях, когда многие академики уехали в эвакуацию, он шаг за шагом из «хозяйственника» превращался в одного из руководителей ленинградских академических учреждений, с чем, кстати, далеко не все ученые были согласны — например, Князев, который не без едкой иронии называл его «воеводой по Академии» и «маленьким Шумахером» (Там же: 1018, 1016).

В ведение возглавляемого Федосеевым ЛАХУ постепенно перетекает широкий комплекс вопросов эвакуации (и сотрудников с семьями, и фондов), организация комиссий по сохранности имущества, выдача продуктовых карточек и спецпайков; с ним решаются вопросы штатного расписания учреждений, выдача пропусков в институты и т. п. После сделанного 10 октября 1942 г. доклада Президиуму АН СССР, находящемуся в эвакуации в Свердловске, о положении дел в ленинградских академических учреждениях Федосеев получил назначение уполномоченным Президиума в Ленинграде (Бекжанова, Балакина, 2018: 143),

то есть произошла его своеобразная «инаугурация». Эту должность он занимал до 1 апреля 1944 г., когда в Ленинград вернулся вице-президент АН СССР Л.А. Орбели (Балакина, Бекжанова, 2019: 129). Таким образом, Федосеев, которого в 1941 г. почти не было слышно, за вторую половину 1942 г. принял в свои руки полномочия, превосходившие служебные предписания начальника ЛАХУ. Благодаря обстоятельствам, опыту и личной инициативе он стал более влиятельной фигурой, чем ему «предназначалось» на первых порах.

Отдельная страница деятельности Федосеева во время войны — организация доставки в Библиотеку Академии наук огромного массива Бронированного фонда АН СССР — то есть изданий Академии наук от основания академической типографии, — рассредоточенного в магазинах Академкниги в Москве и Ленинграде (Литейный пр., д. 53). Хронологическая канва этой передачи выглядит так. 13 июля 1942 г. директор БАН И.И. Яковкин обратился к тогдашнему уполномоченному Президиума АН СССР А.А. Фомину по поводу сохранности Бронфонда на складах Академкниги (Бекжанова, Балакина, 2018: 138). Спустя год, 14 июня 1943 г., уже под руководством Федосеева и по его распоряжению директором Академкниги П.И. Заржицким и уполномоченным по БАН В.М. Тамань, уполномоченным издательства АН З.И. Савиновой и главным библиотекарем Б.В. Дитман были опечатаны склады, в которых находились книги Бронфонда (Бекжанова, Балакина, 2019а: 111). 15 июля 1943 г. Федосеев проинформировал директора БАН Яковкина и вице-президента АН СССР акад. А.А. Байкова о состоянии дел с Бронфондом, в результате чего было предписано до полной передачи организовать повседневное наблюдение за книжными складами, упорядочить хранение и организовать их учет (Бекжанова, Балакина, 2019б: 42). 20 марта 1944 г. принято постановление Президиума АН СССР «О передаче Академкнигой бронированного фонда Президиума АН СССР Библиотеке АН СССР», согласно которому все работы требовалось завершить к 1 августа (Балакина,

Бекжанова, 2019: 126–127). Это постановление ускорило работу. 1 июня 1944 г. Федосеев, уже к тому времени уступивший пост уполномоченного вернувшемуся в Ленинград Л.А. Орбели и оставшийся только начальником ЛАХУ, распорядился с целью составления в течение месяца описи наличия Бронфонда создать бригады из академических сотрудников для соцсоревнования. В частности, БАН, участвуя в этом соцсоревновании, должна была выделить четыре бригады по три человека. ЛАХУ распорядилось «одновременно с переучетом бронированного фонда АН СССР Академкниге произвести передачу Бронфонда Библиотеке АН» (Бекжанова, Балакина, 2019в: 132–133). 5 июня 1944 г. распоряжением по ЛАХУ был установлен количественный состав экземпляров Бронфонда: издания до 1938 г. оставлять в пределах до 100 экз., а с 1939 г. по 50 экз. (излишки оставались в товарном фонде Академкниги) (Там же: 133). 21 июня 1944 г. Президиум АН СССР предписал Библиотеке составить проект частичного использования Бронфонда для комплектования научных книгохранилищ СССР и развития международного книгообмена (Там же: 135), что в результате и было сделано: из этого фонда впоследствии было доукомплектовано большое количество библиотек. 13 июля 1944 г. БАН в ответ на письмо Академкниги сообщила, что собирается сосредоточить весь Бронфонд в Ленинграде и поэтому просит переслать по одному экземпляру всех академических изданий начиная со второй половины 1941 г. (Там же: 140). 21 июля 1944 г. Академкнига проинформировала БАН о том, что в Ленинград будет отправлен весь Бронфонд с московского склада (Там же: 141). 25 июля 1944 г. Директор Академкниги Я.И. Изаксон, член инвентаризационной комиссии Б.Ю. Шипилло, главный библиотекарь БАН Б.В. Дитман и и. о. главного библиотекаря А.А. Петрова составили акт о приеме-передаче 827 133 ед. Бронфонда. Академкнига регулярно докладывала о ходе его перевозки Федосееву. С 3 июня по 24 июля 1944 г. на перевозке этого фонда было отработано 955 человекодней, причем Федосеев сумел привлечь для этого даже войсковую часть (Там

же: 142). 4 августа 1944 г. Федосеев доложил акад. Н.Г. Бруевичу, что весь Бронфонд собран в одном месте на Университетской наб., д. 5, и далее его нужно систематизировать и оценить, а также найти стеллажи (Там же: 144), что, несмотря на сложность этой задачи, тоже было сделано. Таким образом, Федосеев — один из активнейших участников передачи Бронфонда в БАН. История этой передачи обрисована в записке «Бронированный фонд академических изданий», составленной в августе 1944 г. (Там же: 149, 150).

В 1948 г. произошло понижение 57-летнего Федосеева в должности — после ЛАХУ он был назначен заместителем директора по административно-хозяйственной части Института физиологии им. И.П. Павлова АН СССР (СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 2л. Д. 13. Л. 171 об.). В 1951 г. он стал сотрудником БАН, в судьбе которой принимал самое деятельное участие в бытность начальником ЛАХУ и уполномоченным Президиума. С 5 сентября он трудился в отделе систематизации. Являясь агрономом-полеводом по образованию, он взял на себя «временную работу по организации раздела сельского хозяйства систематического каталога (сбор материала, его предварительная систематизация, подготовка рабочей схемы классификации и т. п.)» (СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 2л. Д. 13. Л. 176 об.). Чуть позже по приказу от 5 ноября 1952 г. Федосеев ожидаемо занял должность главного библиотекаря и заведующего Отделом Бронированного фонда и оставался на этом посту до выхода на пенсию 19 апреля 1957 г. (Там же).

Итак, М.Е. Федосеев — интересная и влиятельная фигура в академической жизни Ленинграда 1930–1950-х гг. В условиях блокады и выезда в эвакуацию многих академиков он взял в свои руки власть, получил большие полномочия, а значит, принял на себя и большую ответственность, став важным звеном во взаимоотношениях академических учреждений Ленинграда с Президиумом АН СССР, а также с Горкомом КПСС. Заметную роль сыграл он и в истории БАН.

Список литературы и источников

Личное дело М.Е. Федосеева // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 158. Оп. 2л. Д. 13.

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. 591 с.

Баженова Н.М. Комиссия по делам ленинградских академических учреждений (конец августа 1941 — 10 апреля 1942 г.) // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: Исторические очерки. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 530–570.

Балакина А.А., Бекжанова Н.В. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, январь–апрель 1944 г. // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 3 (68). С. 115–133

Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, 1942 г. // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 4 (65). С. 129–148.

Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, январь–июнь 1943 г. // Петербургская библиотечная школа. 2019а. № 1 (66). С. 97–114.

Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, июль–декабрь 1943 г. // Петербургская библиотечная школа. 2019б. № 2 (67). С. 40–62.

Бекжанова Н.В., Балакина А.А. Библиотека Российской академии наук (БАН). Хроника военных лет, май–август 1944 г. // Петербургская библиотечная школа. 2019в. № 4 (69). С. 127–150.

Весь Ленинград: адресная и справочная книга: 1934. Л.: Изд-во Ленobl-исполкома и Ленсовета, 1934. 1070 с.

Зенкевич С.И., Балакина А.А. М.Е. Федосеев: Штрихи к портрету «начальника ЛАХУ» // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2020. М.: ИИЕТ РАН, 2020. С. 683–687

Из постановлений Президиума // Вестник АН СССР. 1935. № 7–8. Стлб. 99–106.

Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945 / Отв. ред. Н.П. Копанева. СПб.: Наука, 2009. 1220 с.

Кольцов А.В. Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: Наука, 1997. 192 с.

Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк: В 2 т. Т. 2: 1917–1976. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1977. 456 с.

**REVOLUTIONARY, BOLSHEVIK, THE CHIEF
OF LENINGRAD ACADEMIC INSTITUTIONS,
AN EMPLOYEE OF THE ACADEMIC LIBRARY
(TO THE PORTRAIT OF
MIKHAIL E. FEDOSEEV)**

Svetlana I. Zenkevich

PhD in Philology, Researcher,
The Library of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia;
e-mail: s.zenkevich@gmail.com

Anna A. Balakina

Chief librarian,
The Library of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia;
e-mail: balakinaaa@gmail.com

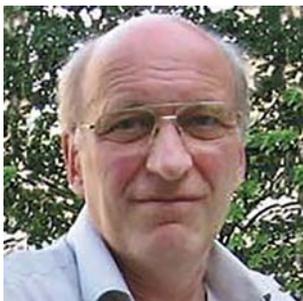
The paper concerns the multidimensional activity of Mikhail E. Fedoseev, a communist from Ural who arrived in Leningrad in 1936 during the period of transfer of the Academy of Sciences to Moscow. Fedoseev headed immediately the Leningrad Administrative and Economic Department (LAHU), the local administrative body of the USSR Academy of Sciences. During the war from 1942 to 1944 Fedoseev was appointed an authorized representative of the Academy of Sciences Presidium in Leningrad. After the war, he was demoted to the position of assistant director of I.P. Pavlov Institute of Physiology responsible for administration and economy. In 1951 Fedoseev came to the Library of the Academy of Sciences (BAN) and soon became the head of the Reserved book fund which was formed with his active participation during the war.

Keywords: M.E. Fedoseev, Academy of Sciences, Leningrad Administrative and Economic Department, the Library of the Academy of Sciences, Reserved book fund

УДК: 316.323(091)

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-200-207

В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВА: Ф.Г. ДОБРЖАНСКИЙ И МЕРИТОКРАТИЯ

Михаил Борисович Конашев

доктор философских наук,
главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: mbkonashev@mail.ru

В научном творчестве Феодосия Григорьевича Добржанского (1900–1975) — выдающегося российско-американского генетика, эволюциониста, энтомолога, одного из создателей современной теории биологической эволюции и основателя международной школы эволюционной генетики, важное место занимают социальные, политические, культурные и философские аспекты эволюционно-генетических процессов в человеческих популяциях. Эти аспекты рассматривались им в докладах на международных конференциях, в ряде статей и в нескольких книгах, в частности в книге «Эволюционирующее человечество», опубликованной в 1962 г., а также в дневнике, который он вел на протяжении всей своей жизни. Одним из таких аспектов являлся поиск наилучшей с точки зрения биологической и культурной эволюций человека модели социальной системы. Сравнительный и исторический анализы, по Ф.Г. Добржанскому, показывают, что наилучшей из предложенных теоретических моделей является меритократия. В то же время у этой модели также есть ряд недостатков, и кроме того она вряд ли применима в реальности, хотя некоторые общественные системы прошлого и настоящего, в том числе советская в той или иной степени приближались именно к этой модели.

Ключевые слова: общество, модель, меритократия, Ф.Г. Добржанский, эволюционная теория

В научном творчестве Феодосия Григорьевича Добржанского (1900–1975) — выдающегося российско-американского генетика,

эволюциониста, энтомолога, одного из создателей современной теории биологической эволюции и основателя международной школы эволюционной генетики, важное место занимают социальные, политические, культурные и философские аспекты эволюционно-генетических процессов в человеческих популяциях. Эти аспекты рассматривались им в докладах на международных конференциях, в ряде статей и в нескольких книгах (Dobzhansky, 1954, 1956, 1959, 1962a, 1962b, 1962c, 1963a, 1963b, 1964a, 1964b, 1965a, 1965b, 1966, 1967a, 1967b, 1968a, 1968b, 1968c, 1969, 1971, 1973a, 1973b, 1973c, 1977; Dunn, Dobzhansky, 1946), а также в дневнике (American Philosophical Society Library (APSL). B: D 65. Th. Dobzhansky Papers. Notebooks), который он с перерывами вел на протяжении всей своей жизни. Одним из таких аспектов являлся поиск наилучшей модели социальной системы с точки зрения биологической и культурной эволюций человека, их коэволюции. По мнению Ф.Г. Добржанского, наилучшей из предложенных теоретических моделей является меритократия. Но и у этой модели тоже есть ряд недостатков. Кроме того, она вряд ли применима в реальности, хотя некоторые общественные системы прошлого, в том числе советская, в той или иной степени приближались именно к этой модели.

Подробное обоснование этого заключения дается Ф.Г. Добржанским в книге «Эволюционирующее человечество» (Dobzhansky, 1962a). В главе 9 «Полиморфизм, класс и каста» он показывает, что с биологической точки зрения классы и касты, так же как менделевские популяции внутри человеческого вида, не являются закрытыми генетическими объединениями, в частности видами. Лишь немногие человеческие популяции полностью изолированы в географическом или социальном отношении. Когда-то в прошлом индийские касты и субкасты, вероятно, приблизились к такому статусу, но не достигли его. Границы человеческих изолятов часто размыты, и «изоляты» на самом деле не изолированы. Так, в Нью-Йорке испанские, итальянские и еврейские общины преимущественно эндогамны,

но их члены изредка вступают в брак с представителями северо-западного европейского происхождения. Кроме того, внутри каждого языкового или этнического подразделения есть разделение по богатству, образованию, социальному статусу, и, в некоторых из них, по религии и другим признакам. Однако ни одна группа не является достаточно закрытой для того, чтобы исключать всякое взаимодействие с другими. Все эти сложности обязательно отражаются на генетическом составе популяций. Расы, классы и касты не являются ни биологически, ни социологически четко определенными и дискретными единицами.

Отношения между социальными и генетическими структурами человеческих популяций недостаточно изучены и поняты с точки зрения современной эволюционной биологии и крайне сложны. Поэтому Ф.Г. Добжанский рассмотрел генетические последствия лишь одной социальной характеристики — степени вертикальной социальной мобильности, возможной в той или иной структуре общества. Полярные противоположности — это кастовое общество и общество, которое обеспечивало бы полное равенство возможностей своим членам. В первом предполагается, что люди не равны и не могут быть равными. Во втором равенство возможностей является неотъемлемым правом каждого человека. Существующие общества варьируются между этими крайностями.

Согласно Ф.Г. Добжанскому индийская кастовая система — самый грандиозный, хотя, по-видимому, неудачный генетический эксперимент, когда-либо проводившийся на человеческих популяциях, с определенными социальными последствиями. Генетически значимыми кастовыми единицами являются субкасты — эндогамные группы, на которые жестко делились жители Индии в прошлом, когда приходилось создавать семью только с человеком из той же субкасты. При этом многие субкасты велики по численности и делятся на так называемые готры — как правило, экзогамные группы, в которых брачные партнеры должны быть из разных готров, но из одной и той же субкасты.

Традиционное назначение занятий для каждой касты было связано с иерархически жесткой и неизменной структурой индийского общества. Порядок социального превосходства каст был в значительной степени фиксированным. Ограничения относились не только к бракам, но и к другим формам социального общения. Однако индийские касты не стали генетически столь же специализированными, как, например, различные породы лошадей или других домашних животных.

Классовая дифференциация менее жесткая, чем кастовая. Даже в самом жестком классовом обществе индивид скромного происхождения может подняться, а привилегированного происхождения скатиться по социальной лестнице.

Недостаток кастовых и жестких классовых систем заключается как раз в том, что они заставляют людей брать на себя функции, для которых они не годятся. Вот почему, например, так много никчемных королей. Равенство возможностей, как правило, приводит к тому, что профессиональная дифференциация сочетается с генетическим полиморфизмом населения.

Равенство возможностей не предполагает равенство способностей и не способствует ему. Оно означает только, что каждый человек, без покровительства или препятствования, может развивать любую свою социально полезную способность. Равенство возможностей стимулирует разделение труда, а не наоборот, и это позволяет человеку выбрать то занятие, на которое он годен благодаря своим способностям и готовности бороться за него.

Полное равенство возможностей невозможно ни в одном обществе. Оно якобы преобладает при коммунистических режимах, но реальная ситуация там напоминает скорее описанную в известной Утопии Джорджа Оруэлла, где одни люди более равны, чем другие.

Однако самая древняя из существующих развитых цивилизаций, китайская, развивала социально-генетическую систему, которая в некотором смысле была обратной по отношению к кастовой системе Индии. На протяжении примерно двадцати пяти

веков, Китай, начиная с ранних императоров Мин, разработал своего рода общенациональную систему стипендий, которая позволяла некоторым бедным, но амбициозным молодым людям сделать карьеру, в том числе «научную». Исходя из этого некоторые авторы в 1960 г. предположили, что Китай обладает более мощным «эволюционным потенциалом», чем Запад (Sahlins, Service, 1960). 60 лет спустя можно сказать, что они не ошиблись.

По мнению Лернера (Lerner, 1957) «открытое классовое общество», по крайней мере, то, что существует в Америке, является классовой системой, которая характеризуется большой подвижностью и взаимопроникновением между классами. Такое общество в Америке и в других странах является исторически относительно новым, и степень его «открытости» изменялась со временем. Коммунистические общества, которые, пожалуй, лучше охарактеризовать тоже как открытые классовые общества, а не бесклассовые, еще новее.

По Ф.Г. Добржанскому, способность, которая повышает дарвиновскую пригодность в наибольшей степени, — это умение учиться и становиться компетентным в любой профессии или сфере социальной деятельности. Образованность, позволяющая выбрать любую из нескольких профессий, даст максимальную пригодность. Преимущество образованности еще более значительно, если это преимущество не отдельного человека, а социальной группы или всего общества. Хотя Ф.Г. Добржанский не пишет об этом, но именно таково в идеале коммунистическое общество, и таким было в значительной степени советское общество, несмотря на все его социальные недостатки.

Список литературы

APSL. B: D 65. Th. Dobzhansky Papers. Notebooks.

Dobzhansky Th. An Ethical Problem for Scientists in a Divided World // Science. 1954. Vol. 119. P. 908–909.

Dobzhansky Th. The Biological Basis of Human Freedom. New York: Columbia University Press, 1956. vi, 139 p.

Dobzhansky Th. Genetics and the Destiny of Man // Proceedings of the 10th International Congress of Genetics. 1959. Vol. 1. P. 468–474.

Dobzhansky Th. Mankind Evolving: the Evolution of the Human Species. New Haven: Yale University Press, 1962a. xiii, 381 p.

Dobzhansky Th. Genetic and Equality. Equality of Opportunity Makes the Genetic Diversity among Men Meaningful // Science. 1962b. Vol. 137. No. 3524. P. 112–115.

Dobzhansky Th. Genetics, Society and Evolution // Bulletin of the New York Academy of Medicine. 1962c. Vol. 38. P. 451–459.

Dobzhansky Th. Cultural Direction of Human Evolution: a Summation // Human Biology. 1963. Vol. 35. P. 311–316.

Dobzhansky Th. Heredity and the Nature of Man. New York: Harcourt, Brace & World, 1964a. X, 179 p.

Dobzhansky Th. Cultural Direction of Human Evolution: a Summation // Ed. S. Garn. Culture and the Direction of Human Evolution. Detroit: Wayne State Univ. Press, 1964b. P. 93–98.

Dobzhansky Th. Religion, Death, and Evolutionary Adaptation // Ed. M.E. Spiro. Context and Meaning in Cultural Anthropology. New York: The Free Press, 1965a. P. 61–73.

Dobzhansky Th. Evolution and Transcendence // Main Currents in Modern Thought. 1965b. Vol. 22. P. 3–9.

Dobzhansky Th. An Essay on Religion, Death, and Evolutionary Adaptation // Zygon. 1966. Vol. 1. P. 317–331.

Dobzhansky Th. The Biology of Ultimate Concern. New York: The New American Library, Inc., 1967a. 152 p.

Dobzhansky Th. Human Values in an Evolutionary World // Ed. C.P. Hall. Human Values and Advancing Technology. New York: Friendship Press, 1967b. P. 49–67.

Dobzhansky Th. On Genetics and Politics // Social Education. 1968a. Vol. 32. P. 142–146.

Dobzhansky Th. On Diversity and Equality // Eds. M. Mead, Th. Dobzhansky, E. Tobach, R.E. Light. Science and the Concept of Race. New York: Columbia University Press, 1968b. P. 77–79.

Dobzhansky Th. On Genetics, Sociology, and Politics // Perspectives in Biology and Medicine. 1968c. Vol. 11. P. 544–554.

Dobzhansky Th. Evolution of Mankind in the Light of Population Genetics // Proceedings of the 12th International Congress of Genetics, Tokyo. 1969. Vol. 3. P. 281–292.

Dobzhansky Th. Evolution and man's conception of himself // The Teilhard Review, 1971. Vol. 5. P. 65–69.

Dobzhansky Th. Is Genetic Diversity Compatible with Human Equality? // *Social Biology*. 1973a. Vol. 20. P. 280–288.

Dobzhansky Th. Ethics and Values in Biological and Cultural Evolution // *Zygon*. 1973b. Vol. 8. No. 3–4. P. 261–281.

Dobzhansky Th. *Genetic Diversity and Human Equality*. New York: Basic Books. 1973c. 128 p.

Dobzhansky Th. On Genetics and Politics // *Biosocial Man* / Ed. D. Brothwell. London: The Eugenics Society*, 1977. P. 265–272.

Dunn L.C., Dobzhansky Th. *Heredity, Race, and Society*. New York: Penguin Books, Inc, 1946. 115 p.

Lerner M. *America as a Civilization*. New York, Simon & Schuster, 1957. xiii, 1036 p.

Sahlins M.D., Service E.R. *Evolution and Culture*. Ann Arbor: University of Michigan Press. 1960. 164 p.

IN SEARCH OF AN IDEAL MODEL OF SOCIETY: TH. DOBZHANSKY AND MERITOCRACY

Mikhail B. Konashev

Doctor of Philosophy, Chief researcher,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science
and Technology of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg Branch,
St Petersburg, Russia;
e-mail: mbkonashev@mail.ru

Feodosiy Grigorievich Dobzhansky (1900–1975) or Theodosius Dobzhansky in English scientific literature was an outstanding Russian-American geneticist, evolutionist, entomologist, one of the founders of the modern theory of biological evolution and the founder of the international school of Evolutionary Genetics. An important place in his scientific work is occupied by Some social, political, cultural and philosophical aspects of evolutionary and genetic processes in human populations were considered by him in reports at different international conferences, in a number of articles and in several books, in particular in the book “Mankind Evolving”, published in 1962, as well as in the diary that he kept throughout his life.

One of these aspects was the search for the best model of the social system from the point of view of biological and cultural evolution of a man. According to Dobzhansky comparative and historical analyses show that meritocracy is the best of the proposed theoretical models. At the same time, this model also has a number of drawbacks, and besides, it is unlikely to be applicable in reality, although some social systems of the past and present, including the Soviet one, approached this model to one degree or another.

The “open class society”, at least what exists in America, is a class system that is characterized by great mobility and interpenetration between classes. Such a society in America and in other countries is historically relatively new and the degree of its “openness” has changed over time. Communist societies, which, according to Dobzhansky, are also not classless, but open class societies, and they are historically even newer. In such societies, an important human ability is the ability to education. The advantage of education is even more significant if it is not the advantage of an individual, but of a social group or the whole society.

Keywords: society, model, meritocracy, Th. Dobzhansky, evolutionary theory

УДК: 001+101.1(430)

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-208-219

ИДЕЯ ОРГАНИЗАЦИИ НАУКИ В НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ: ОТ Г.В.Ф. ЛЕЙБНИЦА К НЕМЕЦКОМУ ИДЕАЛИЗМУ

Виктор Александрович Куприянов

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского
филиала Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Предметом статьи является реконструкция проектов организации науки, представленных в творчестве Г.В.Ф. Лейбница, а также в трудах немецких интеллектуалов начала XIX в. Автор реконструирует идеи Лейбница в области организации научных обществ и академий, показывает, каким образом Лейбниц понимал причины для организации научных учреждений. В связи с этим указывается, что для Лейбница на первом месте стояло этическое понимание науки, поэтому проекты организации научных учреждений он составлял как планы реализации определенных этических целей. В статье отмечается роль христианской этики в мировоззрении Лейбница, которая определяла его видение задач научных учреждений. Автор сравнивает идеи Лейбница с идеями немецких философов конца XVIII–XIX вв.: И. Канта, Ф. Шеллинга, И.Г. Фихте, Ф. Шлейермахера, В. Гумбольдта. Особое внимание обращается на работы И. Канта, И.Г. Фихте и Ф. Шлейермахера. Автор показывает, что для прусских университетских реформ начала XIX в., в связи с которыми возникли рассматриваемые в статье тексты, важной также была этическая ценность науки, через которую они понимали социальную роль науки. Однако в проектах И. Канта и Ф. Шлейермахера подчеркивается важность автономии научного знания, его независимости от социальных и государственных запросов, что в корне отличает их от проектов Лейбница и других философов раннего Нового времени.

Ключевые слова: Лейбниц, социальная эпистемология, реформы науки, Кант, Шлейермахер, Гумбольдт, университет, философия образования, реформы университетов

Немецкий идеализм по праву считается важнейшей вехой в истории европейской философии. Вероятно, не было ни одной области философии, которая не была бы так или иначе затронута влиянием этого философского направления (*Handbuch Deutscher Idealismus*, 2005). Для европейской континентальной философии немецкий идеализм сыграл во многом революционную роль, заложив основу для разделения современной философии на две традиции: аналитическую и континентальную. От этих процессов не осталась в стороне и философия науки, включая проблему теоретического осмысления организации науки. Во многом именно в конце XVIII — начале XIX в. благодаря трудам таких немецких мыслителей как И. Кант, Ф. Шлейермахер, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель, Ф. Шеллинг, Ф. Штеффенс, В. фон Гумбольдт в интеллектуальный дискурс входят совершенно новые идеи организации науки, которые определили современные проблемы теории управления наукой. Можно сказать, что именно трудами указанных авторов произошел радикальный поворот в осмыслении целей и задач образования и науки. В данной статье мы проведем сравнительное рассмотрение теоретических подходов Г.В.Ф. Лейбница и немецких философов начала XIX в., показав, что в развитии взглядов немецких философов на организацию науки были как сходства, так и различия. Теоретические взгляды Лейбница и представителей немецкого идеализма на организацию науки можно рассматривать в качестве маркеров, показывающих смену эпох в истории самой науки как социальной институции.

Лейбниц и этическое понимание социальной роли науки

Г.В.Ф. Лейбниц был не только видным математиком, философом и историком, но также и организатором науки, работая

практически всю жизнь над разного рода проектами научных учреждений (см.: Aiton, 1985; Böger, 2001). В научном наследии немецкого философа и математика нет целостных работ, посвященных проблемам организации науки, поэтому о его теоретических взглядах можно судить только исходя из проектов, которые он создавал и предлагал к реализации. Как известно, Лейбниц имел отношение к организации Санкт-Петербургской академии наук, а также к основанию Курфюрстского бранденбургского научного общества — впоследствии Прусской королевской академии наук, первым президентом которой он был (см.: Герье, 2008). Имел Лейбниц прямое отношение и к изданию первого научного журнала Германии — “Acta eruditorum”, издававшегося в Лейпциге Отто Менке с 1682 г.

В чем, однако, заключалась мотивация великого ученого участвовать в организации научных учреждений? Можно ли эти устремления объяснить только лишь материальными соображениями? На наш взгляд, положительные ответы на эти вопросы не смогли бы объяснить тот факт, что Лейбниц работал над разного рода проектами научных обществ и академий практически на протяжении всей своей жизни. Для прояснения его позиции можно обратить внимание на текст проекта организации в Германии общества наук и искусств (Oeuvres de Leibniz, 1875: 7: 27–63). Большая часть рассуждений Лейбница посвящена именно объяснению причин для основания такового общества. Лейбниц выделяет три причины для основания Общества наук и искусств: удовлетворение совести, создание бессмертной репутации основателей и любовь к общему благу (Ibid.: 28). Далее почти весь текст Лейбница заключается в пояснении этих понятий. «Добрая совесть, — пишет философ, — это радость сердца, надеющегося на вечное счастье» (Ibid.: 29). В свою очередь *надежда* — это *вера* в будущее, «как вера есть, так сказать, надежда на прошлое, верить означает надеяться на то, что прошлое истинно» (Ibid.: 29), причем верить означает не только говорить и думать, но и поступать так, словно вещи — истинны. Вера и надежда основываются

на *любви*, а любовь — это «радость сердца, которое видит красоту и совершенство другого сердца» (Ibid.: 30). Красота, в свою очередь, состоит в гармонии и пропорции, что включает в себя также и согласованность между волей и разумом.

Раскрывая теологический смысл излагаемого учения, Лейбниц поясняет: «В свою очередь, вера, надежда, любовь, благодаря осознанию и достоверности всемогущества и мудрости Бога, одновременно усиливаются. Как Бог — есть суверенная мудрость, именно он есть настолько справедливый и благой, что он нас уже любит, нас — своих созданий, — и делает все от себя зависящее, чтобы мы его также любили, и в этом-то заключается вера» (Ibid.: 31). Однако вера, надежда и любовь должны раскрываться на практике, чтобы доказать Богу любовь к нему, поэтому-то нужно знать, что любит Бог. Для этого необходимо познание Бога, считает философ. Познание Бога предполагает и схватывание его красоты и универсальной гармонии, для чего человеку и был дан разум. В конце концов, пройдя цепочку умозаключений, Лейбниц пишет о том, что служить и любить Бога можно тремя способами, которые соответствуют трем типам людей — тем, кто восхваляет Бога, кто размышляет о нем и кто почитает его своими изделиями. Именно к первой категории относятся, согласно проекту Лейбница, философы, которые «открывают новую гармонию в природе и в искусстве (Ibid.: 39), что рассматривается также как способ почитания Бога, цель которого — счастье человека. Очевидно, в данном случае имеется в виду именно наука.

Тем не менее просто лишь констатацией этического смысла научной деятельности Лейбниц не ограничивается. Задача для него состоит также и в том, чтобы институционализировать так понимаемую им науку. В связи с этим он критикует «Новую Атлантиду» Ф. Бэкона, «Утопию» Т. Мора и «Город Солнца» Т. Кампанеллы (Ibid.: 46–47). Образцом для него является основанная по инициативе Ж.-Б. Кольбера Парижская академия наук.

Сходные идеи можно обнаружить не только в рассмотренном нами проекте, но и во многих других. Например, в проекте,

озаглавленном издателем как |*Consultatio de naturae cognitio ad vitae usus promovenda instituendaque in eam rem Societate Germana*” («Рассмотрение вопроса о природе познания...»), Лейбниц также развивает примат этического понимания науки как способа нравственного совершенствования человека, для чего нужна особая организация, которая будет институционализировать моральное усовершенствование всего человечества (см.: Куприянов, 2021: 21).

Научно-организационная активность Лейбница — вероятно, самого крупного ученого-организатора своего времени, — приходится на конец XVII–XVIII вв., когда, по общему признанию, в Европе произошел расцвет научных академий и обществ как формы организации научных исследований. Именно поэтому все проекты Лейбница касаются исключительно основания академий наук и научных обществ. Сходные идеи организации научных академий и обществ можно обнаружить у многих его современников — ученых и философов XVII–XVIII вв. Однако в период расцвета немецкого идеализма — в конце XVIII–XIX вв., когда вся Европа переживает бурные политические и интеллектуальные трансформации, происходят изменения и в дискурсе теоретического осмысления проблем организации науки. Именно в этот период возникает современное осмысление проблем организации науки.

Немецкий идеализм об автономии науки и роли образования в национальном государстве

Немецкий идеализм привнес в историю организации науки философию исследовательских университетов, благодаря чему возникла целая область теоретических размышлений — философия образования. У истоков этого раздела философско-теоретических исследований стоят труды *И. Канта* (его работа «Спор факультетов»), *И.Г Фихте* («Дедуцированный план высшего учебного учреждения, которое должно быть учреждено в Берлине»),

Ф. Штеффенса («Об идее университетов»), В. фон Гумбольдта, Ф. Шеллинга («Лекции о методе университетского образования»), а также Ф. Шлейермахера («Нечаянные мысли о духе немецкого университета»). В 1956 г. Э. Анрих опубликовал сборник документов (Anrich, 1956), связанных с основанием в 1810 г. Берлинского университета, после чего разрозненные тексты и научные труды приобрели целостность и стали рассматриваться в качестве единого направления (см. также: *Idee und Wirklichkeit einer Universität: Dokumente zur Geschichte der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin*, 1960). С этого времени философия университетов окончательно оформилась как самостоятельная область теоретизирования.

Говоря о проектах и теоретических трудах, посвященных университетам, отметим, что они имеют совершенно определенный исторический контекст — реформу образования в Пруссии в начале XIX в., которая актуализировалась после поражения Пруссии в ходе наполеоновских войн, повлекших за собой становление немецкого национального движения, кульминацией которого было создание единой Германии в 1871 г. О значимости произошедших в начале XIX в. реформ говорит хотя бы тот факт, что, по известному выражению О. фон Бисмарка, «Франко-прусскую войну выиграл немецкий учитель». Тем не менее теоретические труды по университетскому вопросу сыграли роль не только лишь в контексте немецкой истории, но также, как уже сказано, оказались значимы и для формирования нового теоретического направления, поскольку проблемы и вопросы, которые обсуждались немецкими интеллектуалами в начале XIX в., имели ценность, выходящую за пределы узкого немецкого национального дискурса.

Среди обозначенных авторов особняком стоит «Спор факультетов» И. Канта (Кант, 2002). В отличие от трудов И.Г. Фихте, Ф. Штеффенса и Ф. Шлейермахера кантовский текст не является проектом для организации научного или образовательного учреждения. «Спор факультетов» нужно признать, скорее,

изложением взглядов на институционализированную науку, принципы ее организационного облика и структуры. В отличие от Лейбница и авторов большинства ранневропейских трактатов по организации академий наук и научных обществ, где государство и наука признавались едиными, для Канта принципиально важно разделить сферы государства и науки, предоставив науке автономию как в организационном, так и в когнитивном отношении. Университет представляет собой иерархию факультетов, главным принципом которой является именно отношение к государству. Факультеты делятся на высшие и низшие в зависимости от того, насколько они автономны в своих исследованиях: философский факультет является низшим, однако он автономен и независим от государства, а его задача заключается в критике предпосылок, на которых основываются высшие факультеты. Высшие факультеты в свою очередь служат пользе государства в соответствии с его приоритетами и, хотя и не обладают автономией и свободой, однако являются самыми необходимыми с точки зрения общественной пользы.

Трактат И. Канта, возникнув в определенном контексте его биографии, не связан напрямую с дебатами и дискуссиями об организации Берлинского университета и стоит особняком среди текстов немецких интеллектуалов, посвященных университетской проблематике, однако он оказал существенное влияние на всю историю университетской идеи вплоть до сего дня, став манифестом либерального понимания организации науки с ее ценностями автономии и независимости науки от вмешательства государства.

Тем не менее кантовский «Спор факультетов» мы обозначаем в качестве поворотного пункта в истории научно-организационной мысли, во-первых, потому, что это первый наиболее влиятельный теоретический текст по университетской тематике, а, во-вторых, он отражает совершенно новое мировоззрение — требование автономии науки для фундаментальных исследований. Тексты Ф. Шеллинга (Шеллинг, 2009), В. Гумбольдта,

Ф. Шлейермахера и И.Г. Фихте написаны были уже непосредственно в контексте университетской реформы начала XIX в. В свою очередь трактаты Шлейермахера (Шлейермахер, 2018) и Фихте (Fichte, 1845), а также известная записка В. Гумбольдта (Гумбольдт, 2002) были написаны в качестве конкретных проектов организации нового университета в Берлине (о предыстории дискуссий см.: Tenorth, 2013).

Характерны в этом отношении проекты Фихте и Шлейермахера, которые оказались тесно связанными с общими философскими воззрениями их авторов (см.: Иваненко, 2017; Антоновский, 2018). Оба проекта отражают политические, этические и социальные взгляды их авторов. Для Фихте университет важен как часть системы национального воспитания, главная цель которой — воспитание гражданина национального государства. Вместе с этим воспитание гражданина есть также и воспитание человека нового типа, для чего важна правильная, с точки зрения Фихте, философия. Высшее учебное заведение — высшая ступень системы национального воспитания, в котором Академии отводится второстепенная роль сугубо научного учреждения. Воспитание нового человека на основе правильной философии является, с точки зрения Фихте, воспитанием *свободного* человека, поскольку сущность человека состоит именно в свободе. Поэтому высшее учебное заведение как часть единой национальной системы национального воспитания, которой должны быть охвачены все граждане, есть, прежде всего, «школа употребления рассудка», то есть учреждение, воспитывающее человека к самостоятельному познанию и автономии разума и в этом смысле свободного.

Шлейермахер также в центр университетского образования ставит свободу. Однако его подход отличается либерализмом и вниманием к ценности индивидуальной жизни, в то время как для Фихте главное — принудительность системы образования в соответствии с неким заданным стандартом. С точки зрения Шлейермахера, главная задача университета заключается

в формировании свободной личности, ценности которой формируются незаинтересованным познанием. Если Фихте считает, что цели государства и цели индивидуума должны строго соответствовать друг другу, то Шлейермахер оставляет для личности сферу ее независимости и автономии, хотя и признает, что потребности государства также должны удовлетворяться в результате университетского образования (сравнение проектов Фихте и Шлейермахера см: Tenorth, 2013, S. 28).

Заключение

В заключение можно сказать, что проекты организации науки раннего Нового времени, представление о которых дают заметки Лейбница и тексты, появившиеся в связи с университетской реформой в Пруссии начала XIX в., имеют много общего. В связи с этим нужно упомянуть, прежде всего, представление об этическом значении науки как преобразующей силы общества. Однако в существенных аспектах можно найти и различия, которые касаются, не только того факта, что именно в начале XIX в. ученые начинают обращать внимание на университет как основную форму организации науки, но и понимания того, что научная организация имеет как утилитарные, полезные для государства функции, так и независимые от потребностей государства задачи. Оптимальная форма организации науки не должна подчиняться только лишь утилитарным или только лишь неутилитарным задачам, но органично совмещать обе миссии. Если в проектах Лейбница можно видеть, как этическое понимание науки, основанное на христианских ценностях (вера, надежда, любовь), задает и рамки для социальной роли науки, то в проектах прусских университетских реформ можно найти понимание ценности личности и автономии научного знания. В этом отношении можно констатировать, что идея организации науки претерпела важные изменения, которые оказывают влияние и на современное понимание социальной роли науки.

Список литературы

Антоновский А.Ю. Социальная философия науки: немецкая версия. Фридрих Шлейермахер о реформе немецкого университета и роли философского факультета // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 1. С. 204–214.

Герье В.И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008. 807 с.

Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2 (22).

Кант И. Спор факультетов / Пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной; Отв. ред. Л.А. Калинин. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. 286 с.

Иваненко А.А. И.Г. Фихте об университетском образовании // Вестник С.-Петербург. ун-та. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 4. С. 456–464.

Куприянов В.А. Идея научной коммуникации в проектах Г.В. Лейбница по организации науки // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2021. № 7 (37). С. 19–30.

Шеллинг Ф.В.Й. Лекции о методе университетского образования / Пер. с нем., вступ. ст., примеч. Ивана Фокина. СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. 352 с.

Шлейермахер Ф. Нечаянные мысли о духе немецких университетов (с приложением об одном из них — недавно учрежденном). Москва: Канон-Плюс, 2018. 207 с.

Handbuch Deutscher Idealismus / Hrsg. H.-J. Sandkühle. Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2005. 448 S.

Aiton E.J. Leibniz. A Biography. Bristol; Boston: Adam Hilger, 1985. xiv+370 p.

Anrich E. Die Idee der deutschen Universität. Die fünf Grundschriften aus der Zeit ihrer Neubegründung durch klassischen Idealismus und romantischen Realismus / Hrsg. E. Anrich. Darmstadt: Hermann Gentner Verlag, 1956. 386 S.

Böger I. “Ein seculum ... da man zu Societäten Lust hat”. Darstellung und Analyse der Leibnizschen Sozietätspläne vor dem Hintergrund der europäischen Akademiebewegung im 17. und frühen 18 Jahrhundert. München, 2 Auflage. Herbert Utz Verlag, 2001. 728 S.

Couturat L. La Logique de Leibniz: d'après des documents inédits, Paris: Félix Alcan, 1901. 608 p.

Oeuvres de Leibniz. Publ. pour la première fois d'après les manuscrits orig. avec notes et introd. par A. Foucher de Careil. T. 7. Paris: Didot, 1875. P. 94–126.

Tenorth H.-E. Eine Universität zu Berlin — Vorgeschichte und Einrichtung // Geschichte der Universität Unter den Linden. B. I. Gründung und Blütezeit der Universität zu Berlin 1810–1918. Berlin: Akademie Verlag, 2013. S. 3–76.

Fichte J.G. Deducirter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höheren Lehranstalt (1807) // Johann Gottlieb Fichtes sämtliche Werke / Hrsg. I.H. Fichte: 8 Bde. Berlin, Veit & Comp., 1845/1846. Bd. 8. S. 95–204.

Idee und Wirklichkeit einer Universität: Dokumente zur Geschichte der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin / Hrsg. W. Weischedel, W. Müller-Lauter, M. Theunissen. Berlin: De Gruyter, 1960. 540 S.

THE IDEA OF ORGANIZATION OF SCIENCE: FROM G.W.F. LEIBNIZ TO THE GERMAN IDEALISM

Viktor A. Kupriyanov

PhD in Philosophy, Senior researcher,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science
and Technology of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg Branch,
St Petersburg, Russia;
e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

The subject of the article is the reconstruction of the projects of the organization of science, presented in the works of H.W.F. Leibniz, as well as in the works of German intellectuals of the early XIX century. The author reconstructs Leibniz ideas in the organization of scientific societies and academies, shows how Leibniz understood the reasons for the organization of scientific institutions. In this regard, it is pointed out that for Leibniz the ethical understanding of science was in the first place, so the projects of the organization of scientific institutions he made as plans for the implementation of certain ethical goals. In this regard, the article notes the role of Christian ethics in Leibniz's worldview, which determined his vision of the tasks of scientific institutions. The author compares Leibniz's ideas with the ideas of German philosophers of the late 18th and 19th centuries: I. Kant, F. Schelling, J. G. Fichte, F. Schleiermacher, W. Humboldt. Particular attention is paid to the works of J. Kant, J. G. Fichte and F. Schleiermacher. The author shows that for the Prussian university reforms of the beginning of the 19th century in connection with which the texts discussed in the article appeared, the ethical value of science was also important, through which they understood the social role of science. However, the projects of I. Kant and F. Schleiermacher emphasize the importance of the autonomy of scientific knowledge, its independence from social and state demands, which fundamentally distinguishes it from the projects of Leibniz and other philosophers of the early New Age.

Keywords: Leibniz, social epistemology, reforms of science, Kant, Schleiermacher, Humboldt, university, philosophy of education, univeristy reforms

УДК 001.32 (091)

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-220-232

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АКАДЕМИИ НАУК И ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Елена Федоровна Синельникова

кандидат исторических наук,
заместитель директора
Санкт-Петербургского филиала Института
истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

Академия наук — первое в России научно-исследовательское учреждение, являющееся ядром системы организации науки на протяжении трех столетий. Одним из результатов развития науки и ее самоорганизации стало появление разнообразных форм учреждений и объединений. В частности, в 1765 г. появилось первое научное общество — Вольное экономическое общество (ВЭО). Настоящая статья посвящена рассмотрению форм и методов взаимодействия Академии наук и ВЭО во второй половине XVIII — начале XX в. Изложенный материал убедительно свидетельствует о важном вкладе академических ученых в развитие деятельности ВЭО и о плодотворном сотрудничестве этих научных институций: представители Академии наук в значительном количестве входили в состав ВЭО с момента его создания; практически на протяжении всего дореволюционного периода своего существования ВЭО возглавлялось исключительно членами Академии наук; академические ученые принимали деятельное участие в разработке комплекса проблем, связанных с ведением сельского хозяйства и экономики, и публиковали результаты своих исследований в изданиях ВЭО; Академии наук и ВЭО организовывали и проводили совместные исследовательские экспедиции.

Ключевые слова: история науки, наука в России, Академия наук, Вольное экономическое общество, научные общества, распространение знаний, практическая значимость, развитие экономики, научное сотрудничество

В истории отечественной науки главенствующее положение по праву занимает Академия наук, которая является старейшим научно-исследовательским учреждением в России. Однако уже со второй половины XVIII в. стали возникать и другие научные учреждения и организации. В частности, 31 октября 1765 г. Екатериной II был утвержден устав Вольного экономического общества (далее ВЭО) (Письмо Ее Императорского Величества..., 1765).

Академия наук играла существенную роль в развитии деятельности ВЭО, особенно на начальном этапе. Так, среди пятнадцати учредителей общества четверо являлись представителями Академии: Григорий Николаевич Теплов (1717–1779) — с 1742 г. действительный (адъюнкт по ботанике), а с 1747 г. почетный член Академии наук, действительный статский советник; Иван Иванович Тауберт (1717–1753) — действительный член Академии наук с 1738 г. (адъюнкт по истории), статский советник, библиотекарь императрицы; Иоганн Георг Модель (1711–1775) — почетный член Академии наук с 1758 г. (химик, фармаколог), надворный советник, член Медицинской коллегии, аптекарь Главной Санкт-Петербургской аптеки; Иоганн Готлиб Леман (1719–1767) — действительный член Академии наук с 1761 г. (профессор химии, геолог), надворный советник, один из двух первых секретарей ВЭО. В дальнейшем значительное число академиков¹ постоянно состояли в ВЭО. За период с 15 июня 1765 г. по 11 декабря 1792 г. в ВЭО состояли 393 человека, из которых более 62 были

¹ Наименование «академики» в отношении представителей Академии наук в XVIII в. используется как обобщенное для адъюнктов, профессоров, экстраординарных и ординарных академиков, почетных членов Академии наук.

академиками (Список..., 1792), т. е. более 15% от общего числа членов. В последующие десятилетия, однако, несмотря на стабильный рост членов общества и появление различных категорий членства (почетные, действительные, сотрудники и корреспонденты), количество академиков постепенно сокращалось. Так, в середине XIX в. все почетные члены общества являлись академиками (4 человека), а среди 487 действительных членов ВЭО состояли 33 представителя Академии (Список..., 1860). В конце XIX в. в обществе из 20 почетных членов — 7 являлись академиками, а среди 560 действительных членов их было вдвое больше — 14 человек (Список..., 1899). В свою очередь, в 1903 г., как и прежде, 7 академиков были почетными членами ВЭО, кроме того, 10 академиков насчитывалось среди 503 действительных членов (Список..., 1903). В последнем опубликованном списке членов ВЭО (данные на 30 января 1915 г.) в состав ВЭО входили только 12 академиков, причем 8 из них были почетными членами общества (Список..., 1915). Динамика количества представителей Академии наук в ВЭО в XIX — начале XX в. отражала изменения, происходившие в структуре научного сообщества и организации исследовательской работы.

Взаимодействию Академии наук и ВЭО также способствовало и то обстоятельство, что должности президента, непременно секретаря, казначея, хранителя музея и т. п. часто занимались академиками. Так, общество практически на протяжении всего дореволюционного периода своего существования возглавлялось исключительно членами Академии наук: в 1797–1813 гг. президентом ВЭО был Андрей Андреевич Нартов (1737–1813) — почетный член Академии наук с 15 декабря 1796 г.; в 1823–1840 гг. — граф Николай Семенович Мордвинов (1754–1845) — почетный член Академии наук с 20 декабря 1826 г.; в 1841–1845 гг. — Алексей Самуилович Грейг (1775–1845) — почетный член Академии наук с 30 января 1822 г.; в 1845–1859 гг. — принц Петр Георгиевич Ольденбургский (1812–1881) — почетный член Академии наук с 19 декабря 1834 г.; в 1859–1860 гг. — Александр Федорович

Миддендорф (1815–1894) — адъюнкт по Отделению физико-математических наук (зоология) с 2 августа 1845 г., экстраординарный академик с 1 мая 1852 г. по 8 марта 1865 г., неперменный секретарь с 7 апреля 1885 г. по 4 октября 1857 г., почетный член Академии наук с 5 ноября 1865 г.; в 1861–1865 гг. — Евграф Петрович Ковалевский (1790–1867) — почетный член Академии наук с 22 апреля 1856 г.; в 1906–1918 гг. — Андрей Сергеевич Фаминцын (1835–1918) — адъюнкт по Физико-математическому отделению (ботаника) с 1 декабря 1878 г., экстраординарный академик с 4 февраля 1884 г., ординарный академик с 9 марта 1891 г. Нельзя не отметить и того, что академик Павел Николаевич Фус (1798–1855), являясь неперменным секретарем Академии наук, вместе с тем был и неперменным секретарем ВЭО в период с 1842 г. по март 1843 г. Такая практика включения в работу научных обществ академиков была широко распространена, и многие подобные организации возглавлялись академиками; также немало представителей Академии наук входили и в состав их руководящих органов и являлись их членами.

Одной из важных форм сотрудничества Академии наук и ВЭО была организация и проведение экспедиций. Так, в 1768 г. общество, с подачи Академии наук, организовало сбор предложений от своих членов для готовящихся Академией экспедиций для исследования России «по натуральной истории» (Ходнев, 1865, с. 35). В XIX в., в частности, по поручению и на средства ВЭО академик Василий Васильевич Докучаев (1846–1903) предпринял ряд экспедиций для исследования чернозема в 1877–1881 гг. В этих работах приняли участие выдающиеся ученые, будущие члены-корреспонденты Академии наук Д.И. Менделеев и А.А. Иноземцев, академик А.М. Бутлеров и др. Результатом этой экспедиционной работы стало издание труда «Русский чернозем» (Докучаев, 1883), который был удостоен благодарности ВЭО и Макарьевской премии Академии наук.

Согласно уставу 1765 г. целью ВЭО являлось «соединенными силами обращать свои труды на распространение в Отечестве

полезных о земле и домостроительстве знаний» (Устав..., 1765). Этому должна была способствовать публикационная деятельность, заключающаяся в печатании как периодических изданий, так и отдельных сочинений. Главным печатным органом первого российского научного общества стали «Труды Вольного экономического общества» (далее «Труды»).

В первые 10 лет существования ВЭО «Труды» выходили систематически — три раза в год, за исключением 1765 г., когда вышел только один номер, а также 1775 г., ознаменовавшегося публикацией только двух номеров. Таким образом, к 1776 г. было выпущено 30 номеров, которые именовались «частями». Затем несколько лет «Труды» не выходили. С 1779 г. периодическое издание было возобновлено под названием «Продолжение Трудов Экономического общества» и выходило «по мере накопления материалов и смотря по средствам общества» (Ходнев, 1865, с. 99), преимущественно один раз в год. В дальнейшем издание «Трудов» еще несколько раз прерывалось, а также изменялась периодичность их выпуска. Тем не менее, всего было опубликовано более 340 томов. «Труды» можно по праву назвать первым русским самостоятельным научным журналом, к тому же и самым продолжительным по времени издания в истории Российской империи. В «Трудах» публиковались оригинальные статьи членов ВЭО по практическим и теоретическим вопросам сельского хозяйства, экономики и других наук, переводы важных в научном отношении сочинений, вышедших за границей, а также краткие «извлечения» из иностранных журналов и газет, касающиеся предметов занятий общества, специализированные библиографии, протоколы общих собраний и заседаний комиссий и отделений и др.

За 150-летнюю историю в «Трудах» было опубликовано значительное число статей, авторами которых являлись адъюнкты, профессора, экстраординарные и ординарные академики, действительные, почетные члены и члены-корреспонденты Академии наук. Только за период с 1765 по 1775 г. 58 публикаций

из 229, т. е. около четверти, были написаны девятью представителями Академии. К сожалению, ряд статей в «Трудах», особенно на начальном этапе существования журнала, публиковался без подписи, а некоторые публикации были подписаны только инициалами, что делает затруднительной, а зачастую и невозможной идентификацию автора.

Примечательно, что многие академики посвящали свои публикации совсем не тем предметам, которые являлись их специализацией в стенах Академии наук. Напротив, в статьях они нередко излагали свои теоретические и практические знания в вопросах сельского хозяйства и экономики. Так, например, химик и геолог, академик Иоганн Готлиб Леман (1719–1767) опубликовал в «Трудах» семь статей, причем именно его статья, посвященная возможностям сельскохозяйственного использования земель, открывала первый выпуск периодического издания ВЭО (Леман, 1765а). Публикация представляет собой изложение принципов использования и способов «к поправлению земли», представленных в виде 24 правил, из которых «явствует, что разумным оных употреблением можно от каждой земли получить некоторую пользу» (Леман, 1765а, с. 19). Статья имела большую практическую важность, т. к. во второй половине XVIII в. одной из главных задач земледелия становится восстановление убывающего естественного плодородия почв. В этой же первой части «Трудов» другая статья за авторством Лемана, посвящена его опытам по выявлению различных минералов, содержащихся в земле, причем для опытов им бралась «синяя земля»² из подмосковного имения графа Р.Л. Воронцова и с Гейденкенской мызы (Лифляндия, район озера Буртнек), принадлежащей графу П.А. Румянцеву (Леман, 1765b). Следует отметить, что эти статьи Лемана публиковались в переводах П. Полонского и Н. Леонтьева.

² И.Г. Леман называл «синей» землю богатую железом.

И.Г. Леману принадлежат также труды о различных производствах (Леман, 1766а–d). Свидетельством его глубоких познаний в этих вопросах может служить, в частности, статья о производстве кирпичей. В ней он подробнейшим образом рассматривает, как необходимо отбирать и формовать глину, каким образом строить печи для обжига, как проводить сам процесс (Леман, 1766е). Леман, по своей профессиональной деятельности далекий от вопросов лесоводства, тем не менее, изложил свои взгляды и в этой области в статье «Мнение о лесах» (Леман, 1766f). При этом у читателя не могло возникнуть сомнений в том, что автор глубоко знает предмет, который рассматривает.

Анализ содержания «Трудов» убедительно свидетельствует о важном вкладе академиков в разработку комплекса проблем, связанных с ведением сельского хозяйства в России. В целом, во второй половине XVIII в. активное участие в жизни ВЭО принимали академики Я.Я. Штелин, Л. Эйлер, И.А. Эйлер, П.И. Рычков, И.Г. Модель, И.Г. Леман, Э.Г. Лаксман, И.Г. Кёльрейтер, Ф.У.М.Т. Эпинус, Г.Ф. Миллер, И.И. Тауберт, А.А. Нартов и др. Как в последствии вполне справедливо отмечал первый историограф ВЭО А.И. Ходнев, «между первыми деятелями Общества занимали весьма видное место члены С<анкт>-Петербургской Академии Наук», и далее «большая часть членов Академии были долгое время членами В<ольного> Э<кономического> Общества и принимали самое деятельное участие в его занятиях, разрабатывая здесь вопросы в ближайшем применении к России и занимаясь исследованием естественных ее произведений, они сближали науку с жизнью и желали принести непосредственную пользу стране, сделавшейся для многих из них новым отечеством» (Ходнев, 1865, с. 640–641).

В первой половине XIX в. активными деятелями ВЭО выступали академики Н.С. Мордвинов, Д.И. Хвостов, И.Ф. Крузенштерн, Г.А. Сарычев, А.Г. Кушелев-Безбородко, А.С. Грейг, П.И. Рикорд, С.И. Давыдов и др.

В пореформенные годы ВЭО проводило большую научную работу, в том числе изучая и обсуждая проблемы развития крестьянской общины, а также организовывало различные сельскохозяйственные выставки, целью которых была «помочь помещикам, промышленниками крестьянам перенять лучший опыт ведения хозяйства, производства сельскохозяйственных орудий труда, выращивания породистого мясного и молочного скота» (Орешкин, 1963, с. 31).

Важным событием стало для ВЭО празднование 94-й годовщины учреждения общества. Торжественное собрание 31 октября 1860 г. вел президент ВЭО, академик Александр Федорович Миддендорф. На праздновании присутствовали более ста членов ВЭО и «многие экспоненты и эксперты выставки сельских произведений и другие лица, по особым приглашениям» (Торжественное собрание..., 1861, с. 1). Заседание было открыто, согласно уставу: «1) чтением Всеподданейшего письма учредителей Общества, при котором, в 1765 году, поднесены планы и первый Устав Общества; 2) Всемилостивейшего ответа Императрицы Екатерины II и 3) Высочайших рескриптов, коими Общество в последствии удостоено своими венценосными покровителями» (Торжественное собрание..., 1861, с. 2).

В 1860–1910-е гг. в стенах ВЭО выступали с докладами ведущие ученые — члены Академии наук А.М. Бутлеров П.П. Семёнов-Тян-Шанский, М.М. Ковалевский, Ю.Э. Янсон, А.Н. Бекетов и др. Так, за шесть лет до своего избрания в члены-корреспонденты по разряду физических наук (химия) Физико-математического отделения Академии наук, Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907) выступил с докладом «Возможность и польза учреждения Общества, содействующего сельскохозяйственному труду» на совместном заседании I отделения ВЭО и Политико-экономического комитета 26 марта 1870 г. Докладчик предлагал создать специальную общественную организацию с целью помощи крестьянскому производству посредством продажи хозяйственных произведений своих членов и ссудами, как отдельным

членам, так и целым общинам, под обеспечение непроданными товарами, круговой порукою и разными ценностями (Журнал соединенного собрания..., 1870). Такое решение можно рассматривать как вполне прогрессивное для того времени.

Кроме того, «по распоряжению» ВЭО печатались отдельные сочинения его членов. Например, в 1871 г. ВЭО было издано краткое руководство для «пчеляков, преимущественно для крестьян» (Бутлеров, 1871), составленное выдающимся химиком, академиком Александром Михайловичем Бутлеровым (1828–1886). О важности этой работы академика свидетельствует тот факт, что она была удостоена почетной золотой медали, учрежденной Великой княгиней Еленой Павловной, а также выдержала 10 переизданий (последнее — в 1912 г.) Действительно, Александр Михайлович долгие годы разрабатывал проблемы пчеловодства, и его деятельность в ВЭО была посвящена именно этой отрасли сельского хозяйства.

В конце XIX — начале XX в. ВЭО было подлинным центром общественной и научной мысли России, во многом благодаря сотрудничеству с ним видных деятелей науки, в первую очередь членов Академии наук. К сожалению, дальнейшее поступательное развитие науки в России было прервано войнами и революциями, что в значительной степени отразилось и на деятельности ВЭО.

С началом Первой мировой войны научные общества активно включились в процесс мобилизации страны. В соответствии со своим профилем они выдвигали проекты, направленные на удовлетворение потребностей фронта и тыла. Так, например, ВЭО в общем собрании 3 августа 1914 г. была образована особая комиссия, «на которую было возложено изыскание мер борьбы с экономической дезорганизацией и оказания помощи прямым и косвенным жертвам войны» (Отчет о деятельности..., 1915, с. 2). Несмотря на это, согласно постановлению Совета ВЭО от 26 ноября 1915 г., общество приостановило свою деятельность, но официально не закрывалось. После Октябрьской революции

правление ВЭО хотя и заняло открыто антибольшевистскую позицию, но продолжало свою работу (Bradley, 2016).

Однако учитывая, что одним из направлений научно-технической политики большевиков стали восстановление и реорганизация науки и образования, не удивительно, что важная роль в выполнении поставленных целей отводилась созданию новых и реорганизации уже существующих научных учреждений и организаций, с подчинением их задачам «социалистического» строительства. В первые послереволюционные десятилетия Академии наук предстояло преодолеть противоречия с новой властью и пройти через значительные трансформации, а ВЭО, к сожалению, ожидала другая участь. Общество было закрыто в 1919 г.

Таким образом, изложенный материал убедительно свидетельствует о том, что взаимодействие Академии наук и ВЭО во второй половине XVIII — начале XX в. происходило в разнообразных формах: представители Академии наук в значительном количестве входили в состав ВЭО с момента его создания; практически на протяжении всего дореволюционного периода своего существования ВЭО возглавлялось исключительно членами Академии; академические ученые принимали деятельное участие в разработке комплекса проблем, связанных с ведением сельского хозяйства и экономики, и публиковали результаты своих исследований в изданиях ВЭО; Академия наук и ВЭО организовывали и проводили совместные исследовательские экспедиции. Во многом именно эти плодотворные взаимоотношения обуславливали высокий научный уровень деятельности ВЭО.

Список литературы

Bradley J. Associations in Times of Political Turmoil: Science Societies and the Bolshevik Regime, 1917–22 // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Book 2: The Experience of War and Revolution / Eds. A. Lindenmeyer, C. Read, P. Waldron. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2016. P. 137–172.

Бутлеров А.М. Пчела, ее жизнь и главные правила толкового пчеловодства. Краткое руководство для пчеляков, преимущественно для крестьян. СПб.: Имп. Вольн. экон. о-во, 1871. 113 с.

Докучаев В.В. Русский чернозем: Отчет Имп. Вольн. экон. о-ву. СПб.: Имп. Вольн. экон. о-во, 1883. 376 с.

Журнал соединенного собрания I-го отделения И. В. Э. общества и политико-экономического комитета 26 марта 1870 г. // Труды Императорского Вольного экономического общества. Т. II. СПб.: [Б. и.], 1870. С. 452–475.

Леман И.Г. О различии земли в рассуждении экономического ее употребления // Труды Вольного экономического общества. Ч. 1. СПб.: [Б. и.], 1765а. С. 1–19.

Леман И.Г. Экономическое испытание синей земли, с показанием притом некоторых самых простых способов для пробывания всяких минералов // Труды Вольного экономического общества. Ч. 1. СПб.: [Б. и.], 1765b. С. 74–87.

Леман И.Г. О турфе и о пережигании оногo в уголь // Труды Вольного экономического общества. Ч. 2. СПб.: [Б. и.], 1766а. С. 29–56.

Леман И.Г. О учреждении хороших кирпичных заводов // Труды Вольного экономического общества. Ч. 3. СПб.: [Б. и.], 1766b. С. 1–42.

Леман И.Г. Как лучшим способом жечь из дров уголь // Труды Вольного экономического общества. Ч. 4. СПб.: [Б. и.], 1766c. С. 1–29.

Леман И.Г. Наставление о учреждении квасцового завода // Труды Вольного экономического общества. Ч. 4. СПб.: [Б. и.], 1766d. С. 150–170.

Леман И.Г. О учреждении хороших кирпичных заводов // Труды Вольного экономического общества. Ч. 3. СПб.: [Б. и.], 1766e. С. 1–42.

Леман И.Г. Мнение о лесах // Труды Вольного экономического общества. Ч. 3. СПб.: [Б. и.], 1766f. С. 117–146.

Орешкин В.В. Вольное экономическое общество в России, 1765–1917. Историко-экономический очерк. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 196 с.

Отчет о деятельности Императорского Вольного Экономического Общества за 1914 год // Отчет о действиях Императорского Вольного Экономического Общества за 1914 год с приложением списка книг, поступивших в Библиотеку И. В. Э. Общества. Пг.: Тип. I. Лурье и К^о, 1915. С. 1–19.

Письмо Ее Императорского Величества к членам Вольного экономического общества // Труды Вольного экономического общества. Ч. 1. СПб.: [Б. и.], 1765. Без пагинации.

Список гг. Членов Императорского Вольного Экономического Общества (по 1 июня 1860 г.). СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1860. 31 с.

Список гг. Членов Императорского Вольного Экономического Общества (к 1 января 1899 г.). СПб.: Тип. В. Демакова, 1899. 27 с.

Список гг. Членов Императорского Вольного Экономического Общества (к 1 февраля 1903 г.). СПб.: [Б. и.], 1903. 14 с.

Список гг. Членов Императорского Вольного Экономического Общества (к 30 января 1915 г.) // Отчет о действиях Императорского Вольного Экономического Общества за 1914 год с приложением списка книг, поступивших в Библиотеку И. В. Э. Общества. Пг.: Тип. I. Лурье и К°, 1915. С. 69–84.

Список членам Вольного экономического общества в Санктпетербурге. СПб.: [Б. и.], 1792. 67 с.

Торжественное собрание Императорского Вольного Экономического Общества 31 октября 1860 года // Труды Императорского Вольного экономического общества. Т. I. СПб.: [Б. и.], 1861. С. 1–18.

Устав Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства // Труды Вольного экономического общества. Ч. I. СПб.: [Б. и.], 1765. Без пагинации.

Ходнев А.И. История Императорского вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1865. 667 с.

**FROM THE HISTORY OF COLLABORATION
BETWEEN THE ACADEMY OF SCIENCES AND
THE FREE ECONOMIC SOCIETY
IN THE SECOND HALF OF THE XVIII —
THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Elena F. Sinelnikova,

PhD in History, Deputy director,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

The Academy of Sciences is the first scientific research institution in Russia, which has been the core of the science organization system for three centuries. One of the results of the development of science and its self-organization was the emergence of various forms of institutions of associations. Already in 1765, the first scientific society appeared — the Free Economic Society (the FEO). This article is devoted to the consideration of the forms and methods of the collaboration between the FEO and the Academy of Sciences from the second half of the 18th to the beginning of the 20th centuries. The presented material convincingly testifies to the important contribution of academic scientists to the development of the activities of the FEO and the fruitful cooperation of these scientific institutions: representatives of the Academy of Sciences in a significant number have been members of the FEO since its creation; practically throughout the entire pre-revolutionary period of its existence, the FEO was headed exclusively by academicians; academic scientists took an active part in the development of a complex of problems related to agriculture and the economy, and published the results of their research in publications of the FEO; the Academy of Sciences and the FEO were also participation in organization and holding joint expeditions.

Keywords: history of science, Academy of Sciences, the Free Economic Society, the age of enlightenment, non-governmental organizations, scientific societies, dissemination of knowledge, practical significance, economic development

УДК: 614(091)

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-233-241

**«ЦЕНТРАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РЕСПУБЛИКИ»: ОБ УЧРЕЖДЕНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА
НАРОДНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
НАРКОМЗДРАВА РСФСР В 1918–1920 гг.**

Валерия Викторовна Слискова

аспирант кафедры истории и теории исторической науки, аналитик Российского государственного гуманитарного университета (РГУ), Москва, Россия;
e-mail: vvaleriesss@gmail.com

Идея создания центрального научного института в системе Народно-го комиссариата здравоохранения (Наркомздрав, НКЗ) РСФСР возникла в 1918 г. Сложившаяся к концу 1910-х гг. тяжелая эпидемиологическая ситуация требовала комплексного решения со стороны власти. В 1918 г. Наркомздравом был предложен проект создания Государственного института народного здравоохранения (ГИНЗ, институт), отвечавшего поставленным задачам. Идея была озвучена 30 октября 1918 г. на I Всероссийском съезде санитарных врачей, бактериологов и представителей медико-санитарных отделов Советов рабочих и крестьянских депутатов. По итогам заседания проект был одобрен и направлен в Ученый медицинский совет НКЗ и Комиссию по научным и научно-практическим институтам, которая разрабатывала концепцию будущего института. В декабре 1918 г. было принято положение о ГИНЗ, согласно которому в его состав должны были войти несколько специальных институтов для успешного выполнения поставленных Наркомздравом задач.

Ключевые слова: история советской науки, 1920-е гг., эпидемиология, Государственный институт народного здравоохранения, Наркомздрав РСФСР, А.Н. Сысин, Л.А. Тарасевич

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-78-10095-П «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

«Москве, как центру, Наркомздраву, как центральному органу, ведающему делами здравоохранения, такой институт был необходим»

(Организация, деятельность и научные труды, 1924: 4)

Осенью 1918 г. Наркомздрав выдвинул проект о создании центрального государственного научного института, в задачи которого входило бы планомерное и систематическое изучение вопросов в области практической гигиены и эпидемиологии: «идея создания <...> института возникла в НКЗ вскоре после учреждения Комиссариата, руководящим деятелям которого было ясно, что для возможно успешного выполнения тех огромных задач, которые ставила жизнь и ставила настоятельно и неотложно в чрезвычайно трудных условиях, которые переживала страна необходимо [было] не только привлечь к делу все силы и средства, которыми эта страна располагала, но и принять меры к созданию новых учреждений <...> новой прочной базы» (Организация, деятельность и научные труды, 1924: 3). Создание такого учреждения стало ответной мерой на сложившуюся к концу 1910-х гг. тяжелую эпидемиологическую ситуацию, которая представляла собой серьезную проблему как для системы здравоохранения, так и для общества в целом (Миронова, 2020). Идея была озвучена 30 октября 1918 г. на I Всероссийском съезде санитарных врачей, бактериологов и представителей медико-санитарных отделов Советов рабочих и крестьянских депутатов

заведующим Санитарно-эпидемической секцией Наркомздрава — врачом А.Н. Сысиным (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-482. Оп. 4. Д. 21. Л. 1; Сысин, 1948: 29). В своем докладе А.Н. Сысин обозначил положения, составившие основу устава будущего института: «это учреждение <...> должно отвечать запросам общественной гигиены, научной и практической эпидемиологии и бактериологии. Оно должно разрабатывать научно-практические вопросы, выдвигаемые жизнью в тех же областях <...> удовлетворить соответствующие требования с мест в порядке консультации местных нужд <...> организовать вспомогательные при себе учреждения для подготовки специалистов, для коллективного обсуждения вопросов, для обмена мнений и “распубликования” своих научных трудов на страницах печати» (ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 4. Д. 21. Л. 7об.). Так был сформулирован проект создания центрального научно-исследовательского и научно-практического учреждения страны, к ведению которого относилась разработка вопросов эпидемиологии, санитарии и гигиены.

По итогам выступления А.Н. Сысина на съезде было принято решение о передаче проекта на рассмотрение в Ученый медицинский совет (далее — УМС) Наркомздрава, а затем — в Комиссию по научным и научно-практическим институтам (далее — Комиссия), в состав которой вошли П.Н. Диатроптов, Е.И. Марциновский, Н.А. Сысин и Л.А. Тарасевич (ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 9. Л. 1–1об.). В первую очередь предполагалось сформулировать «общие положения по устройству» будущего учреждения, которые бы определили его структуру, административные органы, штат и потребность в финансировании. Одним из первых был поднят вопрос о статусе будущего института и его структурной принадлежности. Так, Л.А. Тарасевичем было внесено предложение о выведении института из состава Санитарно-эпидемической секции и о включении его в категорию самостоятельных учреждений Наркомздрава. В результате Комиссией было утверждено положение, согласно которому ГИНЗ признавался

автономным научным учреждением, находящимся в ведении НКЗ и содержащимся на государственные средства, отпускаемые по особой смете (ГАРФ. Ф. А.-482. Оп. 25. Д. 9. Л. 17–19).

Отметим, что на данном этапе еще не было утверждено официальное название института, ввиду чего в документах он именовался Центральным государственным научным институтом народного здравоохранения (ЦГНИНЗ) или Центральным научным государственным институтом народного здравоохранения (ЦНГИНЗ); также нередко в документах 1918–1919 гг. фигурировали названия Центральный научный институт здравоохранения (ЦНИЗ) или Государственный научный институт НКЗ (ГНИ НКЗ). Свое окончательное название Государственный институт народного здравоохранения получил только спустя два года — в 1920 г. (Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 570. Оп. 1. Д. 1. Л. 60об.).

Также на первых заседаниях, состоявшихся 13 и 19 ноября 1918 г., обсуждалась структура будущего института: «...должен ли быть [институт] одним учреждением под управлением одного общего директора, или же это должен быть ряд самостоятельных учреждений, могущих быть объединенными в практических целях в своей хозяйственной деятельности» (ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 9. Л. 13). По этому пункту члены Комиссии высказались в поддержку устройства «такого многосложного института по принципу симбиоза», однако вместе с тем подчеркнули необходимость сохранения за его структурными единицами частичной самостоятельности: «...такой центральный институт должен объединять и координировать деятельность отдельных специальных институтов, однако, не подавляя их и не лишая самостоятельности, а только связывая» (ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 9. Л. 14, 17). По итогу дискуссии в положение ГИНЗ был внесен пункт о включении в его состав нескольких специальных отделов, соответствующих направлениям научно-исследовательской деятельности: 1) микробиологический, 2) тропической медицины и химиотерапии, 3) по контролю вакцин и сывороток, 4) отдел

санитарно-технической болезни и 5) научной и научно-практической гигиены (ГАРФ. Ф. А.-482. Оп. 25. Д. 9. Л. 24).

По завершении работы Комиссии и получении положительного заключения со стороны УМС 27 декабря 1918 г. НКЗ РСФСР было принято Положение о «Центральном государственном научном институте народного здравоохранения» (Становление и развитие здравоохранения, 1966: 134–136). В финальную редакцию документа были включены практически все замечания и поправки, предложенные членами Комиссии, а также одно изменение, сформулированное УМС Наркомздрава. Оно касалось расширения сферы деятельности ГИНЗ, включавшей теперь не только эпидемиологию и связанные с ней направления, но и вопросы здравоохранения в целом (Организация, деятельность и научные труды, 1924: 4). Кроме того, в утвержденном положении специальные отделы были переименованы в специальные институты, что соответствовало официальному статусу научно-исследовательских учреждений, которые планировалось ввести в состав ГИНЗ в ближайшее время: 1) микробиологический, 2) институт протозойных заболеваний и химиотерапии, 3) институт по контролю вакцин и сывороток, 4) институт санитарно-технической болезни и 5) институт научной и научно-практической гигиены (Становление и развитие здравоохранения, 1966: 135–136).

Первыми в структуру ГИНЗ были включены Контрольный институт сывороток и вакцин (далее — Контрольный институт) и Тропический институт, или Институт тропической медицины, соответствовавшие указанным в положении институтам контроля вакцин и сывороток и протозойных заболеваний. Тропический институт был учрежден осенью 1918 г. по инициативе Е.И. Марциновского, «...обратившегося в УМС с просьбой рассмотреть и содействовать практическому движению составленного <...> проекта об учреждении в Москве Института тропической медицины» (ГАРФ. Ф. А.-482. Оп. 25. Д. 9. Л. 11). Следует отметить, что при разработке части положения

ГИНЗ, касавшейся устройства специальных институтов, УМС и Комиссия по научным и научно-практическим институтам ориентировались на пример Тропического института (ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 9. Л. 1). Контрольный институт был сформирован из Центральной контрольной станции сывороток и вакцин, которая действовала при Московском научном институте (Организация, деятельность и научные труды, 1930: 8; Горелова, 2017). Руководивший работой станции Л.А. Тарасевич после ее преобразования был назначен на должность заведующего Контрольным институтом и одновременно на должность директора ГИНЗ (ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 9. Л. 37).

Позднее в систему ГИНЗ было решено включить Институт физиологии питания и Институт экспериментальной биологии, что еще больше расширило тематику научно-исследовательской и научно-практической работы учреждения: «...в течение 1919 г. в связи с усиливавшимися затруднениями в питании населения выдвинулись на первую очередь вопросы по изучению последствий недоедания, по обследованию суррогатов питания, по замене одних видов пищи другими, по выработке норм питания различных групп населения и т. д., что поставило на очередь вопрос об учреждении Института Физиологии Питания. Выдвинуты были также вопросы вырождения и наследственности, тесно связанные с областью экспериментальной биологии» (Организация, деятельность и научные труды, 1924: 5–6). В августе 1920 г. во время IV Всероссийского съезда бактериологов и эпидемиологов состоялось долгожданное торжественное открытие Микробиологического и Санитарно-гигиенического институтов, не раз откладывавшееся ввиду длительного приспособления выделенных для них помещений (Организация, деятельность и научные труды, 1924. С. 5). Отметим, что эти учреждения не вполне и не всегда соответствовали профилю специальных институтов, обозначенных в положении 1918 г. По этой причине с включением в состав новых институтов оно корректировалось в той части, которая отражала структуру ГИНЗ (в наиболее поздних

редакциях она включала восемь учреждений) и фиксировала наименования его подразделений.

Таким образом, начальный этап организации ГИНЗ продолжался с осени 1918 по август 1920 г. В указанный период была сформулирована концепция института как центрального научно-исследовательского и научно-практического учреждения страны, действовавшего в системе Наркомздрава РСФСР. Включение в сферу деятельности ГИНЗ широкого спектра вопросов здравоохранения способствовало усложнению его структуры посредством объединения в его составе нескольких научных институтов, между которыми распределялись поставленные задачи. Так, за первые годы работы была сформирована основа для реализации научно-исследовательской и научно-практической деятельности «центрального института республики».

Список литературы

Горелова Л.Е. История создания Московского научного института — вольной научной академии // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. № 4. С. 250–253.

Миронова Н.А. Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2020. 320 с.

Организация, деятельность и научные труды: отчет ГИНЗа / Государственный Научный институт народного здравоохранения (ГИНЗ). М.: [б. и.], 1919–1924. 335 с.

Организация, деятельность и научные труды: отчет ГИНЗа / Государственный Научный институт народного здравоохранения (ГИНЗ). М.: [б. и.], 1925–1929. 168 с.

Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти. 1917–1924 гг.: сборник документов и материалов. М.: Медицина, 1966. 544 с.

Сысин А.Н. Съезды по гигиене, эпидемиологии и бактериологии в СССР за 30 лет (Исторический обзор) // Гигиена и санитария. 1948. № 1. С. 28–34.

**“CENTRAL INSTITUTE OF THE REPUBLIC”:
ESTABLISHING THE STATE INSTITUTE
OF PUBLIC HEALTH PROTECTION
IN THE RSFSR IN 1918–1920**

Valeriya V. Sliskova

Postgraduate student, analyst
Department for History and Theory of History Science,
Russian State University for the Humanities (RSUH),
Moscow, Russia;
e-mail: vvaleriess@gmail.com

The article deals with the history of the State Institute of Public Health Protection (Russian abbreviation is GINZ) of the People's Commissariat of Public Health Protection during the first two years of its work. In 1918, the People's Commissariat of Public Health Protection proposed a project of establishing a central scientific institute for epidemiological and sanitation studies. They were urgent at that moment because of the serious epidemiological situation in the country that had developed by the end of the 1910s. The idea was announced on 30. October 1918 at the First Russian Congress of Sanitary Doctors, Bacteriologists and Representatives of Health Departments by A.N. Sysin who was the head of the Sanitary and Epidemiological Department in the Commissariat. Ultimately, members of the Congress approved the project and sent it for elaboration to the Scientific Medical Council and to the Commission for Scientific Institutes of the Commissariat. After a month, members of the Commission came up with a concept of the State Institute of Public Health Protection, and in December, it was adopted. According to the concept, GINZ included several scientific institutes, necessary for successful implementation of the tasks that were set by the Commissariat. These were the Institute of Control of Serums and Vaccines, the Institute of Tropical Medicine, the Institute of Nutrition, the Institute of Experimental Biology, the Institute of Microbiology, and the Institute of Sanitary and Hygiene studies. Epidemiologist L.A. Tarasevich was appointed the GINZ's director. Thus, during 1918–1920 GINZ became a large institution of the People's Commissariat of Public Health Protection which comprised six institutes.

Keywords: History of Soviet science, 1920s, epidemiology, State Institute of Public Health Protection, People's Commissariat of Public Health Protection of the RSFSR, A.N. Sysin, L.A. Tarasevich

Acknowledgments

The research was carried out with support from Russian Science Foundation according to the research grant no. 20-78-10095-P “Soviet science as an industry: personnel, infrastructure, organizational and managerial practices (1920-1970s)”.

УДК: 778.5+771(091)

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-242-250

ИМПОРТОЗАВИСИМОСТЬ СОВЕТСКОГО КИНО- И ФОТОПРОИЗВОДСТВА 1920-Х ГОДОВ

Надежда Алексеевна Станулевич

кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Лаборатории музейных технологий Музея
антропологии и этнографии им. Петра
Великого
(Кунсткамера) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: nadstanul@kunstkamera.ru

В последние десятилетия возросло число проектов, посвященных изучению законодательных и административных решений в области кинематографии и фотографии в СССР конца 1920-х гг. и касающихся этих отраслей. Тем не менее внимание исследователей не акцентируется на основной проблеме раннего советского кино и фотографии — импортозависимости.

Включение в источниковую базу материалов из кино-справочников Г.М. Болтянского за 1926–1927 гг. и публикаций в специализированной периодике, использование советской литературы с вычленением отсылок к идеологической повестке стали методологической основой исследования.

В статье ставится вопрос формирования зависимости российской фото- и киноиндустрий от западных материалов в первой четверти XX в. Произведен анализ партийных и ведомственных совещаний 1920-х гг. для выявления предлагавшегося в то время решения выхода из кризиса. Формулирование точки слома использования неэффективных управленческих стратегий является одним из преимуществ презентуемого исследования.

Аккумуляция научных кадров вокруг проблемных отраслей с одновременной финансовой поддержкой по модели плановой экономики стали рецептом относительной технологической независимости кино- и фотопроизводства в СССР ко второй половине 1930-х гг.

Ключевые слова: СССР, фотография, кинематограф, Болтянский, пленка, негативы

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 21-18-00518, <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>

Советская кино- и фотопромышленность, ее продукция вызывает интерес в широком спектре гуманитарных исследований. В последние десятилетия возросло число проектов, посвященных изучению законодательных и административных решений конца 1920-х гг. и касающихся этих отраслей. Тем не менее внимание исследователей не акцентируется на основной проблеме раннего советского кино и фотографии — импортозависимости.

Мой исследовательский интерес вызван необходимостью восстановления контекста работы межведомственного проекта «Киноатлас СССР», который был призван в конце 1920-х гг. осуществить киносъемку этнографических фильмов (Головнёв, 2021: 6). При этом фокус внимания данной статьи — на законодательных и административных решениях советского руководства в отношении кино- и фотопромышленности.

Пересмотр источников по истории фотографии и кинематографа, использование советской литературы с вычленением отсылок к идеологической повестке стали методологической основой исследования. Включение в источниковую базу материалов из кино-справочников Г.М. Болтянского за 1926–1927 гг., архивный материалов, публикаций в специализированной периодике позволило обогатить фактами тезис об проблемной импортозависимости 1920-х гг.

В статье я описываю формирование зависимости российской фото- и киноиндустрий от западных материалов в первой четверти XX в. Решения, предлагавшиеся для выхода из затянувшейся импортозависимости, представлены через анализ партийных и ведомственных совещаний 1920-х гг. Хронологическое перечисление фактов развития отраслей демонстрирует точку слома проблемного движения в цикле импортозависимого производства.

Источниковой базой исследования являются архивные документы из фондов Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) и Государственного центрального музея кино (ГЦМК), специальная периодическая литература, такая как еженедельный иллюстративный журнал «Советский экран» и публикации российского и советского киноведа Г.М. Болтянского (1885–1953).

До активного ввода в научный оборот архивных материалов об истории кинематографа и в том числе административных документов основным источником информации для исследователей служили публикации первой половины XX в. Несмотря на политизированность содержания этих работ авторы-современники рассматриваемых событий оперировали большим объемом данных, которые часто недоступны в виде первоисточника. Во многом затруднена и оценка фактов, тем не менее многократные вычитки принесли свои результаты. Вопрос импортозависимости поднимался Г.М. Болтянским и в более ранних и менее известных среди исследователей публикациях — кино-справочниках за 1926–1927 гг.

За периодизацию изучения развития фото- и кинопромышленности чаще берется дореволюционный и советский периоды. В рассматриваемом вопросе требуется уточнение верхней границы первого периода, а именно указание на важность влияния начала Первой мировой войны. Именно с 1914 г. наиболее остро проявилась зависимость этих отраслей от поставок материалов из стран Европы. Для целостного описания картины импортозависимости советской кино- и фотопромышленности важной является оценка положения дел до 1914 г. Характерными чертами первого десятилетия XX в. были следующие явления.

Во-первых, отсутствовала техническая база для самостоятельного развития сегментов производства без привлечения зарубежных технологий и материалов. Ни химическая промышленность, ни производство оптических устройств не были развиты в Российской империи настолько, чтобы удовлетворить

потребности фотографов и кинематографистов. В основном устройства и принадлежности для съемок, химикаты поставлялись на территорию Российской империи из Французской республики, Германской империи и Великобритании, судя по названиям фирм, представленных на соответствующих рынках начала XX в. Состав основных поставщиков привел к тому, что после объявления начала Первой мировой войны на территории Российской империи довольно быстро образовался дефицит кино- и фотоматериалов, камер и других устройств. Показательным является выход в свет брошюры с описанием способов приготовления фотографической эмульсии в домашних условиях (Срезневский, 1918). Содержание этого издания и факт его публикации характеризуют потребность фоторынка в исходных материалах и необходимости дополнительного обучения фотографов. Так как развитие фото- и киноаппаратов и приспособлений в начале XX в. привело к увеличению любительской съемки, а обслуживанием фотоаппаратов и даже проявкой пленки занимались их производители, как например фирма “Kodak” в США в конце 1880-х гг. (Готран, 2008: 238–239), то уровень подготовки фотографов постепенно снижался.

И проблема профессиональной подготовки кадров кино- и фотопромышленности была одной из основных причин импортозависимости. Основным способом получить нужные знания для фотографов, операторов и лаборантов было самостоятельное чтение специальной литературы, посещение курсов (до Октябрьской революции в основном частных или при тематических обществах), а также многолетняя работа под началом более опытного мастера. Первое учебное заведение в отрасли было открыто в Петрограде в 1918 г., и им стал Высший институт фотографии и фототехники (Кино-справочник на 1926 год: 224).

Таковым было производство с технической точки зрения в первой четверти XX в. — зависимая материальная база, отсутствие высших учебных заведений и системы производства, низкая квалификация рабочих.

После завершения Гражданской войны и установления советской власти начали появляться различные предложения по формированию собственной отрасли фото- и кинопроизводства. На совещаниях различного уровня обсуждалась важность создания идеологически выверенных фотографий, иллюстраций и кинофильмов. Режиссер Николай Алексеевич Лебедев (1897–1978) отмечал в 1925 г., что основными проблемами кинопроизводства были «недостаток аппаратуры, бедность ателье и лабораторий, нехватка кино-технических сил» (ГЦМК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 5/3. Л. 23).

В связи с нехваткой фото- и киноматериалов характерным производственным решением того времени было повторное использование не нужных фотографических отпечатков (ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 9. Д. 93. Л. 4). Оценить разрыв между необходимым объемом и мощностями советского производства можно из справочной информации. Так, ориентировочная потребность в фотографических стеклянных пластинах в 1925–1926 гг. составляла 200 тыс. дюжин, в то время как Обуховский завод мог произвести лишь объем, в два раза меньший потребного (Киносправочник на 1926 год: 230). Что касается кинопроизводства, то, например, мастер монтажного цеха Ленинградской фабрики «Союзкино» (ныне киностудия «Ленфильм») предложил считать остатки от монтажа негативной киноплёнки пригодными для использования в новых съемках (ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 8. Д. 31. Л. 38). Конкретизация импортозависимости киноотрасли может быть осуществлена при изучении списка оборудования и аппаратуры, которые использовались в Ленинграде в начале 1931 г. За рубежом закупились съемочные и проекционные аппараты, прожекторы, реостаты, штативы, монтажные столы, аппараты для съемок титров (ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 8. Д. 72. Л. 4–19).

Специальные комиссии предлагали различные варианты мер для преодоления кризиса импортозависимости. Строительство фабрик (Где рождается фильма, 1928) и целых киногородов (Козырьянов, 2020: 193) виделось первостепенной задачей

на пути производства советских картин. Но к 1928 г. выяснилось, что нехватка квалифицированных работников откладывала достижение поставленных партией целей (Миргородский, 1928). Идеологическая работа на местах, издание специальной литературы о принципах создания советских фильмов и фотографий (Болтянский, 1929) помогли создавать новое творческое направление «соцреализм». Тем не менее этого было недостаточно для обеспечения всех кинотеатров, кинопередвижек, периодических изданий кинолентами и изображениями нужного содержания. Как видно из статистической информации и дискуссий на специальных совещаниях, финансирование всех составляющих этой отрасли носило импульсный, нерегулярный характер к концу 1920-х гг. Например, что при необходимых затратах на покупку импортной киноплёнки в 1928 году было потрачено только 1 200 000 руб. вместо запланированных — 2 100 000 руб. (Шведчиков, 1929: 245).

Фундаментальным для изучения кино- и фотопромышленности являются работы российского и советского киноведа Г.М. Болтянского (1885–1953). В его очерке приведена сводная таблица основных событий развития советской фотографии (Болтянский, 1939: 220–224). Недостатком в этой таблице является невнесение в нее ключевых, по моему мнению, событий, описанных, тем не менее, в основном тексте издания. Возможно, что такой форме представления данных придается излишняя достоверность. Вычленение из повествования идеологических речевых оборотов, обязательных для советских изданий того времени, позволяет эффективнее обработать фактологический материал. Так, было установлено, что за 1927 г. в таблице указана лишь дата начала массового производства фотобумаги на фабрике № 3 фотохимтреста (Болтянский, 1939: 221). Тогда как в тексте главы «Фотографическая наука в СССР и ее достижения» указывается на создание в том же году кафедры фотохимической технологии на химическом факультете Московского высшего технического училища (Болтянский, 1939: 198), что является значимым

движением в сторону формирования круга научно-технических специалистов отрасли. Результаты научно-технической работы советских специалистов также не отражены в итоговой хронологической таблице. При этом Болтянский пишет о том, что «за 1926–1929 гг. публикуется в советской специальной печати свыше 5 научных работ по вопросам фотографии» (Болтянский, 1939: 198). Важным для исследования является и тот факт, что именно после XV съезда КПСС, проходившего 2–19 декабря 1927 г., началось внедрение пятилетнего хозяйственного плана работы фото- и кинопромышленности.

Для использования кинематографа и фотографии в построении новой государственной идеологии необходимы были независимость их производства от зарубежных материалов, оборудования и соответствующие объемы производства, способные, например, заместить в прокате СССР буржуазные киноленты. Задуманное стало возможным лишь ко второй половине 1930-х гг.

Ключевыми факторами успеха стали параллельные процессы, условно набравшие обороты к 1928 г.: увеличение числа научных и производственных кадров за счет создания специализированных учебных заведений и включение рассматриваемых отраслей в модель плановой экономики. При этом идеологическая работа оказалась в одиночку не способной на формирование жизнеспособных отраслей производства.

О готовности кинопроизводства журналисты по-прежнему рассуждали еще и в 1929 г. (Советский экран, 1929: 3). Таким образом, точкой слома проблемного движения кино- и фотопроизводства можно назвать 1928 г. Заголовок публикаций конца 1920-х гг. «Людей и денег культурной ленте» (Советский экран, 1928: 3) также подчеркивают наш тезис о факторах успеха административных решений. Таким образом, аккумуляция научных кадров вокруг проблемных отраслей с одновременной финансовой поддержкой по модели плановой экономики стали рецептом относительной технологической независимости кино- и фотопроизводства в СССР ко второй половине 1930-х гг.

Список литературы

Головнёв И.А. Визуализация этичности в советском кино (опыты ученых и кинематографистов 1920–1930-х годов). СПб.: МАЭ РАН, 2021. 440 с.

Срезневский В.И. Домашнее приготовление броможелатиновой эмульсии и пластинок. Пг.: Тип. С.Л. Кинда, 1918. 70 с.

Готран Ж.-К. В погоне за эфемерным: запечатленные мгновения // Новая история фотографии / Под ред. М. Фризо, А.Г. Наследникова, А.В. Шестакова. СПб.: Machina, 2009. 334 с.

Кино-справочник на 1926 год / Под ред. Г.М. Болтянского. М.: Киноиздательство РСФСР «Кинопечать», 1926. 285 с.

Где рождается фильма. На кино-фабрике Узбекгоскино // Советский экран. 1928. № 21. С. 5.

Козырьянов А.В. Состояние советской кинопромышленности в 1930-е годы // Известия Смоленского гос. ун-та. 2020. № 1 (49). С. 187–197.

Миргородский. Фабрика готова — нет работников // Советский экран. 1928. № 46. С. 4.

Болтянский Г.М. Фото-кружок за работой. М.: Огонёк, 1929. 68 с.

Шведчиков. Организационные и хозяйственные вопросы советской кинематографии // Пути кино. Первое Всесоюзное партийное совещание по кинематографии / Под ред. Б.С. Ольхового. М.: Теа-кино-печать. 1929. С. 233–254.

Болтянский Г.М. Очерки по истории фотографии в СССР. М.: Госкиноиздат, 1939. 224 с.

Готово ли кинопроизводство? // Советский экран. 1929. № 29. С. 3.

Людей и денег культурной ленте // Советский экран. 1928. № 40. С. 3.

SOVIET CINEMA AND PHOTOGRAPHY IN 1920S AS AN IMPORT DEPENDENCE TRADE

Nadezhda A. Stanulevich

PhD in History, Researcher,
The laboratory of museum technologies,
Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (the Kunstkamera),
St Petersburg, Russia;
e-mail: nadstanul@kunstkamera.ru

The production of Soviet cinema and photography is the interest of humanitarian disciplines. In recent decades, the number of studies on the legislation and decisions of the leaders of these industries in the USSR in the 1920s has increased. Nevertheless, researchers do not focus on import dependence as the main problem of early Soviet cinema and photography. The political character of Soviet cinema and photography demanded the production of a lot of content without foreign borrowings. The situation began to change only in the second half of the 1930s. The success factors of development were parallel processes such as: an increase in the number of scientific and industrial specialists through the creation of educational programs; stable funding through the inclusion of the sectors in question in the planned economy model.

Revision of sources on the history of photography and cinema, using archival documents and filtering information from Soviet publications became the methodological basis of the study. In this article, I describe the formation of the dependence of the Russian photo and film industries on materials from the European market in the first quarter of the 20th century. Analysis of party and departmental meetings of the 1920s presents the solutions proposed to get out of the protracted import dependence. The chronological enumeration of the facts of the development of industries demonstrates the breaking point of the problematic movement in the cycle of import-dependent production.

The accumulation of scientific personnel around problematic industries with simultaneous financial support became a recipe for the relative technological independence of Soviet cinema and photography by the end of the 1930s.

Keywords: USSR, photography, cinema, Bolt'yanskii, film, negative

Acknowledgments

This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF) as a part of the project № 21-18-00518, <https://rscf.ru/en/project/21-18-00518/>

УДК: 615.371:316

DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-251-259

СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН РАБОТ ЛУИ ПАСТЕРА ПО ВАКЦИНАЦИИ

Татьяна Ивановна Ульяновкина

доктор биологических наук,
главный научный сотрудник
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: tatparis70@gmail.com

Статья анализирует социальный феномен работ по вакцинации против инфекционных болезней французского ученого-химика Луи Пастера (1822 - 1895), которые обессмертили его имя. Пастер не только открыл метод аттенуации (ослабления) патогенных микроорганизмов, но и обосновал универсальный принцип профилактики инфекционных болезней с помощью прививок ослабленной культуры возбудителя (вакцины). Успех ученого в вакцинации человека «живой вакциной» против бешенства в октябре 1885 г. вызвал радикальную революцию во всем мире: началось строительство сети специальных учреждений: пастеровских станций и институтов; иммунология выделилась в самостоятельную дисциплину: в университетах открылись отделы иммунологии, выходили учебники и научно-практические журналы по иммунологии, образовывались иммунологические союзы, общества, ассоциации. Успех работ Пастера по вакцинации против бешенства у человека и сибирской язве у животных сопровождался расцветом Русско-Французских отношений в области микробиологии, инфекционной патологии и иммунологии. После прибытия в Париж и начала работы Ильи Мечникова в Институте Пастера (1887) очень быстро в нем образовалось большое сообщество российских ученых. Некоторые из них стали лидерами крупных отечественных школ по микробиологии и иммунологии, талантливыми организаторами науки. Со временем величайшие идеи и методы Пастера надолго превратились в интеллектуальную матрицу научных экспериментов по изготовлению новых вакцин. Прошедшая эпидемия ковида-19 (covid-19) убедительно подтвердила это.

Ключевые слова: Луи Пастер, «живые вакцины», бешенство, сибирская язва, Пастеровские станции и институты, Русско-французские связи, интеллектуальная матрица Пастера, Институт Пастера в Париже.

27 октября 1885 г. в Париже произошло историческое событие: на объединенном заседании Французской академии наук и Академии медицинских наук 63-летний заведующий лабораторией в Эколь Нормаль Луи Пастер (Louis Pasteur, 1822–1895), сообщил о результатах успешной вакцинации человека против бешенства — одного из тяжелейших заболеваний, общего для человека и животных. Это были два случая полного выздоровления 9-летнего Жозефа Мейстера и 15-летнего Жана Батиста Жюпиля после введения так называемой живой вакцины.

Выступление Пастера было психологически ошеломляющим — в считанные годы был побежден недуг, перед которым медицина тысячелетиями оставалась бессильной. До конца XIX в. страх заражения бешенством в странах Европы был настолько велик, что часто люди, только подозреваемые в этой болезни, подвергались уничтожению (Ульянкина, 1994: 72). А лучшим средством от него сохранялась каутеризация — прижигание места укуса раскаленным железом, рекомендованная Цельсом еще в I в. н. э. (Саватеев, 1927).

Эксперименты по разработке живой вакцины от бешенства обесмертили имя Пастера, хотя принцип метода находился в противоречии со здравым смыслом: «иммунитет дается после заражения, в уже отравленный укусом организм вводится еще ряд возрастающих по силе ядов. Теоретическая непонятность такого образа действий вызывала целый ряд нападений на Пастера» (Гамалея, 1956: 72).

Причины беспрецедентного успеха Пастера биографы связывают с его гениальной способностью фокусировать внимание на главной цели работы, «отодвинув» те аспекты, которые не поддаются в данный момент решению (Dubos, 1950). Пастер был первым, кто начал экспериментировать с новым классом

неизвестных инфекционных агентов — вирусами — их тогда относили к категории «невидимых микробов». Только спустя 18 лет сотрудник Института Пастера П. Ремленже установил, что возбудитель бешенства относится не к бактериям, это — фильтрующийся вирус, обладающий свойством облигатного паразита (Remlinger, 1903: 834).

После сообщения об успешной вакцинации лаборатория Пастера превратилась в настоящий прививочный конвейер — в Эколь Нормаль стали привозить на вакцинацию пострадавших из разных стран мира, в том числе и из России. Спустя четыре месяца, 1 марта 1886 г. на заседании Французской академии наук Пастер объявил об успешном лечении уже 350 пациентов (Пастер, 1886: 2). В октябре 1886 г. число лиц, получивших прививки от бешенства, возросло до 2 490. В России прививки от бешенства получили 3 236 человек и смертность составила всего 0.55% (Высокович, 1896: 2). Во всем мире летальность от бешенства снизилась в 19 раз по сравнению с допастеровским временем (Шен, 1956: 59). После перенесенного инсульта Пастеру было трудно участвовать в экспериментальной работе, но он самоотверженно продолжал руководить работой сотрудников, оставаясь главным генератором идей. Тем не менее, он опасался, как бы с его смертью начатое им дело не остановилось. Огромное впечатление от использования антирабической вакцины на человеке победило общественную инерцию. 1 марта 1886 г. на заседании в Академии наук было объявлено о начале кампании по сбору средств на строительство Международного центра по профилактическим прививкам, который именовали «Дворцом бешенства» (Ульянкина, 1988: 86).

Успеху живой вакцины против бешенства у человека в 1895–1896 гг. предшествовал не менее триумфальный успех действия живой вакцины против сибирской язвы у сельскохозяйственных животных, который Пастер продемонстрировал в 1880 г. В России (как, впрочем, и во всем мире) инфекционные болезни сильно ограничивали рост поголовья крупного рогатого скота.

В последнее десятилетие XIX в. потери скота от болезней во многих губерниях в России стали превышать естественный прирост. В 1871 г. вследствие высокого заражения животных такие страны как Англия, Германия, Австрия отказались делать закупки скота и шерсти в России, что подорвало интересы русских скотопромышленников на внешнем рынке (Ульянкина, 1994: 205). Этот период сыграл стратегическую роль в социальном оформлении вакцинного дела в русской ветеринарии. В 1873 г. был открыт Ветеринарный институт в Казани, в 1890 г. Варшавская ветеринарная школа была преобразована в Ветеринарный институт; стал выходить научно-практический журнал «Ветеринарный вестник», который редактировали профессора Казанского, Дерптского и Харьковского ветеринарных институтов: К. Бломберг, Е. Земмер и П. Гордеев. Начиная с 1883 г. стали издаваться Труды ветеринарных институтов в Казани (1888), Харькове (1888), Юрьеве (1906). В январе 1903 г. в Санкт-Петербурге состоялся Первый Всероссийский ветеринарный съезд.

Успех Пастера в вакцинации человека вызвал радикальную революцию в мышлении ученых и государственных деятелей: началось строительство сети специальных учреждений во всем мире — пастеровских станций и институтов, сохранивших свое значение до настоящего времени. В течение очень короткого времени станции были открыты: в Италии (Неаполь, 1886; Падуя, Палермо, 1887; Милан, Болонья, 1889), в Испании, Венгрии, Румынии, Австрии, Турции, в странах Азии, Африки, Северной Америки (Нью-Йорк, 1886), в Южной Америке (Буэнос-Айрес, 1886; Рио-де-Жанейро, 1886). Только в 1886 г. в России при активном содействии Пастера было открыто шесть пастеровских станций: в Одессе (май), Самаре (2 июля), Петербурге (13 июля), Варшаве (17 июля), Москве при Александровской больнице (17 июля), а также — при Генеральном военном госпитале (19 июля). Качество проводимой научной и практической работы на этих станциях вызывало глубокое уважение Пастера и его коллег (Ефременко, 1957: 130). Русские пастеровские станции обслуживали

громадные районы, охватывающие целые регионы Европейской и Азиатской частей России (Жуковский, 1924: 104–113).

Пастер стоял у истоков организации Императорского Института экспериментальной медицины (ИИЭМ), созданного на базе Петербургской прививочной станции — открыт 6 декабря 1890 г. как высшее научное медицинское учреждение академического типа. В 1892 г. ИИЭМ начал издавать журнал «Архив биологических наук» под общей редакцией С.Н. Виноградского, выходящий на двух языках: русском и французском.

Пастеровский институт был открыт 14 ноября 1888 г. в Париже на улице Дюто, 25 в присутствии президента Франции М.Ф. Сади Карно (Sadi Carnot) как частный некоммерческий институт, занимающийся исследованиями в области микробиологии, инфекционных болезней и производства вакцин. *«В стенах Института <...> наука впервые приобрела статус самостоятельной деятельности, осуществляемой исследователями-профессионалами, свободными от педагогической функции»* (Любина, 1996: 207). Он быстро стал составной частью научной и культурной жизни этой страны. Здесь были разработаны средства для борьбы с бешенством, дифтерией, столбняком, туберкулезом, полиомиелитом, гриппом, желтой лихорадкой и чумой. Институт стал самым популярным научным центром французской столицы, к которому *«весь Париж, вся Франция и даже весь мир испытывали непреодолимое влечение»*, — писал Этьен Бюрне (Burnet, 1960: 8).

Работы Пастера по бешенству сопровождались расцветом русско-французских связей в области микробиологии, инфекционной патологии и иммунологии. В 1889 г. Эмиль Ру организовал в Институте Пастера платные Микробиологические (Бактериологические) курсы, предназначенные для обучения французских врачей новейшим достижениям микробиологии и иммунологии, и их экспериментальным методам. Очень быстро курсы приобрели международный характер: их стажерами стали ученые Канады, США, Алжира, Бразилии, Швеции, Греции, Румынии,

Венгрии, Норвегии, Голландии, Бельгии, особенно много их было из России. По свидетельству Л.А. Тарасевича, через Пастеровский институт прошло свыше 1 000 русских врачей и ученых (Архив Российской академии наук. Ф. 1538. Оп. 1. № 62. Л. 4). За период 1889–1914 гг. на Микробиологических курсах прошли обучение около 2,5 тыс. чел. (Колотилова, 2010: 45). В необычном наплыве зарубежных ученых Л. Пастер видел источник расширения фронта исследования, обогащения лабораторий новыми идеями, исследовательскими методами, иногда оригинальным опытом, к тому же это был способ широкой пропаганды его достижений (Любина, 1996: 208).

Здесь же в Пастеровском институте получил Нобелевскую премию в 1908 г. И.И. Мечников (1845–1916) — неформальный лидер нового научного направления по иммунологии. Еще до приезда во Францию он уже был автором теории клеточного иммунитета и достиг определенной вершины своих творческих возможностей. Это был лидер с громадным научным авторитетом, высокой духовностью и образованностью, обаянием и артистизмом, свободным владением несколькими европейскими языками. С приходом И.И. Мечникова в строящийся тогда институт (позже он возглавил Отдел морфологии низших организмов и сравнительной микробиологии) приток ученых из разных стран особенно усилился.

И.И. Мечников способствовал появлению в Институте Пастера многих своих соотечественников, и спустя несколько лет там сформировалось крупнейшее научное сообщество русских исследователей. Публикуя свои статьи в *Анналах института Пастера* (*Annales de l'Institut Pasteur*) и других европейских изданиях, русские врачи совершенствовали свое образование и приобретали известность.

Живые вакцины Пастера долго применялись во многих странах: в СССР до 1925 г., во Франции до 1948 г., тогда как пастеровские идеи навсегда остались действующей интеллектуальной матрицей. Прошедшая эпидемия ковида (COVID-19) убедительно

подтвердила это. В борьбе с инфекциями пока не видно других эффективных методов, равных вакцинации. Современные достижения: применение моноклональных антител по отношению к вирусу бешенства, использование культуры клеток для получения более совершенных вакцин и успешное применение оральных вакцин для иммунизации диких животных — внесли новые коррективы в разработку метода борьбы с бешенством. Существует «Всемирный день борьбы против бешенства», утвержденный Глобальным альянсом по контролю над бешенством, который отмечают ежегодно в день смерти Луи Пастера — 28 сентября 1895 г. В 2019 г. этот День проходил в Москве (Ульянкина, 2020: 444–448). Тем не менее, бешенство продолжает занимать десятое место по шкале причин смертности людей от всех инфекционных болезней: от него ежегодно погибает более 55 тыс. чел., заболевание продолжает регистрироваться более чем в 150 странах, в том числе и в России.

Список литературы

- Высокович В.К. Пастеровские прививки в России в 1894 г. СПб.: Риккер, 1896. 2 с.
- Гамалея Н.Ф. Общие основы предохранения от бешенства / Гамалея Н.Ф. Собр. соч.: В 6 т. М. Изд-во АМН СССР, 1951–1964. Т. 1. 1956. С. 72–78.
- Жуковский А. Русские пастеровские станции: Обзор деятельности станций за период 1886–1922 гг. // Гигиена и эпидемиология. 1924. № 1. С. 104–113.
- Ефременко А.А. Письма Пастера к русским ученым // Микробиология. 1957. Т. 26. Вып. 3. С. 397–400.
- Ефременко А.А. Материалы к переписке Пастера с русскими врачами (К 70-летию со дня открытия пастеровских станций в России) // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. 1957. № 5. С. 126–130.
- Колотилова Н.Н. Микробиологические курсы в Институте Пастера: преподаватели и слушатели из России // Российские биологи в Институте Пастера. Научный каталог выставки. М.: Архив РАН, 2010. 74 с.
- Любина Г.И. Россия и Франция. История научного сотрудничества. М.: ТОО «Янус», 1996. 263 с.
- Пастер Л. Лечение водобоязни: доклад на заседании Французской Академии наук 1 марта 1886 г. // Смоленский вестник. 1886. № 32–33. С. 2.

Саватеев А.И. Бешенство. Л.; М: Госиздат, 1927. 216 с.

Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 1538 (фонд Л.А. Тарасевича). Оп. 1. № 62. Л. 4.

Ульянкина Т.И. Институту Пастера в Париже — 100 лет // Иммунология. 1988. № 6. С. 86–88.

Ульянкина Т.И. Зарождение иммунологии. М.: Наука, 1994. 319 с.

Ульянкина Т.И. Всемирный день борьбы с бешенством — «JMR Москва 2019» // Вопросы истории естествознания и техники. 2020. Т. 41. № 2. С. 444–448.

Шен Р.М. 75-летие исследований Пастера по бешенству // Вопросы вирусологии. 1956. № 3. С. 59–62.

Dubos R. Louis Pasteur, Free Lance of Science. Boston: Gallancz, 1950. 418 p.

Burnet E. Un Europeen Elia Metchnikoff. Tunis: Calypso, 1960. 32 p.

Remlinger P. Le passage du virus rabique travers les filters // Annales de l'Institut Pasteur, 1903. Vol. 17. P. 834–849.

THE SOCIAL PHENOMENON OF LOUIS PASTEUR'S WORK ON VACCINATION

Tatiana I. Ulyankina

Doctor of Biology, Chief researcher,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: tatparis70@gmail.com

The article examines the social phenomenon of works on vaccination against infectious diseases, which immortalized Louis Pasteur's name (1822 - 1895). Pasteur discovered the phenomenon of attenuation (weakening) of pathogenic microorganisms and substantiated the universal principle of the prevention of infectious diseases through vaccination - the introduction of a weakened culture of the pathogen (vaccine). The scientist's success in vaccinating a person with a «live vaccine» against rabies in October 1885 caused a radical revolution throughout the world: the construction of a network of special institutions began - Pasteur stations and institutes. Within a very short time, the stations were opened in Italy (Naples, 1886, Padua, Palermo, 1887, Milan, Bologna, 1889), in Spain, Hungary, Romania, Austria, Turkey, in Asia, Africa, North America (New York, 1886), in South America (Buenos Aires, 1886, Rio de Janeiro, 1886). Six stations were opened with active support of Pasteur in 1886 in Russia: in Odessa (in May), Samara (July 2), St. Petersburg (July 13), Warsaw (July 17), Moscow at the Alexander Hospital (July 17), and also - at the General Military Hospital (July 19). Pasteur's work on rabies was accompanied by fostering Russian-French relations in the field of microbiology, infectious pathology and immunology. A large community of Russian researchers was formed at the Pasteur Institute after Ilya Mechnikov had arrived there in 1887. Some of them became leaders of Russian scientific schools of microbiology and immunology, and talented organizers of science. Over time, Pasteur's greatest ideas and methods have forever become the intellectual matrix of most scientific experiments to make new vaccines. The past epidemic of Covid-19 has convincingly confirmed this.

Keywords: Louis Pasteur, “live vaccine”, hydrophobia, anthrax, network of Pasteur stations and institutions, Russian-French relations, Pasteur's intellectual matrix, Pasteur Institute in Paris

**ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО
И НАУЧНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ**

Международный ежегодник

ВЫПУСК 9 (39)

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Подписано в печать 01.10.2023. Заказ №15662

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 14,42. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10